Русская Старина

Ежемѣсячный

Историческій Журналъ

Іюль
1885

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XII. 1885 г.

Май, 1885 годъ.

Іюнь, 1885 годъ.

Іюль, 1885 годъ.

стр.

Августъ, 1885 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XII.

ІЮЛЬ.

1885

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го іюня 1885 года.

Бортнянскій

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КІЕВСКАЯ СТАРИНА».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. КІЕВЪ, 20 ІЮНЯ 1885 Г. ГЕЛИОГРАВЮРА ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ВОЕВОДСКІЯ „ВѢСТОВЫЯ ОТПИСКИ" XVII В.,

КАКЪ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИСТОРІИ МАЛОРОССІИ.

I.

Сношенія московскаго правительства XVII вѣка съ своими послами и резидентами въ сосѣднихъ государствахъ были крайне затруднительны и потому очень рѣдки. Безобразное состояніе тогдашнихъ путей сообщенія, или, лучше сказать, почти полное отсутствіе ихъ, продолжительныя войны, внутреннія неурядицы и проч.—все это мѣшало установленію правильныхъ и постоянныхъ сношеній посольскаго приказа въ Москвѣ съ его дипломатами за рубежомъ. Добраться московскимъ гонцамъ изъ Москвы въ Польшу, Швецію, особенно-же въ Крымъ и Турцію, и обратно—было дѣломъ большой трудности и даже опасности. Не только варварскія правительства Турціи и Крыма позволяли себѣ слишкомъ безцеремонно относиться къ московскимъ гонцамъ и чинить имъ всякія притѣсненія [1]), но даже полуцивилизованное польское правительство весьма приближалось въ то время въ своихъ международныхъ сношеніяхъ къ указаннымъ странамъ. Приведу въ подтвержденіе одинъ характерный случай. Въ апрѣлѣ 1690 года кіевскій воевода бояринъ князь Михаилъ Григорьевичъ *Ромодановскій* писалъ въ Москву [2]),

---

[1]) См., напр., Исторію Россіи, *Соловьева*, т. XIV, 38; *Устряловъ*, Исторія царствованія Петра Великаго, т. I, стр. 191—192 и др.

[2]) Московскій архивъ министерства юстиціи: *Разряднаго Приказа московскаго стола столбецъ № 749,* дѣло № 7, лл. 172—176.

что вернувшись незадолго передъ тѣмъ изъ Польши, кіевскій мѣщанинъ Иванъ *Павловъ* видѣлся зимою съ московскимъ резидентомъ въ *Варшавѣ* Иваномъ *Волковымъ*, который жаловался ему на крайнюю трудность поддерживать сношенія съ своимъ правительствомъ. Резидентъ разсказывалъ, что онъ отправилъ въ Москву двухъ человѣкъ съ важною «вѣстью» о заключеніи польскимъ королемъ «вѣчнаго мира» съ крымскимъ ханомъ, но опасается, что эта «вѣсть» не дойдетъ до Москвы, такъ какъ ему «вѣдомо», что *«одного посланнаго»* поляки «переняли съ письмами на дорогѣ» и *«предали смерти»*. О судьбѣ другаго гонца Иванъ Волковъ ничего не могъ сообщить Ивану Павлову. Онъ хотѣлъ послать съ послѣднимъ письмо къ князю Ромодановскому, но побоялся, чтобы поляки *«не отняли* на дорогѣ» того письма, и потому поручилъ ему только словесно передать воеводѣ сильно интересовавшую въ то время московское правительство новость о союзѣ короля съ ханомъ.

Подобныя насилія надъ гонцами и вообще всякія препятствія въ сношеніяхъ московскихъ резидентовъ съ своимъ правительствомъ были въ XVII вѣкѣ самымъ зауряднымъ явленіемъ. Понятно, что такое положеніе вещей наносило явный и громадный ущербъ политическимъ видамъ Москвы и заставляло ее подумать надъ уничтоженіемъ, или по крайней мѣрѣ смягченіемъ этого зла. Нѣкоторымъ выходомъ изъ этого положенія явилось собираніе политическихъ *«вѣстей»*, помимо заграничныхъ пословъ, чрезъ посредство порубежныхъ московскихъ воеводъ и чрезъ распросы въ самой Москвѣ всѣхъ лицъ, пріѣзжавшихъ изъ-за рубежа.

Дѣло собиранія такихъ «вѣстей» было широко развито въ XVII в. и довольно стройно организовано. Въ каждомъ «воеводскомъ наказѣ», какой давался изъ Разряднаго Приказа лицамъ, отправлявшимся на воеводство въ города порубежные съ Польшею, Швеціей, Крымомъ и Турціей, одно изъ видныхъ мѣстъ отводится именно наставленіямъ о собираніи воеводами политическихъ и военныхъ «вѣстей» изъ сосѣднихъ государствъ. И что порубежные воеводы дѣйствительно считали это дѣло одною изъ первыхъ своихъ обязанностей, это доказывается массою сохранившихся до нашего времени (напр. въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи) воеводскихъ *«вѣстовыхъ отписокъ»*, или «вѣстовыхъ *писемъ»*, какъ они тогда назывались. Изъ всего количества «отписокъ» порубеж-

ныхъ воеводъ громадное большинство ихъ именно говоритъ о «вѣстяхъ», собранныхъ воеводами тѣмъ или инымъ путемъ. Мало-мальски цѣнная зарубежная вѣсть сейчасъ-же записывалась воеводою и отсылалась имъ въ Москву, въ Разрядный Приказъ. Если вѣсть говорила только о военныхъ предпріятіяхъ извѣстнаго сосѣдняго государства, то она и оставалась для надлежащихъ распоряженій въ этомъ приказѣ, служившемъ средоточіемъ военной дѣятельности московскаго правительства; но если отъ воеводы приходили и политическія вѣсти, онѣ немедленно-же отсылались Разрядомъ въ Посольскій приказъ.

«Вѣсти» собирались порубежными воеводами изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Главную массу имъ доставляли «*выходцы*» изъ сосѣднихъ государствъ, переходившіе на вѣчную службу въ московское государство, и русскіе «*полоненики*», возвратившіеся на родину изъ плѣна. Затѣмъ очень усердно и исправно служили государству въ разсматриваемомъ дѣлѣ московскіе «*торговые люди*», ѣздившіе къ сосѣдямъ «для торговыхъ промысловъ» и *обязательно* собиравшіе тамъ разныя вѣсти. Наконецъ московское правительство имѣло и своихъ спеціальныхъ «*вѣстовщиковъ*» или «*лазутчиковъ*», нарочно посылавшихся въ сосѣднія государства для собиранія вѣстей [1]).

Наибольшую степень достовѣрности слѣдуетъ признать за «вѣстями», сообщавшимися «*торговыми людьми*». Это были наиболѣе опытные и развитые люди сравнительно съ остальными собирателями вѣстей, много видѣвшіе и слышавшіе на своемъ вѣку и невольно ко всему присматривавшіеся въ своихъ частыхъ и продолжительныхъ зарубежныхъ поѣздкахъ по торговымъ дѣламъ. Они довольно хорошо были знакомы и съ московскими политическими событіями, и съ событіями разныхъ сосѣднихъ государствъ. Они знали, что интересуетъ правительство и какого рода вѣсти нужны ему въ данную минуту. Собираясь за рубежъ, торговые

[1]) Отъ зарубежныхъ «вѣстовщиковъ» слѣдуетъ отличать порубежныхъ «вѣстовщиковъ», какіе существовали на южной и юго-западной окраинахъ государства и назначались для сообщенія изъ одного города въ другой «вѣстей» о татарскихъ набѣгахъ. См. о нихъ въ моемъ «Обозрѣніи Историко-географическихъ матеріаловъ XVII в.» («Опись докум. моск. архива минист. юстиціи», книга IV, отдѣлъ II, стр. 312).

люди должны были явиться къ своимъ воеводамъ, чтобы получить отъ нихъ «проѣзжую память» на право свободнаго проѣзда за рубежъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ взять отъ нихъ и наставленія относительно собиранія вѣстей. Оттого они и привозили изъ-за рубежа всегда болѣе или менѣе цѣнныя вѣсти и не обращали вниманія на пустяки, какіе сплошь и рядомъ встрѣчаемъ у другихъ вѣстовщиковъ. Хотя собираніе вѣстей было обязательно для торговыхъ людей, но, не будучи связаны съ правительствомъ никакими служебными отношеніями, они свободно и болѣе или менѣе по совѣсти относились къ этой своей обязанности. Они не должны были, подобно напримѣръ «выходцамъ» или спеціальнымъ «лазутчикамъ», во что-бы то ни стало добыть и доставить своему воеводѣ вѣсти. Они дѣйствовали тутъ такъ, какъ допускала возможность и какъ подсказывало имъ желаніе принести посильную пользу своему правительству. Вообще, знакомство съ воеводскими «вѣстовыми отписками» заставляетъ признать, что торговые люди относились серьезно и толково къ дѣлу собиранія политическихъ и иныхъ вѣстей.

Второе мѣсто по степени достовѣрности слѣдуетъ отвести вѣстямъ, доставлявшимся русскими «*полоненииками*», особенно тѣми изъ нихъ, которые вышли на родину послѣ очень продолжительнаго плѣна. Долгая жизнь на чужбинѣ отлично знакомила ихъ съ тою страною, въ которой имъ приходилось отбывать свое «полонское терпѣнье». Возвращаясь на родину послѣ мучительнаго ряда годовъ и сообщая правительству послѣднія новости извѣстной страны, они освѣщали ихъ своимъ практическимъ и точнымъ знаніемъ условій тамошней жизни. Совершенную противоположность въ этомъ отношеніи представляли полоненики, побывавшіе въ полону не большое количество времени, напр. всего нѣсколько мѣсяцевъ. Эти лица успѣвали нахвататься однихъ верхушекъ и потому несли часто порядочную околесицу въ своихъ вѣстяхъ.

Вѣсти спеціальныхъ «*лазутчиковъ*» отличались достовѣрностію лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ этой роли являлись лица изъ высшихъ разрядовъ служилыхъ людей (дворянъ, боярскихъ дѣтей и т. п.), или когда вообще данное лицо, хотя-бы и изъ низшихъ служилыхъ (стрѣльцовъ и т. п.), а также изъ посадскихъ жителей или крестьянъ, служило въ роли лазутчика болѣе или менѣе продолжительное время. Тогда оно успѣвало хорошо познакомиться съ

своею спеціальностію, изучить требованія своихъ властей, завязать сношенія съ зарубежными жителями и узнать условія тамошней жизни. Но вообще обязательное сообщеніе вѣстей, поощряемое денежными и другими наградами въ случаѣ удачной ловли ихъ и напротивъ наказываемое въ случаѣ неудачи болѣе или менѣе чувствительнымъ образомъ, не могло не вліять дурнымъ образомъ на степень достовѣрности вѣстей, доставлявшихся «вѣстовщиками».

Еще хуже были поставлены въ этомъ отношеніи «выходцы», которыхъ нерѣдко даже не пропускали въ московскіе предѣлы, если они приходили безъ всякихъ вѣстей, или съ вѣстями пустаго свойства. Понятно, что при такой крайности имъ нерѣдко приходилось просто выдумывать тѣ или другія вѣсти, чтобы только добиться права принятія въ московское подданство. И это тѣмъ чаще случалось, что въ большинствѣ случаевъ выходцы бросались въ Москву не добровольно, но вслѣдствіе какихъ-либо осложненій въ ихъ личной жизни, не позволявшихъ имъ спокойно оставаться на родинѣ. Нужда гнала ихъ въ Москву, но все-таки они не могли по свойству человѣческой натуры сразу и безповоротно отвернуться отъ родины. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляли одни русскіе выходцы, т. е. русскіе уроженцы Литвы и Польши. Они не могли не симпатизировать единокровной и единовѣрной Москвѣ, и шли въ Россію охотно, забывая свое непривѣтливое для нихъ отечество. Но у выходцевъ иноземцовъ непремѣнно оставалась хотя маленькая доза патріотизма, которая мѣшала имъ вполнѣ отдаться Москвѣ и откровенно выложить ей всѣ политическія и военныя вѣсти своего отечества. Полное предательство претило лицамъ, уходившимъ съ родины вслѣдствіе стеченія разныхъ неблагопріятныхъ для нихъ лично обстоятельствъ. Оттого и вѣсти такихъ лицъ не отличаются искренностію и достовѣрностію. Только одинъ сортъ выходцевъ не сдерживалъ себя ничѣмъ и готовъ былъ все и всѣмъ продать за чечевичную похлебку... Разумѣю прямыхъ авантюристовъ, сновавшихъ въ то время вдоль и поперекъ всей Европы и съ удовольствіемъ служившихъ и Москвѣ, щедро платившей имъ за ихъ «благородную кровь»... Но хотя вѣсти такихъ авантюристовъ всегда почти очень пространны и повидимому откровенны, имъ нужно довѣрять съ осторожностію, помня, что нравственность подобныхъ лицъ была не высокаго достоинства.

Къ числу «выходцевъ» примыкаютъ также русскіе «бѣглые люди», уходившіе за рубежъ и затѣмъ возвращавшіеся обратно, подъ вліяніемъ тоски по родинѣ и по другимъ причинамъ. Къ ихъ вѣстямъ также слѣдуетъ относиться съ осторожностію, такъ какъ подобныя лица не отличались особенною нравственностію и не прочь были ради права возврата на родину наговорить съ три короба пустыхъ вѣстей.

Эти различныя степени достовѣрности показаній тѣхъ или иныхъ собирателей вѣстей всегда слѣдуетъ имѣть въ виду при изученіи самихъ вѣстей.

II.

Въ XVII вѣкѣ «выходцы» въ московское государство шли главнымъ образомъ изъ Литвы, Малороссіи и Польши и рѣже «изъ Нѣмецъ», «изъ Свеи» (Швеціи) и остальныхъ европейскихъ странъ. Чаще всего упоминаются между выходцами «литвины» и «поляки», причемъ тѣ и другіе постоянно смѣшиваются въ современныхъ документахъ. Установленію племеннаго различія между ними помогаютъ отчасти ихъ имена и фамиліи, но не вполнѣ, такъ какъ русское населеніе Литвы и Польши нерѣдко носило тогда чисто польскія фамиліи. Одни бѣлоруссы витебскаго, полоцкаго и другихъ повѣтовъ предпочитали въ то время носить фамиліи съ русскими окончаніями (на *инъ* и *овъ*). Гораздо болѣе уясняютъ вопросъ о происхожденіи выходцевъ изъ Литвы или Польши указанія на мѣста ихъ родины. Въ этихъ указаніяхъ болѣе или менѣе обстоятельно приводятся названія «повѣтовъ», городовъ, селъ и проч. [1]). Разбирая эти данныя, приходишь къ заключенію, что поляки были довольно рѣдкими гостями въ московскомъ государствѣ сравнительно съ русскими выходцами изъ польскихъ областей.

Послѣ литвиновъ первое мѣсто въ количественномъ отношеніи занимали выходцы «черкасы»—«малороссійскіе» и «запорожскіе»,

---

[1]) Встрѣчаются, конечно, и очень глухія указанія. Напр. «выѣзжій литвинъ» 7140 (1632) г. Прокофій Залѣсскій показанъ родомъ изъ «винницкаго повѣта» (Разряднаго приказа помѣстнаго стола столбецъ № 2, л. 219). Разумѣется-ли здѣсь винницкій повѣтъ, или какой-либо другой съ подходящимъ именемъ, рѣшить трудно.

тѣ и другіе почти въ равномъ количествѣ. Послѣ черкасъ слѣдуетъ поставить татаръ крымскихъ, нагайскихъ и другихъ. Затѣмъ идутъ обитатели православнаго востока—«гречане», «волохи», «сербины» и проч., далѣе—нѣмцы и др. западно-европейцы. Наконецъ, менѣе всего выходило въ XVII вѣкѣ въ Россію «турчанъ» и кавказскихъ горцевъ.

Всѣ эти разношерстные выходцы, появляясь на московскихъ рубежахъ, направлялись порубежными «сторожами» въ ближайшіе города, въ распоряженіе мѣстныхъ воеводъ. «Черкасы» выходили (въ 1-й половинѣ XVII вѣка) главнымъ образомъ въ Путивль, затѣмъ въ Рыльскъ, Масальскъ, Мещовскъ и другіе пункты, литвины-же и поляки преимущественно направлялись въ Сѣвскъ и Великіе Луки.

Принявши выходца, воевода извѣстнаго города немедленно распрашивалъ его о происхожденіи и о «вѣстяхъ» изъ того государства, откуда онъ вышелъ, и записывалъ эти вѣсти въ такъ называвшихся «распросныхъ (или «допросныхъ») рѣчахъ». Приготовивши свою «отписку» въ Разрядный приказъ о фактѣ прихода извѣстнаго выходца и о доставленныхъ имъ вѣстяхъ, или-же приложивши послѣднія въ отдѣльномъ документѣ—въ «распросныхъ рѣчахъ», воевода снаряжалъ выходца въ дорогу, въ Москву: приводилъ его «къ крестному цѣлованью» на подданство московскому государю, давалъ ему «кормецъ» и «подводку» [1]) и отправлялъ въ Москву вмѣстѣ съ провожатымъ, бравшимся преимущественно изъ ратныхъ людей, или изъ «разсыльщиковъ» при мѣстной «приказной избѣ». Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Въ мартѣ 7140 (1632 г.) сѣвскій воевода Михаилъ Еропкинъ отправилъ въ разрядной приказъ «отписку» [2]) о выходѣ въ Сѣвскъ изъ-за польскаго рубежа, изъ Новгородка-Сѣверскаго «выходца—литвина» Яна Заблоцкаго, «шляхтича» родомъ изъ города Каменска, лежавшаго въ 20 верстахъ отъ Варшавы. Въ той-же отпискѣ воевода сообщалъ разряду и вѣсти, какія привезъ Янъ Заблоцкій. Какъ

[1]) Любопытно, что эти уменьшительныя названія «корма» и «подводы» очень часто фигурируютъ въ воеводскихъ «отпискахъ», когда они говорятъ о снаряженіи въ Москву выходцевъ. Но этихъ-же выраженій не приходилось встрѣчать въ тѣхъ-же отпискахъ или въ другихъ документахъ въ примѣненіи къ своимъ ратнымъ или вообще служилымъ людямъ.

[2]) Московскаго стола столбецъ № 83, лл. 143—145.

отписка, такъ и самъ выходецъ были сданы воеводою на руки «козаку сѣвскаго острожка» Кондратію Чаусу, который долженъ былъ доставить первую и втораго въ Разрядъ къ думному дьяку Ивану Гавреневу и дьяку Михаилу Данилову. Передъ отправленіемъ въ дорогу воевода Михаилъ Еропкинъ, по обычаю, привелъ Яна Заблоцкаго къ присягѣ и далъ ему на дорогу «кормецъ и подводку».

Кондратій Чаусъ пріѣхалъ въ Москву съ выходцемъ 29 марта и въ тотъ-же день представилъ его въ Разрядъ. Въ этотъ-же день въ Приказѣ немедленно сняли съ Яна Заблоцкаго дополнительныя «допросныя рѣчи» [1]). Это почти тѣ-же самыя вѣсти, какія сообщалъ и сѣвскій воевода въ своей отпискѣ, но съ бóльшими подробностями и съ нѣкоторыми дополненіями. Такой передопросъ выходцевъ почти всегда дѣлался въ Разрядѣ, особенно если воевода не сообщилъ подлинныхъ «распросныхъ рѣчей» выходца на мѣстѣ, а ограничился болѣе или менѣе краткою передачею его вѣстей въ своей отпискѣ.

Проживъ нѣсколько времени въ Москвѣ и состоя въ это время у кого-либо «на порукахъ», выходцы (или какъ ихъ съ этого времени называли, «нововыѣзжіе иноземцы») били челомъ государю о выдачѣ имъ «выходнаго жалованья», т. е. денежнаго пособія за выходъ въ московское государство и «поденнаго корма» (денежнаго) на содержаніе свое до той поры, когда они будутъ куда-либо «записаны въ службу» и когда ихъ «поверстаютъ помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ». При подачѣ этихъ челобитій Разрядъ снималъ съ выходцевъ подробныя «сказки» о происхожденіи ихъ, объ ихъ прошлой жизни до выѣзда въ московское государство и о побужденіяхъ къ этому выѣзду. Эти «сказки» очень любопытны для характеристики той бродячей вольницы—«гулящихъ людей», какіе нерѣдко наѣзжали въ XVII вѣкѣ въ Русь и служили для нея однимъ изъ проводниковъ въ дѣлѣ ознакомленія съ жизнію сосѣднихъ государствъ. Приведу примѣры такихъ «сказокъ».

Въ 7140 (1632 г.) выѣхалъ въ Москву «литвинъ» Василій Емельяновъ Вахрамѣевъ [2]), какъ называетъ его «выпись» (т. е. справка) Разряда по дѣлу (самъ-же онъ назвалъ себя въ челобитьѣ

[1]) Ibid., лл. 149—154.

[2]) Помѣстнаго стола столбецъ № 2, лл. 81—84.

«полякомъ Вохромѣевскимъ»). Въ своей «сказкѣ» онъ показалъ слѣдующее: родомъ онъ изъ оршанскаго повѣта, сынъ «шляхтича», который «служилъ королю съ имѣнья козацкую службу на 4 коняхъ». По смерти отца (тому назадъ 10 лѣтъ) имѣнье перешло къ двумъ братьямъ Вахрамѣева, которые и до сихъ поръ «служатъ королю козацкую службу, на 3 коняхъ». Но Василій еще при жизни отца, имѣя отъ роду всего 12 лѣтъ, ушелъ въ Кіевъ, а оттуда «въ Запороги», гдѣ жилъ три года. Выйдя отсюда, онъ «служилъ въ цысарской землѣ и на волоской границѣ по козацки, на 2 коняхъ, а былъ въ ротѣ у Григорья Чеплинскаго». Три года тому назадъ Василій участвовалъ въ походѣ на Крымъ Шинъ-Гирея и «запорожскихъ черкасъ». Вернувшись изъ этого похода, проживалъ въ Нѣжинѣ и Новгородкѣ-Сѣверскомъ. Во время пребыванія въ послѣднемъ городѣ съ нимъ случилась крупная непріятность, которая собственно и заставила его бѣжать въ Москву, именно: здѣсь онъ «подрался» съ какимъ-то «ляхомъ» «и того ляха посѣкъ саблею, и убояся за то отъ ляховъ, что его убьютъ до смерти, поѣхалъ на государево имя» въ Сѣвскъ, откуда и присланъ былъ воеводою въ Москву.

Для провѣрки этой «сказки» были вызваны въ Разрядъ 8 человѣкъ иноземцовъ—такъ называвшихся «знатцевъ», т. е. лицъ, знающихъ выходца. Они подтвердили сказку Вахрамѣева относительно его происхожденія, отцовской службы и его собственной въ ротѣ у Гр. Чеплинскаго.

Въ концѣ сказки стоитъ такая помѣта Разряда: «а что Василій Вахрамѣевъ вѣстей сказывалъ, и тѣ его вѣсти въ Разрядѣ вѣдомы», т. е. «вѣдомы» изъ «допросныхъ рѣчей» выходца о вѣстяхъ, или приложенныхъ къ отпискѣ сѣвскаго воеводы, или снятыхъ съ него въ Разрядѣ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву. Послѣ полученія «выходныхъ и кормовыхъ денегъ», Василій Вахромѣевъ былъ «отосланъ въ иноземской (или панской) приказъ», который долженъ былъ распорядиться назначеніемъ выходца въ ту или другую службу. Съ этого момента выходецъ становился въ ряды московскихъ служилыхъ людей, съ которыми окончательно связывало его «поверстаніе помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ», производившееся Разрядомъ спустя нѣсколько времени послѣ пріѣзда выходца въ Москву.

Остановлюсь еще на одной «сказкѣ» выходца, именно «литовскаго иноземца» Николая Хрипуновскаго [1]), выѣхавшаго въ Москву въ томъ-же 1632 году. Онъ былъ родомъ изъ того-же оршанскаго повѣта, сынъ шляхтича. Николай «учалъ королю служить» тому лѣтъ съ 20 назадъ. Первая боевая служба его была у «Тушинскаго вора», которому онъ служилъ въ полку Сапѣги «по пятигорски (sic), на 1 конь»... Затѣмъ онъ перешелъ въ полкъ Лисовскаго, «въ лисовчики», и находился съ ними подъ Смоленскомъ, далѣе ходилъ съ королевичемъ Владиславомъ подъ Можайскъ, Москву и Тройцу. Послѣ заключенія мира «служилъ по козацки, на 2 коняхъ», находясь по прежнему «въ лисовчикахъ». Вмѣстѣ съ ними онъ долго бороздилъ русскую землю, а затѣмъ ушелъ въ «волоскую землю», гдѣ служилъ у пана Русиновскаго, на 3 коняхъ, и воевалъ съ турками. Выйдя «изъ Волохъ» и женившись (гдѣ—не сказалъ), служилъ годъ «въ Ифлянтахъ», въ полку пана Александра Гонсѣвскаго, на 2 коняхъ. Когда войско было тамъ распущено, Николай поселился вмѣстѣ съ своими племянниками (дѣтьми его «большаго брата») въ отцовскомъ помѣстьѣ, въ оршанской деревнѣ Рожновщинѣ, которая «съ племянниками его была не въ раздѣлѣ». Былъ у нихъ земельный споръ съ сосѣдомъ, паномъ Романомъ Максимовымъ, окончившійся тѣмъ, что Максимовъ «отнялъ» у Хрипуновскихъ «треть ихъ имѣнья». Николай сталъ искать случая отомстить своему врагу и скоро нашелъ его: какъ-то разъ онъ «заѣхалъ» на отнятомъ у него полѣ максимовскихъ людей— его «прикащика» и «старосту», и «побилъ ихъ до смерти». Послѣ этого ему невозможно было оставаться въ своемъ помѣстьѣ и онъ, бросивъ жену и дочь, бѣжалъ въ Новгородокъ-Сѣверскій, гдѣ 2 года служилъ капитану пану Куницкому, получая годоваго жалованья 24 рубля. Затѣмъ онъ выѣхалъ въ Путивль «на государево имя, слышачи государское жалованье къ ихъ братьѣ къ иноземцамъ, да и потому, что ему къ женѣ своей ѣхать не мочно: за убойство его-бы казнили смертью-жъ» (л. 140).

Въ концѣ «сказки» Николая Хрипуновскаго стоитъ обычная въ подобныхъ документахъ «помѣта» Разряда: «а что Миколай вѣстей сказывалъ, и тѣ его вѣсти въ Разрядѣ вѣдомы».

---

[1]) Ibid., лл. 136—142.

Далѣе идетъ въ дѣлѣ сказка «знатцевъ» о происхожденіи и прежней службѣ выходца. Дѣло оканчивается «памятью» изъ Разряднаго въ Иноземскій приказъ (л. 12), куда препровожденъ былъ Николай Хрипуновскій, для опредѣленія его въ службу. На памяти читаемъ такую «помѣту»: «отводилъ (т. е. сдавалъ въ иноземскій приказъ) литвина приставъ Иванъ Ростопчинъ».

Подобные Василію Вахрамѣеву и Николаю Хрипуновскому уголовные преступники нерѣдко спасались отъ наказанія на родинѣ бѣгствомъ въ московское государство. Здѣсь правительство, такъ сказать, забывало ихъ прошлыя преступленія и смотрѣло на нихъ, какъ на новыхъ людей, начавшихъ иную жизнь въ московскихъ предѣлахъ. Точно также снисходительно смотрѣло нерѣдко московское правительство и на своихъ «бѣглыхъ людей», уходившихъ за рубежъ и затѣмъ снова возвращавшихся на родину. Если такіе выходцы бѣжали изъ московской земли не вслѣдствіе учиненныхъ ими здѣсь болѣе или менѣе важныхъ преступленій, но, какъ они часто выражались, «своею дуростію», т. е. по глупости, или «для гулянья», т. е. для вольной, свободной жизни въ чужой землѣ, то при возвращеніи подобныхъ лицъ правительство не подвергало ихъ никакому наказанію, ограничиваясь ссылкою на службу въ понизовые города. Но это была скорѣе мѣра благоразумія, заставлявшая удалять побывавшихъ за рубежемъ лицъ отъ этого соблазнительнаго для нихъ рубежа. Конечно эти выходцы изъ своихъ бѣглыхъ людей уже не получали отъ правительства никакого «выходнаго жалованья, подобно иноземцамъ. Иногда, впрочемъ, и они ухитрялись получать «выходное жалованье» и вообще ставили себя въ положеніе настоящихъ «выходцевъ-иноземцевъ»: это бывало въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда вернувшіеся бѣглые люди для утайки своего прошлаго простука на родинѣ скрывали свое московское происхожденіе и выдавали себя за иноземцевъ. Очень часто такія продѣлки сходили имъ съ рукъ благополучно, но когда они открывались, то были наказываемы жестоко.

Приходя въ извѣстный порубежный городъ, бѣглые люди должны были немедленно явиться къ мѣстному воеводѣ, который тотчасъ разспрашивалъ ихъ о «вѣстяхъ». Если бѣжавшій принадлежалъ къ мѣстнымъ служилымъ или жилецкимъ людямъ, то онъ на время оставлялся въ городѣ, до изслѣдованія причинъ его бѣгства,

такъ какъ за нимъ могли быть разные проступки. Послѣ такого разслѣдованія, а такъ-же въ тѣхъ случаяхъ, когда бѣглые принадлежали къ другому городу, а не къ тому, куда они вышли, воевода отсылалъ ихъ въ Москву, въ разрядной приказъ, а послѣдній пересылалъ ихъ въ приказъ казанскаго дворца, для распредѣленія ихъ по понизовымъ городамъ. Вмѣстѣ съ бѣглыми (а въ случаѣ задержки ихъ въ городѣ—безъ нихъ) воевода посылалъ свою «отписку» въ Разрядъ (а иногда въ малороссійскій приказъ) съ приложеніемъ «распросныхъ рѣчей» выходцевъ. Въ Разрядѣ снова допрашивали бѣглыхъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда принесенныя ими вѣсти представляли большой интересъ.

Такъ, въ апрѣлѣ 7198 (1690 г.) кіевскій воевода бояринъ князь Михаилъ Григорьевичъ Ромодановскій отправилъ въ приказъ малой Россіи «отписку» [1]), въ которой сообщаетъ, что 3 апрѣля пріѣхалъ въ Кіевъ «изъ Запорогъ» стрѣлецъ Иванка Григорьевъ, бѣжавшій изъ «кіевскаго жилаго солдацкаго строя полка» полковника Антона Рубкова. Того-же числа бѣглый стрѣлецъ былъ «распрашиванъ» о вѣстяхъ въ «приказной избѣ», передъ воеводою съ товарищи, и его «распросныя рѣчи» воевода приложилъ къ отпискѣ, которую велѣлъ своему посланному подать въ приказъ Малой Россіи, думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцеву съ товарищи.

Въ своихъ «распросныхъ рѣчахъ» Иванъ Григорьевичъ показалъ, что онъ бѣжалъ въ Запорожье именно «для гулянья»... Сознавая, однако, свою вину, онъ заключаетъ допросныя рѣчи такимъ воззваніемъ къ государевой милости: «а что де онъ, Иванка, отъ своей братьи остался (т. е. ушелъ со службы) и былъ въ Запорогахъ по сіе время—и въ той его винѣ великіе государи вольны»... (л. 182). Но простили-ли государи (Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи) ему «вину» и какъ было дальше поступлено съ покаявшимся дезертиромъ, изъ документовъ не видно.

На разсматриваемой отпискѣ князя Ромодановскаго читаемъ такую «помѣту», сдѣланную въ приказѣ Малой Россіи, рукою думнаго дьяка Емельяна Украинцева: «198 года, апрѣля въ 26 день: великимъ государемъ извѣстно и бояромъ чтена» (л. 177 на обор.), т. е., что данная отписка и распросныя рѣчи были доложены го-

[1]) Московскаго стола столбецъ № 749, дѣло № 7, лл. 177—182.

сударямъ и прочтены въ боярской думѣ, такъ какъ сообщенныя Иваномъ Григорьевымъ вѣсти касались весьма важной и животрепещущей новости о сношеніяхъ Запорожья съ Крымомъ. Подобныя помѣты о внесеніи распросныхъ рѣчей на обсужденіе боярской думы довольно часто встрѣчаются на воеводскихъ вѣстовыхъ отпискахъ» XVII вѣка [1]).

Если-же «вѣстовыя отписки» не представляли особенной важности, то онѣ доходили только до Разряда или Малороссійскаго Приказа, а выше не шли. На подобныхъ отпискахъ обыкновенно ставилась такая помѣта: «чтена», т. е. отписка чтена лицами, засѣдавшими въ извѣстномъ приказѣ. Если отписка, доставленная въ Разрядъ, говорила о дипломатическихъ вѣстяхъ, т. е. касалась вѣдомства посольскаго приказа, то въ помѣтѣ Разряда всегда значилось, что отписка сообщена въ этотъ приказъ, какъ это, напримѣръ, сдѣлано на вѣстовой отпискѣ путивльскаго воеводы 7133 (1625) г., гдѣ стоитъ такая помѣта: «чтена и въ посольскій приказъ такова-жъ» [2]), разумѣется отослана.

III.

«Полоненики» составляли въ XVII вѣкѣ почти такой-же многочисленный контингентъ собирателей вѣстей для московскаго правительства, какъ и «выходцы». «Полонское терпѣнье» выпадало въ то время вслѣдствіе постоянныхъ войнъ на долю громадной массы русскихъ людей; за весь XVII вѣкъ не переводились русскіе полоненики въ Польшѣ, Турціи, Ногайской землѣ («въ Нагаѣхъ») и особенно въ Крыму. Торговля ими въ послѣднихъ странахъ была очень развита и доставляла немалыя выгоды. Отсюда наши полоненики шли на продажу въ Европу и Малую Азію. Въ Европѣ они проникали до Италіи и даже до Испаніи. Понятно, что изъ этихъ далекихъ странъ рѣдкому полоненику удавалось вернуться

[1]) Напримѣръ, въ тоже 26 число апрѣля 7198 г. была доложена въ боярской думѣ другая важная «вѣстовая отписка» князя Ромодановскаго, на которой также намѣчено рукою того-же Емельяна Украинцева, что эта отписка «великимъ государемъ извѣстна и бояромъ чтена» (ibid., л. 172 на об.).

[2]) Новгородскаго стола столбецъ № 7756 (листы неперенумерованы)

на родину и поразсказать здѣсь свои «вѣсти» о чужой сторонѣ. Но изъ Турціи, Крыма и особенно изъ Польши полоненники возвращались очень часто то вслѣдствіе выкупа и обмѣна ихъ правительствомъ и роднею, то самовольнымъ уходомъ.

Являясь въ извѣстный порубежный городъ, полоненники немедленно представлялись воеводѣ, который отбиралъ отъ нихъ вѣсти, снаряжалъ ихъ въ дорогу и вмѣстѣ съ своей «вѣстовой отпиской» отправлялъ въ Москву, въ Разрядный Приказъ. Здѣсь снова дѣлался имъ передопросъ о вѣстяхъ и затѣмъ полоненники подавали государю челобитье о пожалованіи имъ «выходнаго жалованья» за «полонское терпѣнье». При этомъ отъ нихъ отбирались «сказки» объ обстоятельствахъ ихъ плѣненія и объ ихъ жизни въ полону. Эти «сказки» очень любопытны своими богатыми бытовыми подробностями о положеніи русскихъ полоненниковъ. Кромѣ того они сообщаютъ иногда очень цѣнныя данныя по исторіи и географіи сосѣднихъ съ московскимъ государствомъ странъ. Приведу для примѣра сказки «литовскихъ» и «турскихъ» полонениковъ. Въ 7140 (1632) г. «вышелъ на государево имя»[1]) въ Путивль «литовскій полоненикъ» боярскій сынъ изъ Переяслава-Залѣсскаго Иванъ Андреевъ Литвиновъ. Путивльскіе воеводы князь А. Литвиновъ-Мосальскій и П. Уваровъ прислали его при своей отпискѣ въ Разрядъ, гдѣ онъ «въ роспросѣ сказалъ»: взятъ онъ еще «невеликимъ» (малолѣтнымъ) въ полонъ «лисовчиками» въ Переяславѣ-Залѣсскомъ, когда именно—того онъ не помнитъ. Литовцы свели его въ Быховъ и отдали купцу А. Мишкову, которому Иванъ «служилъ» 12 лѣтъ. Когда «не стало» купца (т. е. когда онъ умеръ), быховскій староста А. Роса «отдалъ его гайдуцкому ротмистру» В. Рожновскому, у котораго онъ служилъ «противъ шведъ» 4 года. Рожновскій былъ убитъ во время этой войны, послѣ чего Литвиновъ годъ «служилъ собою, на одинъ конь козацкую службу, въ ротѣ у Зиновича». По окончаніи этой войны Литвиновъ бросилъ военную службу и пошелъ въ Кіевъ, гдѣ служилъ годъ у купца С. Дурыгина, затѣмъ годъ въ Черкасахъ, у «черкашенина» А. Татарина. Оттуда пошелъ снова въ Быховъ, гдѣ 3 года служилъ купцу С. Вахрамѣеву, потомъ полгода жилъ въ Переяславѣ, у козака П. Криво-

[1]) Помѣстнаго стола столбецъ № 2, лл. 20—24.

шеи и также полгода въ Стародубѣ, у «русскихъ людей»—у боярскихъ дѣтей В. и И. Львовыхъ. Здѣсь съ нимъ случилось происшествіе, которое заставило его уѣхать въ Россію и о которомъ онъ разсказываетъ довольно глухо. Именно: въ 7139 г., вскорѣ послѣ Петрова дня, пріѣхалъ изъ Смоленска «протопопъ ляцкой (вѣроятно—уніатскій) печатать русскихъ церквей»... Какимъ-то образомъ у Литвинова произошло столкновеніе съ «человѣкомъ» этого «ляцкаго протопопа» и онъ «убилъ человѣка, и оттого побѣжалъ» въ Новгородокъ-Сѣверскій, гдѣ пробылъ 3 дня и затѣмъ «вышелъ» въ Путивль, откуда воеводы послали его въ Москву.

Давши эту «сказку», Литвиновъ представилъ Разряду «знатца» своего, Переяслава-Залѣсскаго боярскаго сына Богдана Замятнина-Айгустова, показавшаго въ особой «сказкѣ», данной «по крестному цѣлованью», что онъ «полоненика Ивашку знаетъ»: это, дѣйствительно, сынъ Андрея Литвинова, который передавалъ «знатцу», что Ивашка взятъ въ полонъ 5 лѣтъ.

Другой «литовскій полоненикъ» [1]) калужскій «посадскій человѣкъ» Богданъ Ѳоминъ Шатуновъ, въ томъ-же 140 г. передавалъ слѣдующее въ своей «сказкѣ» Разряду: взятъ онъ былъ въ полонъ въ Калугѣ, вмѣстѣ съ матерью и сестрою, въ 127 (1619) г., когда «Саадачной Колугу взялъ». Богдана съ матерью свели въ Кіевъ, а сестру въ Черкасы. Первые двое служили въ Кіевѣ разнымъ купцамъ. Послѣ смерти матери онъ пошелъ въ Черкасы, гдѣ нашелъ свою сестру замужемъ «за черкашениномъ». Проживъ здѣсь годъ, да годъ въ Иванѣ-городкѣ, Богданъ послѣ 11-ти лѣтняго плѣна пошелъ «на государеву землю»—на «селитренныя варницы» (куда именно—не сказалъ), гдѣ работалъ полгода и затѣмъ вышелъ въ Рыльскъ, откуда и присланъ воеводою въ Москву.

«Знатецъ», калужскій посадскій человѣкъ Самойликъ Семеновъ сынъ Плотникъ, показалъ въ своей «сказкѣ», что онъ «зналъ» отца и братьевъ Богдана Шатунова, а «его де Богдашка не знаетъ (потому), что онъ взятъ въ полонъ не великъ»...

Потому-ли, что «знатецъ» не подтвердилъ ссылки на него Богдана, или-же по общему, практиковавшемуся въ подобныхъ случаяхъ правилу—полоненикъ былъ отданъ «на поруки» 5-ти ли-

[1]) Помѣстнаго стола столбецъ, № 2, лл. 75—80.

цамъ — «порутчикамъ». Въ «поручной записи» они «выручили въ томъ», что Богдану «за нашею порукою въ Крымъ, въ Литву и въ Нѣмцы и въ иныя ни въ которыя государства не отъѣхать. А какъ его, Богдашку, спросятъ, и намъ, порутчикамъ, его Богдашку поставить въ Разрядѣ передъ дьяки передъ думными»... Если-же Богданъ «отъѣдетъ» въ какое нибудь государство, «или какъ его спросятъ, а мы его не поставимъ, и на насъ на порутчикахъ пеня государя..., а пеню — что государь укажетъ, и наши порутчиковы головы въ его (Богдана) головы мѣста»... (л. 80).

Остановлюсь еще на слѣдующей сказкѣ [1]) «турскаго полоненика» ливенскаго боярскаго сына Лаврентія Сергѣева, того-же 140 г.:

Сергѣевъ показалъ, что въ 133 г. ливенскій воевода Андрей Измайловъ отправилъ его съ отписками къ сосѣднему оскольскому воеводѣ. Когда онъ ѣхалъ подъ Савинскимъ лѣсомъ, между Ливнами и Осколомъ, его захватили татары и свели въ Кафу. Здѣсь онъ былъ проданъ «торговому турченину», который взялъ его «за море», въ городъ Холявъ, гдѣ Сергѣевъ жилъ 2 года. Отсюда онъ «ушолъ» въ г. Кесарею, гдѣ служилъ 3 года «торговому греченину». Затѣмъ полгода служилъ въ г. Анбарѣ, у митрополита Саввы, да полгода жилъ въ г. Якбозарѣ. Всего онъ пробылъ въ «турской землѣ» 6 лѣтъ. Побывавъ въ Царьградѣ, въ 139 г. Сергѣевъ пошелъ съ однимъ «волошениномъ» въ «волосскую землю», а оттуда чрезъ города Каменецъ-Подольской, Константиновъ и Прилуки вышелъ въ Путивль.

Къ этой сказкѣ въ «вышискѣ» (т. е. справкѣ) Разряда прибавлено: «и какъ Лаврентей взятъ въ полонъ — того не сыскано: отписочные столпы (т. е. «столпы» съ воеводскими «отписками») 133 года погорѣли» (л. 127). Но «знатцы» подтвердили справедливость показаній Л. Сергѣева объ обстоятельствахъ его плѣненія.

Вообще, почти каждая сказка полоненика представляетъ значительный интересъ въ томъ или другомъ историческомъ отношеніи.

---

[1]) Ibid., лл. 125—127.

IV.

Организація собиранія вѣстей у «торговыхъ людей» была менѣе сложна, чѣмъ у выходцевъ и полоненниковъ. Она сосредоточивалась исключительно у порубежныхъ воеводъ и до Разряда доходили только результаты—самыя вѣсти. Всякій торговый человѣкъ, возвращавшійся изъ-за рубежа въ извѣстный порубежный городъ, обязательно являлся къ мѣстному воеводѣ, который записывалъ его вѣсти и эти «распросныя рѣчи» отсылалъ въ Разрядъ. Напримѣръ: въ іюлѣ 198 (1690) г. [1]) вернулся въ Кіевъ богатый мѣстный торговый человѣкъ, гречанинъ Николай Ивановъ Торніотъ, ѣздившій «для торговаго промысла» въ Польшу, Венгрію и Турцію. Онъ самъ явился въ «приказную избу» и обстоятельно передалъ воеводѣ князю М. Г. Ромодановскому «съ товарищи» всѣ вѣсти, какія онъ успѣлъ собрать во время своей продолжительной торговой поѣздки. Эти вѣсти немедленно были отправлены воеводою въ Разрядъ.

За исправнымъ отправленіемъ этой обязанности торговыхъ людей дѣятельно наблюдали ихъ выборныя общественныя власти. Такъ [2]), въ апрѣлѣ того-же 198 г. кіевскій воевода князь Ромодановскій прислалъ въ Разрядъ «вѣстовую отписку» съ вѣстями, доставленными ему кіевскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Павловымъ, ѣздившимъ въ Варшаву «для торговаго промысла». Воевода сообщаетъ, что И. Павлова прислалъ къ нему «изъ Нижняго города» (т. е. Кіево-Подола) кіевскій «войтъ» Янъ Быковской.

Очень часто, когда Разрядъ настоятельно требовалъ отъ воеводъ присылки вѣстей, или когда сами воеводы догадывались о необходимости добыть свѣжія политическія новости, они не дожидались добровольнаго отправленія за рубежъ торговыхъ людей, но сами нарочно посылали ихъ туда. Для этого, конечно, они выбирали лицъ, хорошо имъ извѣстныхъ, зарекомендовавшихъ себя уже раньше удачными поисками зарубежныхъ вѣстей. Напримѣръ: въ мартѣ 133 (1625) г. вяземскіе воеводы писали въ Разрядъ, что они отправили «вязмитина торговаго человѣка» Гришку Чертолина за рубежъ, въ Дорогобужъ—«провѣдывать литовскихъ вѣстей» [3]). О

---

[1]) Московскаго стола столбецъ № 749, д. № 7, л. 95.

[2]) Ibid., л. 172.

[3]) Новгородскаго стола столбецъ № 7756 (нумераціи листовъ нѣтъ).

такой-же посылкѣ торговыхъ людей за рубежъ сообщалъ въ іюнѣ того-же 133 г. рыльскій воевода [1]).

Понятно, что, для сокрытія истинныхъ цѣлей подобныхъ зарубежныхъ посылокъ торговыхъ людей, воеводы не отпускали ихъ туда съ пустыми руками, но всегда съ товарами. На это обстоятельство воеводы прямо указываютъ въ своихъ отпискахъ. Такъ, тѣ-же вяземскіе воеводы сообщали Разряду въ августѣ 133 г., что они отпустили въ Дорогобужъ «торговаго человѣка Климку Васильева съ товаромъ для торгу и вѣстей ему всякихъ провѣдать приказывали» [2])...

Когда случалось, что у торговыхъ людей не было заготовлено собственнаго товара для зарубежной торговли, а между тѣмъ посылка ихъ за рубежъ настоятельно требовалась, воеводы въ такихъ случаяхъ снабжали торговцевъ «государевыми заповѣдными товарами», взятыми изъ мѣстной «государевой казны». Напримѣръ: въ маѣ 133 г. новгородскіе воеводы «отпустили въ Свейскіе городы съ соболиною казною новгородцевъ торговыхъ людей, и велѣли имъ въ Свейскихъ городахъ про всякія вѣсти проповѣдывать подлинно» [3])...

Вообще къ содѣйствію своихъ торговыхъ людей воеводы прибѣгали очень часто, особенно потому, что по своему положенію эти лица могли проникать въ такія сферы, какія почти совершенно были недоступны спеціальнымъ лазутчикамъ. Напр., въ январѣ 133 г. торопецкіе воеводы писали Разряду, что они посылали съ товарами за рубежъ, для провѣдыванія вѣстей, посадскаго торговаго человѣка Алексѣя Бѣляева, который, какъ оказалось, очень удачно выполнилъ свою задачу—привезъ цѣнныя вѣсти, добытыя имъ изъ надежнаго источника. Бѣляевъ отправился въ Витебскъ, а оттуда поѣхалъ «на ярманку» въ Копылъ—имѣніе гетмана Христофа Радзивилла. Гетманъ жилъ въ это время здѣсь и Бѣляеву удалось проникнуть въ его палацъ и «торговать съ нимъ съ гетманомъ, съ Радзивиломъ съ самимъ—собольми и куницы». Пользуясь этимъ удобнымъ случаемъ, Бѣляевъ ловко завелъ съ гетманомъ «разговоръ» о собы-

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.

тіяхъ дня въ Польшѣ и «слыпалъ отъ него Радзивилла въ разговорѣ, что былъ у литовскаго короля соймъ [1]) въ Варшавѣ»... и проч. [2]).

Въ дѣлѣ собиранія вѣстей московскому государству служили и иноземные торговые люди, пріѣзжавшіе для своихъ промысловъ въ порубежные города. Воеводы всегда старались выпытать у нихъ какія либо политическія новости. Напр. въ мартѣ 133 г. пріѣхалъ въ Брянскъ «литовскій торговой человѣкъ» Тимофей Ляховъ и остановился съ своими товарами «на гостинномъ дворѣ». Воеводы немедленно послали къ нему подьячаго своей «съѣзжей избы» и приказали ему у того Ляхова «въ розговорѣ (т. е. незамѣтно и осторожно) про литовскія вѣсти распросить» [3]). Въ іюнѣ того-же года новгородскіе воеводы сообщили Разряду вѣсти, которыя они добыли при посредствѣ свого «переводчика» Павла Грубова у только что пріѣхавшаго въ Новгородъ «голанскаго торговаго нѣмчина» [4]).

Понятно, что къ вѣстямъ, добытымъ этимъ послѣднимъ путемъ, нужно относиться съ большой осторожностію, такъ какъ несомнѣнно, что иноземцы хорошо понимали цѣль подсылки къ нимъ «для розговору» разныхъ подьячихъ, переводчиковъ и т. п. и съ своей стороны вели эти «розговоры» осторожно. Несомнѣнно также, что и сосѣднія правительства пользовались услугами своихъ торговыхъ людей для добыванія необходимыхъ имъ московскихъ вѣстей; по крайней мѣрѣ о польскомъ правительствѣ извѣстно (см. V главу), что оно, подобно московскому, имѣло у себя спеціальныхъ «лазутчиковъ» для провѣдыванія вѣстей, а слѣдовательно должно было пользоваться для этой цѣли и своими торговыми людьми.

V.

Особенно любопытна организація «лазутчества» въ московскомъ государствѣ XVII в. «Лазутчики» или «вѣстовщики» существовали въ то время во всѣхъ городахъ на рубежѣ съ Швеціей,

---

[1]) Т. е. сеймъ. Вообще, во всѣхъ попадавшихся мнѣ воеводскихъ отпискахъ XVII в. слово «сеймъ» неизбѣжно пишется «соймъ»...

[2]) Новгородскаго стола столбецъ № 7756.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid.

Польшей, Турціей, Крымомъ и проч. Но въ извѣстныхъ мнѣ документахъ Разряднаго приказа я находилъ свѣдѣнія о лазутчикахъ собственно на свейскомъ и литовскомъ рубежахъ. Въ «наказахъ» воеводамъ на этихъ рубежахъ наставленія о «лазутчествѣ» занимаютъ одно изъ видныхъ мѣстъ и излагаются въ особой «статьѣ». Въ наказѣ, данномъ 23 февраля 138 (1630) г., новому великолуцкому воеводѣ стольнику О. В. Бутурлину находимъ слѣдующія любопытныя наставленія относительно выбора «лазутчиковъ», ихъ обязанностей, пріемовъ собиранія вѣстей, назначенія имъ жалованья, порядка доставленія въ Разрядъ «вѣстовыхъ отписокъ» и проч. [1]).

Воеводѣ предписывается «выбрать на Лукахъ изъ посадскихъ людей и изъ пашенныхъ крестьянъ и изъ всякихъ людей—лазутчиковъ, добрыхъ людей и разумныхъ, которые къ тому государеву дѣлу пригодятся, кого пригоже, и привести ихъ къ государеву крестному цѣлованью на томъ, что имъ государю служить, въ литовскіе города лазучить ходить и вѣстей всякихъ провѣдывать подлинно, а московскихъ никакихъ вѣстей и на смуту, и никакого дурна литовскимъ людямъ, опричь добра, ничего не сказывать, и въ подаркахъ ничего не имать, и литовскихъ людей къ государевымъ городамъ измѣною не привесть, и во всемъ государю служить въ правду, безъ всякой хитрости».

«А приведши ихъ ко кресту, государева жалованья дать имъ, по чему доведется, смотря по человѣку и, примѣряясь къ прежнимъ дачамъ, изъ тамошнихъ (т. е. мѣстныхъ) доходовъ, и тѣхъ лазутчиковъ имена прислать къ государю», т. е. въ Разрядный приказъ.

Далѣе говорится, что воевода долженъ «посылать тѣхъ лазутчиковъ въ литовскіе города, куда пригоже, а велѣть про вѣсти провѣдывать всякими обычаи». Лазутчики должны «провѣдывать про короля, и про королевича», также о томъ, гдѣ стоятъ литовскіе ратные люди, или куда назначенъ имъ сборъ; когда и съ какою цѣлью былъ или будетъ у короля «соймъ»; въ какихъ отношеніяхъ находится Польша къ Турціи, Крыму и Швеціи; нѣтъ-ли у короля «какого умышленья на московское государство»; не собираются-ли куда походомъ «запорожскіе черкасы» и проч. и проч. Вообще о всякихъ политическихъ и военныхъ новостяхъ лазутчики должны «провѣдывать на крѣпко», т. е. основательно и точно.

---

[1]) Новгородскаго стола столбецъ № 7758, лл. 362—364.

Воевода долженъ посылать лазутчиковъ «почасту» и ихъ вѣсти сообщать въ Москву «почасту-же». Всѣ «отписки о вѣстяхъ» слѣдуетъ посылать въ Разрядъ, а «о посольскихъ дѣлахъ и о задорахъ» (т. е. о недоразумѣніяхъ съ зарубежными властями) въ Посольскій приказъ. Впрочемъ «о задорахъ» воевода долженъ извѣщать и Разрядъ, а также писать и къ сосѣднимъ воеводамъ, «куда пригоже».

Въ заключеніе «статьи» о лазутчествѣ говорится снова о жалованьѣ лазутчикамъ: «лазутчикамъ, которые придутъ съ прямыми (т. е. достовѣрными) вѣстями изъ литовскихъ городовъ, давать за вѣсти государева жалованья по полтинѣ, или по рублю, и смотря по вѣстямъ»[1])...

Помимо «наказовъ», Разрядъ и въ другихъ случаяхъ напоминалъ воеводамъ о старательномъ собираніи вѣстей чрезъ лазутчиковъ и другихъ лицъ. Это особенно часто бывало въ моменты натянутыхъ отношеній Москвы къ сосѣднимъ государствамъ и вообще въ виду какихъ либо зарубежныхъ событій особенной важности. Напр. въ 133 (1625) г. въ Литвѣ появилось «моровое повѣтріе». Опасаясь перенесенія его въ московскіе предѣлы и принимая разныя необходимыя при этомъ мѣры, московское правительство между прочимъ разослало чрезъ Разрядъ «грамоты» къ порубежнымъ воеводамъ, съ приказаніемъ «у выходцовъ и у полонениковъ и у «лазутчиковъ и у торговыхъ людей провѣдывать и распрашивать накрѣпко» о моровомъ повѣтріи въ Литвѣ и Польшѣ, а также кстати о тамошнихъ политическихъ вѣстяхъ[2]). Эти грамоты были разосланы въ маѣ и іюнѣ въ гг. Мосальскъ, Рыльскъ и Брянскъ.

Лазутчики выбирались воеводами какъ изъ служилыхъ, такъ и изъ жилецкихъ людей—посадскихъ и крестьянъ. Служилые люди сравнительно рѣдко брались за лазутчество. Такъ, въ апрѣлѣ 133 г., путивльскій воевода посылалъ за рубежъ «лазучить» путивльскаго боярскаго сына Григорья Гладкова. Въ августѣ того-же года воронежскіе воеводы посылали «провѣдывать на Дону про всякія вѣсти»—«станичниковъ», дѣтей боярскихъ, Неустроя Тарарыкова

---

[1]) Въ этомъ-же «наказѣ» (л. 364 и слѣд.) говорится о собираніи вѣстей отъ «выходцевъ», «полонениковъ» и проч.

[2]) Новгородскаго стола столбецъ № 7756.

и еще 5 человѣкъ, да «полковыхъ козаковъ» 9 человѣкъ. Гораздо охотнѣе шли въ лазутчики жилецкіе люди. Напр. въ февралѣ 133 г. Бѣльскій (смоленскій) воевода посылалъ «за рубежъ, для вѣстей», крестьянъ своего уѣзда Сеньку Рыжковскаго и Ивашку Скюлетина. Но наиболѣе всего контингентъ лазутчиковъ пополнялся изъ посадскихъ людей. Такъ, въ маѣ 133 г., новгородскіе воеводы посылали «для провѣдыванія вѣстей» въ Иванъ-городъ «посадскаго человѣка» Ивана Иванова. Въ томъ-же мѣсяцѣ псковскіе воеводы также посылали за рубежъ «для вѣстей» посадскаго человѣка. Въ мартѣ того-же года торопецкіе воеводы «посылали въ литовскіе городы для вѣстей» посадскихъ людей Ивашку Зиму и Ивашку Щеку [1]). Въ другой мартовской отпискѣ тѣхъ-же торопецкихъ воеводъ Ив. Зима названъ прямо «торопецкимъ лазутчикомъ». Въ маѣ 133 г. масальскій воевода посылалъ «масальскаго лазутчика» крестьянина четвертаго Елизарова. Но по большей части въ воеводскихъ «вѣстовыхъ отпискахъ» не опредѣляется званіе лазутчиковъ, а только приводится это названіе ихъ, иногда въ соединеніи съ именемъ города, къ которому они принадлежали. Такъ, въ августѣ 133 г. брянскіе воеводы посылали за рубежъ «брянскаго лазутчика» Ивашку Лаптя [2]):

Большею частію воеводы посылали за рубежъ по одному лазутчику, но нерѣдко и по 2 человѣка. Кромѣ вышеприведенныхъ примѣровъ, укажу еще на одинъ—посылку брянскими воеводами, въ іюнѣ 133 г., 2 лазутчиковъ—Степана и Павла Вяхиревыхъ. Еще рѣже встрѣчаются посылки 3 человѣкъ. Такова, напр., была посылка рыльскимъ воеводою, въ томъ-же іюнѣ, 3 лазутчиковъ [3]). Вышеупомянутая посылка съ Воронежа на Донъ 15 ратныхъ людей (станичниковъ и козаковъ) представляется исключительною. Это былъ скорѣе не большой воинскій отрядъ, чѣмъ партія лазутчиковъ.

Лазутчики высылались не только въ ближайшія зарубежныя мѣстности, но иногда и на очень значительное разстояніе отъ своего города. Такъ, въ 133 г. были слѣдующія довольно далекія посылки лазутчиковъ: изъ Брянска въ Смоленскъ, изъ Пскова въ

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid.

Ригу, изъ Путивля въ Кіевъ, изъ Рыльска въ Кіевъ и Бѣлую-Церковь и т. п.[1]).

Лазутчики находились на лазутчествѣ обыкновенно по нѣсколько дней, но при дальнихъ посылкахъ бывали за рубежомъ и по полумѣсяцу, по мѣсяцу и больше. Напр. въ 133 г. вышеупомянутый путивльскій лазутчикъ боярскій сынъ Г. Гладковъ былъ посланъ въ Кіевъ 4 апрѣля, а вернулся въ Путивль 17 апрѣля. Три рыльскихъ лазутчика, посланные въ Кіевъ и Бѣлую Церковь, поѣхали 14 іюня, а вернулись 21 іюля. Торопецкій лазутчикъ Ив. Зима былъ посланъ «въ литовскіе города» 27 марта, а вернулся 11 мая[2]).

Для собиранія вѣстей лазутчики прибѣгали къ разнымъ пріемамъ. Прежде всего они старались заводить за рубежомъ «знакомцевъ» — друзей и пріятелей, на свѣдѣнія которыхъ могли-бы вполнѣ положиться. Въ 133 г. путивльскій лазутчикъ Гладковъ собралъ въ Кіевѣ разныя вѣсти отъ митрополита Іова Борецкаго и отъ своихъ «знакомцевъ—литовскихъ людей». Гладковъ былъ боярскій сынъ[3]) и потому могъ проникнуть къ митрополиту; лазутчики изъ крестьянъ и посадскихъ людей были далеки отъ подобныхъ сферъ, вращались въ низшихъ слояхъ общества и лишь болѣе ловкимъ изъ нихъ удавалось проникать куда либо повыше, на что давались имъ отъ воеводъ особыя средства. Такъ брянскіе воеводы, посылая въ августѣ 133 г. въ смоленскій уѣздъ своего лазутчика Ивашку Лаптя «для промыслу и проходу за рубежъ, дали ему 2 куницы, чтобъ ему у кого за рубежомъ литовскихъ подлинныхъ всякихъ вѣстей провѣдать»..., собственно-же на путевые расходы ему была особо дана «полтина»[4]).

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid.

[3]) Любопытно, что воеводскую «вѣстовую отписку», сообщавшую вѣсти, добытыя Гладковымъ, доставилъ въ Разрядъ самъ вѣстовщикъ, т. е. лице отличившееся въ данномъ порученіи. Здѣсь видимъ тоже самое, что въ XVII в. всегда практиковалось въ ратномъ дѣлѣ, гдѣ для доставленія въ Разрядъ «сеунча» (извѣстія) о боѣ «сеунщикомъ» обыкновенно назначался кто либо изъ ратныхъ людей, наиболѣе отличившихся въ томъ бою (см., напр. «Истор. царств. Петра В.» *Н. Устрялова*, т. I, стр. 378; см. также столбцы московскаго и друг. столовъ.

[4]) Новгородскаго стола столбецъ № 7756.

Лазутчики обыкновенно лично доставляли воеводамъ собранныя ими вѣсти, но иногда они сносились съ ними и письменно. Это бывало въ случаяхъ большой экстренности, когда добытая лазутчикомъ вѣсть была очень важнаго свойства и когда письменное донесеніе лазутчика воеводѣ могло придти раньше его самого, или когда вообще лазутчикъ находилъ необходимымъ продолжить свое пребываніе за рубежомъ и въ тоже время не могъ медлить съ увѣдомленіемъ о важной вѣсти. Подобный примѣръ указываетъ отписка брянскихъ воеводъ, въ августѣ 133 г., о посылкѣ ими за рубежъ вышеупомянутаго лазутчика Ив. Лаптя.

Ив. Лапоть былъ отпущенъ въ смоленскій уѣздъ 8 августа, а 11-го онъ прислалъ воеводамъ (изъ деревни Шиплевой, въ 40 верстахъ отъ Смоленска) «память, за своею рукою и за печатью», въ которой сообщалъ очень важную вѣсть, именно, что панъ Гонсѣвскій «накликаетъ» (созываетъ) въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ и Серпейскѣ «охочихъ воинскихъ людей» и замышляетъ идти съ ними къ можайскому рубежу. Пославши воеводамъ «память», Лапоть остался за рубежомъ для провѣрки своей вѣсти. 16 августа онъ вернулся въ Брянскъ и отчасти успокоилъ имъ-же надѣланную тревогу, сообщивъ, что Гонсѣвскій, хотя дѣйствительно собираетъ «охочихъ людей», но идетъ съ ними не къ можайскому рубежу, а къ Полотску—именно потому, «что будто подъ Полотскъ свицкой (шведскій) король пришелъ и Полотскъ осадилъ»... Однако Лапоть не могъ «подлинно» сказать, какую изъ его двухъ вѣстей слѣдуетъ признать болѣе достовѣрною, и потому воеводы снова послали его «того-жъ числа» за рубежъ для разрѣшенія этого важнаго недоумѣнія. Въ этотъ-то разъ они и дали ему 2 куницы «для промыслу и проходу за рубежъ», т. е. чтобы онъ нашелъ тамъ и задобрилъ такихъ лицъ, которые могли-бы сообщить ему «подлинную» вѣсть о замыслахъ Гонсѣвскаго [1]).

Конечно, польское и другія сосѣднія съ Москвою правительства хорошо знали о существованіи московскихъ лазутчиковъ и, насколько было возможно, старались преслѣдовать ихъ и мѣшать ихъ дѣятельности. Любопытныя данныя объ одномъ случаѣ подобнаго выслѣ-

---

[1]) Ibid.—Чѣмъ кончилась эта посылка Лаптя за рубежъ—свѣдѣній не сохранилось.

живанія московскихъ лазутчиковъ польскимъ правительствомъ сообщаетъ отписка великолуцкаго воеводы В. А. Третьякова, въ ноябрѣ 136 (1627) г.[1]).

Воевода сообщаетъ Разряду, что въ іюлѣ 135 г. онъ отпустилъ за рубежъ въ г. Невель 2 стрѣльцовъ «для долгового взятку» (т. е. для взысканія долга съ невельскихъ жителей) и 2 козаковъ, Афанасія Федорова и Никиту Константинова, и «для провѣдыванія вѣстей». Невельскій «воевода», узнавши о пріѣздѣ въ городъ лазутчиковъ, велѣлъ ихъ «переймать и удержать ихъ на Невлѣ за приставы», не отпуская въ Великія Луки. Воевода В. А. Третьяковъ, для выручки изъ Невля своихъ людей, прибѣгнулъ къ оригинальному пріему: онъ послалъ въ свой уѣздъ «луцкихъ (т. е. великолуцкихъ) помѣщиковъ» Богдана Креницына и Константина Пасынкова, съ 2 «стрѣлецкими сотниками», и велѣлъ имъ «въ луцкомъ уѣздѣ, на государевѣ землѣ невельскихъ людей вмѣсто тѣхъ козаковъ изымавъ, привести на Луки Великіе»... Б. Креницыну дѣйствительно удалось исполнить воеводское порученіе: онъ поймалъ въ уѣздѣ 6 человѣкъ «литовскихъ мужиковъ невельскаго уѣзда» и доставилъ ихъ въ Великіе Луки, гдѣ воевода велѣлъ ихъ «держать за приставы». Въ тоже время воевода поспѣшилъ извѣстить Разрядъ о случившемся у него «задорѣ» съ зарубежными польскими властями. Разрядъ приказалъ немедленно отправить «грамоту» къ невельскому «урядику» и потребовать, чтобы онъ «мирнаго договора не нарушивалъ», т. е., чтобы «урядникъ» освободилъ «отъ пристава» луцкихъ козаковъ и стрѣльцовъ и отпустилъ бы ихъ въ Вел. Луки, обѣщая и съ своей стороны отпустить задержанныхъ «литовскихъ мужиковъ». Конечно, воевода при этомъ скрылъ то обстоятельство, что посланные имъ козаки были лазутчиками: онъ долженъ былъ выставить ихъ мирными людьми, поѣхавшими въ Невель, подобно стрѣльцамъ, «для долговаго взятка» съ невлянъ. Свою грамоту воевода отправилъ въ Невель съ однимъ изъ задержанныхъ имъ невельскихъ крестьянъ. Невельскій урядникъ Петръ Мровинскій долженъ былъ уступить этому правильному съ формальной точки зрѣнія требованію московскаго правительства: на основаніи послѣдняго «мирнаго договора» съ Польшею подданные

[1]) Новгородскаго стола столбецъ № 7758, лл. 78—80.

обѣихъ договорившихся сторонъ имѣли право свободнаго перехода чрезъ рубежъ для своихъ личныхъ дѣлъ. П. Мровинскій согласился отпустить московскихъ стрѣльцовъ и козаковъ въ обмѣнъ на невельскихъ крестьянъ и просилъ «учинить розмѣну» на рубежѣ, на рѣчкѣ Ловницѣ. Воевода В. А. Третьяковъ послалъ для размѣна великолуцкаго помѣщика Ивана Хмѣлева, вмѣстѣ съ невельскими крестьянами. «Размѣна» была произведена 12 октября, т. е. вся эта исторія тянулась около 3 мѣсяцевъ.

На воеводской отпискѣ въ Разрядъ объ этомъ дѣлѣ читаемъ такую помѣту Разряднаго Приказа: «чтена; отписать на Луки, а велѣть, роспрося подлинно тѣхъ луцкихъ стрѣльцовъ и козаковъ, которые были задержаны на Невлѣ, отписать ко государю: для чево ихъ тамъ держали, и чево у нихъ роспрашивали какихъ вѣстей, и што они имъ сказывали, и што какихъ литовскихъ вѣстей они, тамъ будучи, слышели, про тобъ про (все) отписали имянно»).

Подобною-же ловлею чужихъ лазутчиковъ не рѣдко приходилось заниматься и московскому правительству. Что сосѣднія государства также не брезгали прибѣгать къ лазутчеству для ознакомленія съ московскими политическими новостями, объ этомъ можно найдти не мало свѣдѣній въ современныхъ документахъ. Приведу одинъ случай, сообщающій интересныя данныя о польскихъ лазутчикахъ. Въ іюлѣ 137 (1629) г. великолуцкій воевода Ѳедоръ Елецкій прислалъ въ Разрядъ отписку [1]) о «выходцѣ» изъ Литвы шляхтихѣ Васильѣ Степановѣ Ляховичѣ, служившемъ «пахолкомъ» у невельскаго «урядника» вышеупомянутаго Петра Мровинскаго. Къ отпискѣ приложены «распросныя рѣчи» о вѣстяхъ, доставленныхъ Ляховичемъ. Онъ сообщилъ между прочимъ (л. 246), что въ прошломъ 136 г. польскій король и «паны — рада» во время «сойма» послали въ московскіе города 6 человѣкъ «лазутчиковъ— шляхтичей Якова Катковскаго и другихъ. Всѣмъ лазутчикамъ велѣно было «идти въ нищемъ образѣ и провѣдывать про все подлинныхъ вѣстей». Это переодѣванье дало лазутчикамъ возможность исполнить свою задачу вполнѣ благополучно: московскія власти ихъ не замѣтили и лазутчики вернулись изъ московскихъ городовъ «всѣ цѣлы» и «вѣсти написавъ, принесли съ собою». При этомъ

[1]) Новгородскаго стола столбецъ № 7758; лл. 243—246.

Ляховичъ замѣтилъ, какъ-бы въ поученіе московскимъ властямъ: а «грамотѣ-де они (польскіе лазутчики) всѣ умѣютъ»... Они сошлись вмѣстѣ въ Полоцкѣ и оттуда направились въ королю на «соймъ», въ Варшаву, куда прибыли около Рождества 137 г. Доставленныя ими вѣсти были очень важнаго свойства и повліяли на постановленія сойма: «и по ихъ вѣстямъ, говорилъ Ляховичъ, литовскіе люди на соймѣ говорили, что было идти войною въ московское государство»... и проч.

Вообще въ Разрядныхъ документахъ можно найдти много подобныхъ любопытныхъ данныхъ объ организаціи «лазутчества» въ XVII в., какъ въ московскомъ, такъ и въ сосѣднихъ государствахъ (особенно въ Польшѣ).

VI.

Вѣсти, собранныя въ XVII вѣкѣ порубежными воеводами, при посредствѣ «выходцевъ», «полонениковъ», «торговыхъ людей» и «лазутчиковъ», представляютъ очень обширный, довольно цѣнный и притомъ почти не тронутый матеріалъ для исторіи Россіи XVII в. и особенно для исторіи Малороссіи. До соединенія съ Москвою, Малороссія была для первой зарубежною страною, положеніе которой очень интересовало московское правительство, особенно съ тѣхъ поръ, когда появились несомнѣнные признаки, говорившіе о близкомъ соединеніи. Поэтому въ ближайшихъ къ Малороссіи московскихъ порубежныхъ городахъ постоянно и тщательно собирались вышеуказанными путями различныя вѣсти о малороссійскихъ дѣлахъ и аккуратно доставлялись въ Разрядъ. Но и позже, послѣ соединенія, когда часть Малороссіи еще оставалась за Польшею, въ эти невозсоединенныя земли также усердно шли московскіе лазутчики и торговые люди, для провѣдыванія тамъ всякихъ вѣстей, и также часто выѣзжали оттуда съ вѣстями выходцы и полоненики. Кромѣ того, и въ возсоединенной части Малороссіи оставалось еще не мало вопросовъ, окончательно невыясненныхъ и требовавшихъ не ослабнаго наблюденія со стороны московскаго правительства. Таковы, напримѣръ, были дѣла запорожскаго войска, гдѣ Москвѣ приходилось зорко слѣдить за отношеніями запорожцевъ къ Польшѣ и Крыму. Поэтому вѣсти о запорожскихъ дѣлахъ постоянно интересовали

московское правительство. Вообще, во все продолженіе XVII вѣка въ воеводскихъ «вѣстовыхъ отпискахъ» одно изъ главныхъ мѣстъ занимаютъ преимущественно вѣсти о малороссійскихъ дѣлахъ.

Кромѣ того, положеніе Малороссіи въ сосѣдствѣ съ Польшею, Крымомъ и Турціей, такъ тѣсно переплетало всегда интересы этихъ странъ, что знакомство съ исторіей Малороссіи немыслимо безъ изученія жизни ея сосѣдей. а о послѣдней постоянно говорятъ московскія вѣсти. Польша, Крымъ и Турція были первыми и самыми опасными въ то время врагами Москвы. Для Посольскаго приказа въ Москвѣ самыми цѣнными вѣстями были именно вѣсти о польскихъ и крымскихъ дѣлахъ, отъ того и порубежные воеводы наиболѣе всего заботились о собираніи политическихъ и военныхъ новостей изъ Польши и Крыма. Большинство вѣстовыхъ отписокъ касается именно исторіи сношеній Москвы съ этими странами. Рѣже говорятъ они о Турціи и Швеціи, и еще рѣже о «цесарской землѣ», о Франціи и другихъ западно-европейскихъ странахъ.

Историческое значеніе этихъ вѣстей не подлежитъ сомнѣнію. Главнымъ образомъ они являются матеріаломъ для политической исторіи Москвы, Малороссіи и ихъ сосѣдей. Отношенія сосѣднихъ государствъ къ Москвѣ и между собою, а также къ другимъ европейскимъ государствамъ, ихъ планы и намѣренія въ будущемъ, ихъ настоящее положеніе—войны, мирные договоры, союзы другъ съ другомъ и проч.—все это стоитъ на первомъ планѣ въ «вѣстовыхъ отпискахъ». Не менѣе этихъ сторонъ интересовалось московское правительство ратнымъ дѣломъ у своихъ. сосѣдей. Поэтому въ вѣстяхъ можно встрѣтить массу свѣдѣній о состояніи войскъ въ сосѣднихъ государствахъ, объ ихъ размѣщеніи вообще и особенно въ порубежныхъ съ Москвою городахъ, о составѣ и количествѣ войскъ, о военоначальникахъ и пр. Словомъ, здѣсь можно найдти не мало цѣнныхъ матеріаловъ для военной исторіи Малороссіи, Польши и другихъ странъ.

Еще болѣе цѣнны многія данныя «вѣстовыхъ отписокъ» для бытовой исторіи. Въ этомъ отношеніи можно найдти здѣсь свѣдѣнія о положеніи тѣхъ или другихъ сословій въ порубежныхъ съ Москвою государствахъ, о проявленіяхъ политической жизни народа (напр. о сеймахъ и сеймикахъ въ Польшѣ), объ административныхъ учрежденіяхъ и распорядкахъ и т. п. Здѣсь-же нерѣдко

попадаются брошенныя мимоходомъ, но тѣмъ не менѣе очень любопытныя свѣдѣнія о частной жизни тѣхъ или другихъ историческихъ лицъ Малороссіи, Польши и проч. Особенно часто встрѣчаются свѣдѣнія о придворной жизни въ Польшѣ, о личностяхъ польскихъ королей, малороссійскихъ гетмановъ, крымскихъ хановъ и проч. Всякое событіе изъ частной жизни этихъ высшихъ сферъ заносилось воеводами въ ихъ политическія лѣтописи—«вѣстовыя отписки», игравшія отчасти для московскаго правительства ту роль, какая теперь принадлежитъ газетамъ. И нужно отдать честь этимъ правительственнымъ «корреспондентамъ»—воеводамъ, что они очень внимательно относились къ этой своей задачѣ. Все крупное и мелкое, но носившее характеръ новизны и интереса, неизмѣнно заносилось ими на столбцы ихъ «отписокъ».

Мало того: воеводы интересовались не только политическою жизнію сосѣднихъ странъ, но и жизнью природы. Всѣ великія и грозныя явленія ея—«трясенія земли», страшныя бури, наводненія, сильные морозы, неурожаи и проч.—все это также находило для себя мѣсто въ воеводскихъ «вѣстовыхъ отпискахъ». Вообще эти документы очень цѣнны и для исторической географіи московскаго государства и порубежныхъ съ нимъ странъ. Здѣсь встрѣчается масса драгоцѣнныхъ топографическихъ указаній о городахъ, селахъ, деревняхъ и другихъ населенныхъ пунктахъ, попадаются также свѣдѣнія гидрографическія, статистическія и проч. Особенно-же важны данныя о рубежахъ московскаго государства, преимущественно о литовскомъ, свейскомъ и крымскомъ: объ измѣненіяхъ ихъ направленія и протяженія, о порубежныхъ укрѣпленіяхъ, о составѣ и порядкахъ порубежной службы—«сторожевой», «станичной», лазутческой и проч., о тягостяхъ жизни порубежнаго населенія и т. п.

Между тѣмъ, не смотря на такое важное историческое значеніе разсматриваемыхъ матеріаловъ, они очень мало извѣстны въ нашей исторической литературѣ и богатыя собранія ихъ въ нашихъ архивахъ лежатъ почти совершенно нетронутыми. Правда, нѣкоторыя «вѣстовыя отписки» напечатаны въ актовыхъ изданіяхъ [1]) и многіе историки (напр. Соловьевъ, Костомаровъ, Устряловъ и др.)

---

[1]) См., напр., т. VI, «Акты западной и южной Россіи», №№ 31, 51, 56, 59, 64 и друг.

мимоходомъ пользовались ими, такъ сказать, при случаѣ, но спеціальному изученію «вѣстовыя отписки» не подвергались еще и ждутъ своего изслѣдователя.

«Вѣстовыя отписки» сохранились въ большомъ количествѣ въ документахъ Разряднаго приказа, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Здѣсь встрѣчаются цѣлые столбцы и книги, сплошь наполненныя разсматриваемыми документами воеводской дѣятельности. Особенно богаты ими столбцы московскаго, приказнаго, бѣлогородскаго, новгородскаго и сѣвскаго столовъ Разряда. Проф. Н. П. Загоскинъ высказываетъ предположеніе [1]), что именно приказный столъ завѣдывалъ полученіемъ вѣстовыхъ отписокъ и дальнѣйшимъ направленіемъ ихъ для доклада царю и боярской думѣ, а также передачею ихъ въ посольскій и другіе приказы. Это возможно допустить, хотя нахожденіе вѣстовыхъ отписокъ и въ другихъ вышеуказанныхъ столахъ (особенно много ихъ въ московскомъ столѣ), повидимому, подрываетъ это предположеніе. Впрочемъ этотъ вопросъ можетъ быть уясненъ только спеціальнымъ изученіемъ разсматриваемыхъ документовъ.

Въ книгахъ Разряда вѣстовыя отписки встрѣчаются рѣже, чѣмъ въ столбцахъ. Они попадаются въ книгахъ преимущественно московскаго и приказнаго столовъ [2]). Въ «записныхъ книгахъ» московскаго и бѣлогородскаго столовъ встрѣчаются сокращенныя записи (выдержки) изъ воеводскихъ вѣстовыхъ отписокъ [3]). Такія-же записи находятся и въ «записныхъ книгахъ» другихъ столовъ, особенно въ тѣхъ отрывкахъ изъ нихъ, которые носятъ заглавія: «записокъ отпискамъ» (т. е. воеводскимъ отпискамъ) [4]). Но эти записи, изложенныя очень сокращенно, не представляютъ такого интереса и значенія, какъ подлинныя воеводскія вѣстовыя отписки, цѣнныя именно своими богатыми подробностями.

Кромѣ Разряднаго приказа, вѣстовыя отписки встрѣчаются и въ другихъ отдѣлахъ московскаго архива министерства юстиціи, напримѣръ въ малороссійскомъ приказѣ.

---

[1]) «Столы Разряднаго Приказа», стр. 44—45.

[2]) Ibid., стр. 6, 42—45.

[3]) Ibid., стр. 6 и слѣд., стр. 33.

[4]) См. IV приложеніе къ «Обозрѣнію историко-географическихъ матеріаловъ XVII в.» («Описаніе документовъ московскаго архива министерства юстиціи», кн. IV, стр. 415—416).

Изъ другихъ нашихъ архивовъ богатое собраніе воеводскихъ вѣстовыхъ отписокъ находится въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, т. е. въ дѣлахъ посольскаго приказа. Извѣстно, что воеводскія отписки, говорившія «о посольскихъ дѣлахъ и о задорахъ» [1]), пересылались Разрядомъ въ посольскій приказъ. Хотя тѣ-же самыя отписки Разрядъ оставлялъ и у себя (въ подлинникахъ или «спискахъ»), но такъ какъ въ Разрядномъ архивѣ сохранились воеводскія отписки далеко не въ полномъ своемъ составѣ, то встрѣчающіеся здѣсь пробѣлы могутъ быть восполнены только отписками, уцѣлѣвшими въ архивѣ посольскаго приказа. Этими послѣдними отписками наши историки (Соловьевъ и др.) пользовались гораздо усерднѣе, чѣмъ болѣе богатымъ собраніемъ вѣстовыхъ отписокъ въ архивѣ Разряднаго приказа.

VII.

Нѣтъ нужды особенно распространяться о томъ, что содержаніе «вѣстовыхъ отписокъ» нельзя всегда принимать на полную вѣру, но необходимо провѣрять его историческимъ анализомъ. Вѣсти, какъ мы знаемъ, очень часто доставлялись воеводамъ людьми простыми и не развитыми въ политическомъ отношеніи, взглядъ которыхъ на событія въ жизни разныхъ государствъ не могъ быть вполнѣ безошибоченъ и безпристрастенъ. Кромѣ того, извѣстно также, что иногда вѣстовщики были вынуждаемы говорить вѣсти во что-бы то ни стало (напр. «выходцы», которыхъ иногда и не пропускали чрезъ рубежъ, если они шли безъ вѣстей, или «бѣглые люди», искупавшіе сообщеніемъ вѣстей свой грѣхъ побѣга). Къ такимъ и подобнымъ вѣстямъ нужно относиться съ крайнею осторожностію. Но и вѣсти, сообщенныя внушающими довѣріе лицами, во многихъ случаяхъ неизбѣжно требуютъ историческаго анализа и провѣрки ихъ по даннымъ другихъ источниковъ. Остановлюсь для примѣра на содержаніи нѣсколькихъ «вѣстовыхъ отписокъ».

---

[1]) См., напр., выше упомянутый «наказъ» великолуцкому воеводѣ, 7138 г. (новгородскаго стола столбецъ № 7758, л. 364).

Примѣромъ сомнительной и курьезной вѣсти можетъ служить одно извѣстіе вѣстовой отписки сѣвскаго воеводы, посланной Разряду въ мартѣ 140 (1632 г.) [1]) о «выходцѣ» изъ-за литовскаго рубежа литвинѣ Янѣ Заблоцкомъ и о доставленныхъ имъ вѣстяхъ. Воевода сообщаетъ Разряду многія политическія и военныя новости Польши, слышанныя Яномъ Заблоцкимъ въ Новгородкѣ-Сѣверскомъ отъ тамошняго «урядника» Яна Куницкаго. Сообщивши о томъ, что «изо всѣхъ литовскихъ и украинскихъ городовъ шляхты и поляки (sic) поѣхали въ Польшу, къ королю на соймъ,—а о чемъ-де соймъ будетъ, того-де онъ, Янъ, не вѣдаетъ»,—выходецъ передалъ воеводѣ и такую крупную новость:

«Да Янъ-же Заблоцкій сказалъ, что въ польской землѣ, отъ волоского рубежа, было трясенье земли въ нынѣшнемъ въ 140 г., въ Филиповъ постъ и провалилася-де земля на сорокъ верстъ (?!)—городъ и съ уѣздными съ селы и съ деревнями, а которой-де имянемъ городъ, тово-де онъ подлинно не вѣдаетъ»... (л. 145) [2]).

Воевода значительно измѣнилъ эту любопытную вѣсть Яна Заблоцкаго; по крайней мѣрѣ въ Разрядѣ выходецъ показалъ нѣчто другое. Въ слѣдующихъ за воеводскою отпискою «допросныхъ рѣчахъ» Яна въ Разрядѣ (лл. 149—154) читаемъ болѣе подробную передачу привезенныхъ имъ вѣстей. Любопытно ихъ происхожденіе. Заблоцкій объяснилъ, что за 3 дня до его отъѣзда «на Русь» пріѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскій изъ Варшавы татаринъ съ «листомъ» отъ королевича къ «капитану» Яну Куницкому. Послѣдній сталъ читать этотъ «королевичевъ листъ» передъ «всѣми панами». Янъ Заблоцкій, стоявшій тутъ-же въ горницѣ, «тотъ листъ слышалъ». Королевичъ сообщалъ о предстоящемъ соймѣ въ Варшавѣ и требовалъ присылки туда 2 выборныхъ «добрыхъ пановъ» отъ Новгородъ-Сѣверскаго «повѣта». Въ тотъ-же день, говоритъ Янъ Заблоцкій, паны собрались, выбрали и послали на соймъ Станислава Осинскаго и пана Маровича, имени котораго выходецъ не знаетъ (л. 151).

---

[1]) Московскаго стола столбецъ № 83, лл. 143—145.

[2]) Далѣе (лл. 146—148) идетъ буквальное повтореніе этой-же отписки. Не назначалась-ли вторая отписка для отсылки въ посольскій приказъ? «О трясеніи земли» здѣсь повторено тоже самое (л. 148).

О землетрясеніи-же 140 г. Заблоцкій такъ разсказывалъ въ Разрядѣ: «да въ королевичевѣ-жъ листу писано, что идетъ на нихъ гнѣвъ Божій, не токмо что отъ людей: за Польшею, а въ которомъ мѣстѣ, того не написано, тряслася земля на 24 мили, по русски на 120 верстъ, и городъ со всѣмъ уѣздомъ и съ лѣсами съ землею смѣшало»... (л. 151).

Эта послѣдняя редакція вѣсти Заблоцкаго значительно отличается отъ первой—воеводской: 1) воевода отнесъ землетрясеніе къ Польшѣ, тогда какъ королевичъ сообщалъ о случаѣ, бывшемъ «за Польшею». Выходецъ, бывшій польскій подданный, не могъ такъ грубо ошибиться относительно своей родины, чтобъ событіе случившееся внѣ ея предѣловъ отнести къ ней самой. 2) Воевода сообщилъ явную несообразность, утверждая, что «провалилась земля на 40 верстъ»; самъ-же выходецъ передалъ совершенно естественный фактъ, что «тряслась земля на 24 мили» или «по русски на 120 верстъ». Точно также естественно сообщеніе Заблоцкаго о томъ, что во время этого землетрясенія какой-то городъ съ его «уѣздомъ» (т. е. съ окрестностями) «съ землею смѣшало», т. е., что городъ обрушился; тогда какъ воевода утверждалъ, что городъ съ уѣздомъ именно «провалились»... Понятно, что разрядной редакціи вѣсти Яна Заблоцкаго слѣдуетъ отдать предпочтеніе предъ воеводской редакціей; но вообще самый фактъ крупнаго землетрясенія въ 140 г., гдѣ-то на рубежѣ Польши съ Валахіей, требуетъ провѣрки по другимъ современнымъ свидѣтельствамъ.

VIII.

Перехожу къ другимъ вѣстямъ, имѣющимъ несомнѣнное историческое значеніе. Таковы, напримѣръ, любопытныя вѣсти, заключающіяся въ вышеупомянутой вѣстовой отпискѣ кіевскаго воеводы, боярина князя М. Г. Ромодановскаго, полученной Разрядомъ въ 20-хъ числахъ апрѣля 198 (1690 г.) [1]. Воевода сообщаетъ въ этой отпискѣ вѣсти, доставленныя ему кіевскимъ бѣглымъ стрѣльцомъ Ивашкой Григорьевымъ, вернувшимся 3 апрѣля 1690 г. въ Кіевъ послѣ полуторa-годичнаго (съ августа 1688 года) пребыванія въ Запорожьѣ.

---

[1]) Московскаго стола столбецъ № 749, лл. 177—182.

Иванъ Григорьевъ доставилъ воеводѣ такія вѣсти о Запорожьѣ, которыя представляютъ совершенно новый матеріалъ для исторіи отношеній Запорожья въ разсматриваемое время къ Москвѣ и Крыму. Стрѣлецъ попалъ въ Запорожье въ интересный моментъ—въ промежутокъ между первымъ (1687 г.) и вторымъ (1689 г.) крымскими походами князя Вас. Вас. Голицына, и пробылъ тамъ все время 2-го похода. Такимъ образомъ его вѣсти имѣютъ прямое отношеніе къ исторіи 2-го крымскаго похода. Они-же сообщаютъ нѣкоторыя новыя данныя въ дополненіе къ извѣстному факту сношеній Запорожья съ Польшей въ 1689 г. Кромѣ того, разсматриваемыя вѣсти цѣнны и для характеристики бытовой исторіи Запорожья. Такую-же важность имѣютъ и находящіяся въ отпискѣ географическія указанія.

Всѣ эти данныя сообщаетъ лице, не внушающее съ перваго взгляда довѣрія—бѣглый стрѣлецъ, возвращавшійся въ Кіевъ подъ страхомъ наказанія и заинтересованный въ томъ, чтобы смягчить это возможное наказаніе какою нибудь услугою правительству, именно сообщеніемъ ему крупныхъ политическихъ новостей изъ Запорожья. Не забывая этого обстоятельства, нельзя однако же и совершенно игнорировать вѣсти И. Григорьева только на томъ основаніи, что его личность возбуждаетъ сомнѣнія. Собственно говоря, его личность совершенно намъ неизвѣстна, а кличка «бѣглый» ничего существеннаго не заключаетъ въ себѣ: тысячи самыхъ невинныхъ причинъ могли заставить И. Григорьева бѣжать въ Запорожье—такихъ причинъ, которыя покажутся темными пятнами развѣ для слишкомъ щепетильной совѣсти. Самъ Иванка говоритъ, что онъ бѣжалъ въ Запорожье «для гулянья», т. е. для привольной, свободной жизни въ Сѣчи. Мотивъ очень извинительный для простого стрѣльца, далеко не избалованнаго порядками и условіями своей стрѣлецкой службы. Сознаніе, что онъ своимъ бѣгствомъ измѣняетъ долгу присяги, врядъ-ли было въ немъ, особенно въ виду того, что онъ бѣжалъ не къ «басурманамъ» какимъ нибудь, а къ своей-же «хрестьянской братіи», къ козакамъ, при томъ уже вошедшимъ въ составъ московскаго государства. «Погулявши» въ Запорожьѣ и отведя этимъ «гуляньемъ» свою душу, онъ смиренно возвращается на службу въ Кіевъ, отдавая себя государевой волѣ: «въ той его винѣ великіе государи вольны»... Чело-

вѣкъ нравственно погибшій никогда не почувствовалъ-бы нужды въ такомъ прямомъ раскаяніи. Онъ не пошелъ-бы туда, откуда бѣжалъ и гдѣ его не могли похвалить за это бѣгство: онъ не бросился-бы въ Кіевъ, къ своему полку, а пошелъ-бы бродить по Руси, какъ бродили тогда многочисленные «гулящіе люди». Къ его услугамъ былъ Донъ, Поволжье, Покамье и прочія привольныя мѣста. Словомъ, мнѣ кажется, что личность Ивашки Григорьева не должна возбуждать нарочитаго недовѣрія къ его вѣстямъ. Но во всякомъ случаѣ на слово нельзя ему повѣрить и историческій анализъ также необходимъ для его вѣстей, какъ и для тысячи другихъ.

Что же разсказывалъ И. Григорьевъ въ приказной избѣ кіевскому воеводѣ князю Ромодановскому и его «товарищамъ?».

«Распросныя рѣчи» стрѣльца, приложенныя къ воеводской отпискѣ, передаютъ слѣдующее: въ августѣ 1688 г. были отправлены по Днѣпру на «стругахъ» хлѣбные запасы въ «новопостроенный» Богородицкой городъ. «Струги» шли подъ прикрытіемъ конвоя изъ «салдатъ и стрѣльцовъ», въ числѣ которыхъ находился и Ивашка Григорьевъ. Отрядомъ командовалъ маіоръ Иванъ Личковской. Доставя запасы по назначенію, маіоръ отправился съ своимъ отрядомъ назадъ въ Кіевъ, но Ивашка, «не похотя итти въ Кіевъ,» остался въ Ново-богородицкомъ «для гулянья». Здѣсь онъ сошелся съ запорожскими козаками и, увлеченный ихъ разсказами о привольной жизни на Запорожьѣ, пошелъ «въ Сѣчь». Кошевымъ атаманомъ во время прихода Ивашки въ Сѣчь, т. е. въ 1688 г., былъ козакъ по «прозвищу» Лихопой. Ивашка жилъ въ Сѣчи больше года и «для добычи» ходилъ съ запорожцами и подъ турскіе городки»: Казикерменъ, Исламъ и Старой Ханской. Походы сюда они дѣлали Днѣпромъ, въ «судахъ». Кромѣ того, «многажды» ходили и степью подъ «крымскіе улусы», именно къ р. Тонкой. Эти набѣги были очень удачны: нерѣдко козаки цѣлыя «конскія стада отганивали» изъ-подъ тѣхъ городковъ и улусовъ.

Въ слѣдующемъ 1689. г. избранъ былъ кошевымъ атаманомъ Иванъ Гусакъ. Весною 1689 г. проводивши съ своими козаками войско князя В. В. Голицына до рѣки Бѣлозерки, Иванъ Гусакъ вернулся въ Сѣчь, куда въ это время пришелъ «листъ» отъ крымскаго хана. Атаманъ немедленно приказалъ собрать запорожскихъ козаковъ, и тотъ «листъ чтенъ всѣмъ вслухъ». Тутъ-же присут-

ствовалъ и Ивашка, который такъ передаетъ содержаніе ханскаго листа: ханъ выражалъ желаніе, чтобъ запорожцы «помирились» съ крымцами, при чемъ обѣщалъ, что «которая де была ихъ казачья вотчина на р. Самарѣ и гдѣ поставленъ нынѣ городъ, и они-де крымцы то мѣсто имъ очистятъ, а въ своихъ-де мѣстахъ они, крымцы, имъ казакамъ поступаются, по рѣчкамъ и въ степяхъ по самое Черное (sic) море всякими угодьи, и въ тѣхъ угодьяхъ по рѣчкамъ и по лугамъ звѣриными и рыбными ловлями (заниматься) и посламъ ходить поволно и безопасно»... Запорожцы, «выслушавъ тотъ ханской листъ», отпустили въ Крымъ пріѣзжавшаго оттуда татарина, не давши хану никакого рѣшительнаго отвѣта.

Но когда узнали въ Сѣчи, что князь В. Голицынъ «распустилъ» свое войско, И. Гусакъ послалъ «листъ» къ крымскому хану, съ козакомъ Лазукою, атаманомъ незымаевскаго куреня. Въ этомъ «листѣ» Сѣчь выражала готовность помириться съ ханомъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) крымцы даютъ обѣщаніе, что запорожцы могутъ «всякими промыслы промышлять» по рѣчкамъ, лугамъ и всякимъ угодьямъ, «безъ всякаго вредительнаго опасенія» со стороны крымцевъ; 2) когда ханъ съ ордою «войною пойдетъ» подъ «украинные города великихъ государей», или пошлетъ съ татарами своихъ салтановъ и мурзъ», то козаки «обѣщались имъ въ той войнѣ никакой помѣшки не чинить».

Ханъ охотно пошелъ на эти условія и послалъ въ Сѣчь съ своимъ листомъ одного изъ «мурзъ» (имени его Ивашка не знаетъ), который пріѣхалъ туда вмѣстѣ съ Лазукой. Съ мурзою-же прибыли «янычены» (sic), около 20 человѣкъ. «И въ то-де время запорожцы о томъ миру противъ того письма (ханскаго) межъ себя вѣрились: запорожцы цѣловали крестъ, а мурза съ янычены за хана шестовали на куранѣ» (т. е. присягали на коранѣ). Мурза пробылъ въ Запорожьѣ 4 дня и затѣмъ «съ честью отпущенъ» въ Крымъ. И нынѣ, заключаетъ Ивашка, запорожцы съ ханомъ въ миру, и подъ турецкіе и крымскіе города «для здобычи» не ходятъ.

Далѣе Ивашка сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о сношеніяхъ Запорожья съ Польшею въ томъ-же 1689 г: въ Филиповъ постъ Ив. Гусакъ, «по совѣту съ запорожскими козаками», отправилъ къ польскому королю куренныхъ атамановъ: незымаевскаго куреня Лазуку и кислековскаго куреня Забіяку, да съ ними-же 200 чело-

вѣкъ козаковъ. Въ «листѣ» къ королю запорожцы писали, чтобы король «принялъ (ихъ) подъ державу свою», а они-де будутъ «служить ему вѣрно, какъ служили дѣды ихъ и отцы прежнимъ королямъ»... Дорогою (въ Кіевъ) Ивашка слышалъ отъ многихъ запорожскихъ козаковъ, что они просятся «подъ державу» короля собственно потому, что недовольны тѣмъ «небольшимъ жалованьемъ», какое получаютъ отъ московскихъ государей... Послѣдніе жалуютъ имъ по 10 алтынъ да по 2 «локтя» сукна на годъ человѣку, «а отъ короля польского получаютъ они себѣ большую плату»...

Въ заключеніе Ивашка говоритъ: «а онъ-де Ивашка, слыша отъ тѣхъ козаковъ тѣ слова измѣнныя и памятуя къ великимъ государямъ свое обѣщаніе и крестное цѣлованье, съ тою подлинною вѣдомостью изъ Запорогъ пришелъ въ Кіевъ»... Шелъ онъ изъ Запорожья около 3 недѣль, чрезъ «черкасскіе города»: Переволочную, Перекопъ и Городище. Вышелъ онъ съ 3 запорожцами, которые были родомъ изъ черниговскаго, батуринскаго и прилуцкаго уѣздовъ. Они отстали отъ Ивашки въ Городищѣ, откуда направились «въ полкъ къ козацкому компанскому (компанѣйскому) полковнику Михайлѣ» (фамиліи его не приводитъ), а Ивашка пошелъ въ Кіевъ къ «сродичамъ»...

Вотъ всѣ вѣсти, доставленныя Ив. Григорьевымъ кіевскому воеводѣ кн. Ромодановскому. Въ какой-же мѣрѣ слѣдуетъ признать эти вѣсти достовѣрными въ смыслѣ матеріала для исторіи отношеній Запорожья къ Москвѣ, Крыму и Польшѣ?

IX.

Остановимся прежде всего на той вѣсти И. Григорьева, которая говоритъ о желаніи Запорожья стать «подъ державу» польскаго короля и объ отправкѣ къ послѣднему въ 1689 г. куренныхъ атамановъ Лазуки и Забіяки.

Этотъ фактъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ онъ извѣстенъ нашимъ историкамъ по другимъ источникамъ. Такъ, Н. И. Костомаровъ (въ монографіи «Мазепа») разсказываетъ о немъ слѣдующее [1]): по возвращеніи въ 1689 г. изъ Москвы Мазепа

---

[1]) «Мазепа» (изданіе 1882 г.), стр. 43—44.

узналъ о наклонности Запорожья къ примиренію и союзу съ Польшей и Крымомъ. Именно, какой-то запорожскій писарь Сажка «извѣстилъ гетмана, что кошевой Гусакъ, хотя и противъ своего желанія, но по волѣ товариства, послалъ въ Варшаву къ польскому коронному гетману Прокопа Лазуку съ товарищами Забіякою и Кисляковскимъ»[1]). Они жаловались въ Варшавѣ на притѣсненія Москвы и просились въ подданство польскому королю. Мазепа сообщилъ о томъ въ Москву, но тамъ уже знали о посольствѣ Лазуки изъ донесеній варшавскаго резидента Ивана Волкова.

Именно этими донесеніями Волкова пользуется Соловьевъ[2]), разсказывая о посольствѣ Лазуки и Забіяки. Резидентъ Волковъ узналъ въ половинѣ декабря 1689 г. о пріѣздѣ этихъ лицъ къ королю съ письмомъ отъ кошеваго Гусака. «Запорожцы жаловались, что съ царской стороны имъ большое утѣсненіе, запасовъ въ Сѣчь не пропускаютъ, за добычею ѣздить внизъ Днѣпромъ нельзя, опасно отъ татаръ. Для этого они съ ханомъ крымскимъ помирились и бьютъ челомъ королю, чтобъ принялъ ихъ подъ оборону... Волкову передали, что король не приметъ запорожцевъ въ подданство, «развѣ прикажетъ имъ что тайно». При свиданіи съ коронцымъ гетманомъ Яблоновскимъ Волковъ спросилъ его о причинѣ пріѣзда запорожцевъ. Гетманъ увѣрилъ резидента, что король «не приметъ Запорожья въ свое подданство» и что запорожцы пріѣхали «для вступленія въ службу королевскую подъ тѣмъ предлогомъ, что на Запорожьѣ большой голодъ». Гетманъ находилъ, что вступленіе на польскую службу нѣсколькихъ запорожцевъ «не нарушаетъ» мирнаго договора съ Москвою. Позже Волковъ узналъ, что король видѣлся съ Лазукой и Забіякой и, повидимому, не прочь «принять всѣхъ запорожцевъ въ оборону тайными вымыслами».

Такимъ образомъ вѣсти Ив. Григорьева о томъ-же посольствѣ Лазуки и Забіяки нисколько не противорѣчатъ извѣстіямъ другихъ источниковъ. Мало того, первыя дополняютъ послѣднія нѣкоторыми новыми данными. Такъ: 1) Иванъ Григорьевъ опредѣляетъ поло-

---

[1]) Здѣсь почтенный историкъ ошибся: никакой Кисляковскій не былъ посылаемъ вмѣстѣ съ Лазукою и Забіякою, но, какъ говоритъ Ив. Григорьевъ въ своихъ вѣстяхъ, Забіяка былъ атаманомъ кисляковскаго куреня.

[2]) Томъ, XIV, стр. 167—168.

женіе запорожскихъ пословъ—называетъ ихъ «куренными атаманами»; 2) опредѣляетъ количество козаковъ (200 человѣкъ) въ отрядѣ, сопровождавшемъ пословъ. Послѣ этого указанія становится понятнымъ, почему гетманъ Яблоновскій увѣрялъ резидента Волкова, что запорожцы прибыли «для вступленія въ службу королевскую»[1]). Если-бы свита Лазуки состояла только изъ нѣсколькихъ человѣкъ, гетману было-бы неудобно настаивать на своемъ объясненіи. Но цѣлый отрядъ въ 200 человѣкъ прямо подтверждалъ увѣренія Яблоновскаго и очень возможно, что прибывшіе съ Лазукою козаки дѣйствительно имѣли въ виду вступленіе на королевскую службу.

Любопытны наконецъ мотивы, которыми Григорьевъ объясняетъ возникновеніе переговоровъ Запорожья съ Польшею. Какъ рядовой запорожецъ (временный), не посвященный въ высшія политическія соображенія запорожской старшины, онъ слишкомъ просто посмотрѣлъ на это дѣло, какъ смотрѣли на него и тысячи другихъ такихъ-же простыхъ запорожцевъ. Онъ объясняетъ недовольство Запорожья на Москву единственно тѣмъ, что «великіе государи» даютъ запорожцамъ «небольшое жалованье»—по 10 алтынъ и по 2 локтя сукна на годъ человѣку, а отъ польскаго короля козаки «получаютъ большую плату».

Нѣтъ сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ у Запорожья накопилось много причинъ недовольства Москвою и причинъ гораздо болѣе существенныхъ, чѣмъ указываемая Григорьевымъ. О такихъ причинахъ говорятъ, между прочимъ, въ своихъ отпискахъ въ Москву и гетманъ Мазепа, и резидентъ Волковъ (см. выше). Не только въ данный моментъ, но и раньше Запорожье имѣло очень вѣскія основанія задумываться о своемъ будущемъ... Постепенно охватываемая московскимъ кольцомъ, Сѣчь невольно металась въ разныя стороны—то къ Крыму, то къ Польшѣ, чтобъ отдалить тотъ моментъ, когда это кольцо окончательно сожметъ ее и перевернетъ по своему... Но понятно, что такое предчувствіе будущей судьбы давалось не многимъ, болѣе прозорливымъ дѣятелямъ Запорожья, простая-же масса жила интересами настоящей минуты и о нихъ только и хлопотала. И среди этихъ будничныхъ интересовъ

---

[1]) *Соловьевъ*, XIV, стр. 167.

забота о «государевомъ жалованьѣ» Запорожью занимала козаковъ постоянно. Жалобы на недостаточность московскаго жалованья выливались у запорожцевъ очень часто. Напр., спустя полтора года послѣ посольства Лазуки, весною 1691 г. пріѣхалъ въ Сѣчь стольникъ Чубаровъ съ царскимъ жалованьемъ, состоявшимъ изъ 500 червонцевъ, соболей и сукон. Во время передачи козакамъ этого жалованья одинъ изъ куренныхъ атамановъ закричалъ: «это жалованье не въ жалованье! мы служимъ долго, а кромѣ этого ничего не выслужили побольше, такіе соболи мы и прежде видали! Другіе козаки кричали: «соболи присланы только четверымъ (?), а надобно присылать намъ всѣмъ, какъ донскимъ козакамъ присылаютъ. Велико жалованье—прислали 500 золотыхъ червонныхъ! намъ надобно присылать по 5,000!»[1]). Позже, лѣтомъ 1693 г., когда во время сношеній Запорожья съ извѣстнымъ Петрикомъ недовольство запорожцевъ на Москву замѣтно усилилось, въ числѣ мотивовъ этого недовольства высказывалось снова и то обстоятельство, что запорожцамъ «присылается изъ Москвы жалованье не такое, какъ донскимъ козакамъ». Въ Москвѣ обратили на это вниманіе и сочли нужнымъ прибавить запорожцамъ къ обычной дачѣ еще 100 «половинокъ» сукна[2]).

Вообще подобныя рѣзкія проявленія недовольства Запорожья московскимъ жалованьемъ обнаруживались очень часто. Такимъ образомъ въ соображеніяхъ Григорьева о причинѣ стремленія Запорожья къ подданству Польшѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Не нужно только забывать, что Григорьевъ является въ данномъ случаѣ выразителемъ мнѣній темной массы запорожцевъ, а не сѣчевой старшины. Необходимо также помнить, что кромѣ указываемой Григорьевымъ причины недовольства Москвою существовали еще и многія другія, на которыя Григорьевъ не могъ обратить своего вниманія по степени своего развитія и вслѣдствіе не долгаго сравнительно пребыванія въ Запорожьѣ.

И такъ, одна изъ крупныхъ вѣстей, доставленныхъ Григорьевымъ въ Кіевъ, вполнѣ подтверждается другими историческими свидѣтельствами. Полагаю, что это обстоятельство должно внушить довѣріе и къ остальнымъ его вѣстямъ. Перехожу къ нимъ.

[1]) *Соловьевъ*, т., XIV, стр. 177—178.

[2]) Ibid., стр. 209—210.

Къ исторіи 2-го крымскаго похода (1689 года) князя В. В. Голицына Иванъ Григорьевъ сообщаетъ не много данныхъ, касающихся участія запорожцевъ въ этомъ походѣ. Соловьевъ [1]) ничего не говоритъ объ участіи въ походѣ запорожцевъ, Устряловъ же [2]), пользуясь «отписками» съ похода князя Голицына и другими документами, говоритъ объ этомъ участіи, но довольно не ясно. Онъ сообщаетъ, что въ арміи князя Голицына были малороссійскіе полки, подъ начальствомъ Мазепы, но о составѣ ихъ выражается очень глухо: называетъ ихъ вообще то «малороссійскими казаками», или «украинскими черкасами», то «региментами» гетмана Мазепы, то говоритъ объ участіи въ разныхъ бояхъ «старшины и полковниковъ» гетмана и т. п. Конечно, во всѣхъ этихъ терминахъ слѣдуетъ видѣть и запорожцевъ. Въ одномъ мѣстѣ описанія похода Устряловъ (1,232) уже прямо говоритъ о запорожцахъ, находившихся въ полкахъ Мазепы. Но для большей исторической точности этого мало, и фактъ участія запорожцевъ нуждается въ дальнѣйшихъ подтвержденіяхъ. Поэтому-то очень цѣнно указаніе Ивана Григорьева, который прямо говоритъ, что запорожцы участвовали во 2-мъ крымскомъ походѣ, подъ предводительствомъ свего кошеваго атамана Ивана Гусака. На обратномъ пути, послѣ несчастнаго поиска подъ Перекопомъ, запорожцы проводили рускую армію до рѣчки Бѣлозерки. Здѣсь И. Гусакъ разстался съ русскимъ войскомъ и вернулся въ Сѣчь.

Устряловъ [3]) также говоритъ о томъ, что князь Голицынъ переходилъ черезъ рѣчку Бѣлозерку (впадающую въ Днѣпръ вблизи Запорожской Сѣчи) какъ на пути къ Перекопу, такъ и при обратномъ возвращеніи. Въ первый разъ онъ стоялъ на этой рѣчкѣ въ началѣ мая (около 7-го числа) 1689 г. Здѣсь, очевидно, и соединились съ нимъ запорожцы. На обратномъ пути князь Голицынъ пришелъ къ р. Бѣлозеркѣ 1 іюня и расположился здѣсь лагеремъ, въ виду Сѣчи. Простоявши тутъ нѣсколько дней, чтобъ дать отдыхъ изнуреннымъ войскамъ, Голицынъ двинулся далѣе къ р. Самарѣ, къ г. Ново-богородскому, куда 11 іюня «пришли въ цѣлости», какъ писалъ князь въ Москву.

[1]) Томъ, XIV, стр. 59—63.

[2]) Томъ, I, стр. 218, 220, 224, 231, 361, 363, 367—371, 377, 387.

[3]) Томъ I, стр. 220—1, 236—7, 367, 372, 376—7.

Такимъ образомъ, и это свѣдѣніе Ивана Григорьева объ участіи запорожцевъ во 2 крымскомъ походѣ подтверждается другими историческими свидѣтельствами.

X.

Но особенно цѣнна вѣсть И. Григорьева о заключеніи Запорожьемъ мира съ крымцами лѣтомъ 1689 г., послѣ окончанія 2-го крымскаго похода. Это событіе оставалось доселѣ неизвѣстнымъ въ нашей исторической литературѣ, если не считать нѣкоторыхъ глухихъ указаній и намековъ на него. Такъ, Н. И. Костомаровъ неопредѣленно говоритъ, что въ 1688 г. у запорожцевъ возникла мысль о примиреніи съ Крымомъ [1]). Ниже онъ замѣчаетъ, что Мазепа, вернувшись въ 1689 г. изъ Москвы, узналъ и отписалъ въ Москву, что Запорожье склоняется къ миру съ Крымомъ и Польшей [2]). У Соловьева же находимъ [3]) извѣстіе о союзѣ Запорожья съ Крымомъ въ 1689 г., но оно брошено мимоходомъ и достаточно не разъяснено. Именно: резидентъ Волковъ, сообщая изъ Варшавы о пріѣздѣ туда запорожскихъ атамановъ Лазуки и Забіяки и объ ихъ жалобахъ на Москву, писалъ между прочимъ, что запорожцы «съ ханомъ крымскимъ помирились». Но этимъ и ограничивается все извѣстіе. Изъ дальнѣйшаго разсказа историка не видно, обратили-ли въ Москвѣ вниманіе на эту вѣсть Волкова и приняты-ли были какія мѣры для ея повѣрки. Во всякомъ случаѣ, теперь мы знаемъ, что въ апрѣлѣ слѣдующаго 1690 г. въ Москвѣ были получены подробныя вѣсти о союзѣ Запорожья съ Крымомъ, благодаря выходцу Ивану Григорьеву.

Его разсказъ объ этомъ союзѣ не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Весьма естественно и правдоподобно разсказываетъ Иванъ Григорьевъ, что въ Сѣчи очень осторожно отнеслись къ первому посольству крымскаго хана, явившемуся (какъ заставляетъ полагать разсказъ выходца и указанія историка Устрялова) въ половинѣ іюня 1689 г., когда князь Голицынъ отошелъ отъ р. Бѣло-

---

[1]) «Мазепа» (изданіе 1882 г.), стр. 22—23.

[2]) Ibid., стр. 43.

[3]) Томъ XIV, стр. 167.

зерки къ р. Самарѣ. Запорожцы только «выслушали» ханскаго посланца объ условіяхъ мира и отпустили его въ Крымъ. Близость русскаго войска мѣшала имъ завязать съ ханомъ серьезные переговоры. Но когда въ Сѣчи узнали, что князь Голицынъ «распустилъ» свое войско (это было въ концѣ іюня и началѣ іюля), тогда запорожцы смѣло возобновили переговоры и даже сами отправили въ Крымъ посольство, во главѣ котораго стоялъ тотъ же Лазука, атаманъ незымаевскаго куреня, который позже (зимою того-же 1689 г.) былъ посланъ къ польскому королю. Очевидно, что это былъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей Запорожья того времени, котораго считали годнымъ для исполненія самыхъ щекотливыхъ и опасныхъ порученій. Лазука вернулся въ Сѣчь вмѣстѣ съ ханскимъ мурзою, который и заключилъ отъ имени хана миръ съ Запорожьемъ, на условіяхъ, предложенныхъ обѣими сторонами [1]).

Рѣшимость запорожцевъ на вступленіе въ этотъ союзъ вполнѣ будетъ понятна, если вспомнимъ, что онъ состоялся сейчасъ послѣ того, какъ Москва на глазахъ Запорожья потерпѣла двойную и крупную неудачу (въ 1687 и 1689 гг.,) въ своей борьбѣ съ Крымомъ. Эти неудачи Москвы естественно подняли духъ Крыма, который теперь смѣлѣе сталъ дѣйствовать, какъ и показали послѣдующія событія (особенно исторія Петрика).

Немудрено послѣ этого, что Запорожье, на которое прежде всего должны были обрушиться татары, охотно пошло на миръ съ своимъ давнимъ врагомъ, высоко поднявшимъ теперь свою голову. Со стороны Запорожья союзъ состоялся единственно изъ побужденій самозащиты.

Подобные союзы Запорожья съ Крымомъ не были новинкою для обѣихъ сторонъ: и раньше (напр. при Хмельницкомъ) они нерѣдко заключались между ними, и послѣ 1689 г. повторялись не разъ. Спустя три года, въ 1692 г., во время волненій, вызванныхъ въ Запорожьѣ и вообще въ Малороссіи происками Петрика, мысль о союзѣ съ Крымомъ усердно и успѣшно пропагандировалась сторонниками Петрика и вообще лицами, недовольными Москвою. И хотя большинство козаковъ, и во главѣ ихъ старшина съ кошевымъ атаманомъ Ив. Гусакомъ, были противъ этого союза и противодѣй-

---

[1]) См. о нихъ въ VIII гл. въ разсказѣ И. Григорьева.

ствовали ему, сколько возможно, однако въ концѣ концовъ сторонники Петрика взяли верхъ и въ іюнѣ слѣдующаго года «голутьба на Запорожьѣ» заставила старшину заключить перемиріе съ ханомъ. При этомъ кошевой Гусакъ, бывшій противникомъ этого союза, «сдалъ атаманство, и на его мѣсто былъ выбранъ Рубанъ» [1]).

Этотъ фактъ, что въ 1693 г. атаманъ Гусакъ оказался противникомъ союза съ Крымомъ, нисколько не противорѣчитъ вѣсти И. Григорьева о мирѣ Запорожья съ Крымомъ въ 1689 г., когда кошевымъ былъ тотъ-же Гусакъ. За 4 года воды уплыло немало и политическое положеніе Москвы и Крыма совсѣмъ измѣнилось. Тогда Крымъ торжествовалъ вслѣдствіе неудачныхъ московскихъ походовъ и въ своемъ торжествѣ могъ серьезно угрожать Запорожью. Теперь-же, въ 1693 г., Москва уже достаточно оправилась отъ понесенныхъ неудачъ и могла успѣшно бороться съ Крымомъ. Напримѣръ въ началѣ этого года вторглись въ Украйну 40,000 татаръ (съ Петрикомъ), но успѣха не имѣли и отступили съ ничтожною добычею [2]). Иванъ Гусакъ, уже много лѣтъ, хотя съ перерывами, стоявшій во главѣ Запорожья и потому хорошо знакомый съ политическими дѣлами и своей родины, и Москвы, и Крыма, не могъ не замѣтить такой перемѣны въ отношеніяхъ Москвы къ Крыму. Слѣдовательно, въ 1693 г. онъ долженъ былъ дѣйствовать совершенно иначе, чѣмъ въ 1689 г.

Но и помимо этого, нужно имѣть въ виду то обстоятельство, что за эти 4 года въ характерѣ Ивана Гусака произошла рѣзкая перемѣна. Во время исторіи Петрика Гусакъ велъ себя очень энергично, и очень твердо и неуклонно преслѣдовалъ свои цѣли. Видно, что въ это время его личность и политическія воззрѣнія сложились настолько прочно, что онъ уже не считалъ возможнымъ поступаться ими въ пользу иныхъ воззрѣній. Онъ былъ сознательнымъ противникомъ Петрика и боролся съ его сторонниками въ Запорожьѣ до послѣдней возможности. Но когда продолженіе этой борьбы стало для него немыслимымъ, онъ не пошелъ на уступки и поблажки своимъ убѣжденіямъ, но просто сошелъ со сцены и далъ дорогу инымъ дѣятелямъ.

---

[1]) *Соловьевъ*, т. XIV, 178—185, 204—208.

[2]) *Соловьевъ*, XIV, 204.

Не такимъ сложившимся характеромъ представляется Иванъ Гусакъ 4 года назадъ—въ 1689 г. Видимо, что тогда онъ чувствовалъ себя еще очень неопытнымъ и новымъ человѣкомъ на своемъ посту. Онъ мало проявлялъ тогда самостоятельности и больше дѣйствовалъ по совѣту съ «товариствомъ». Напримѣръ, въ томъ-же 1689 г. онъ противился мысли о подданствѣ Запорожья польскому королю и однако, «хотя и противъ своего желанія, но по волѣ товариства», послалъ въ Варшаву Лазуку и Забіяку...[1]). Если такъ онъ поступилъ въ такомъ рискованномъ предпріятіи, какъ подчиненіе Запорожья Польшѣ въ моментъ мира послѣдней съ Москвою, то тѣмъ легче онъ долженъ былъ уступить «товариству» въ дѣлѣ союза съ Крымомъ, торжествовавшимъ свои побѣды надъ Москвою. Понятно, что этотъ выводъ имѣетъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если допустимъ, что и въ 1689 г. Иванъ Гусакъ былъ такимъ-же противникомъ Крыма, какимъ онъ оказался въ 1693 г.

Такимъ образомъ вѣсть Ив. Григорьева о союзѣ Запорожья съ Крымомъ въ 1689 г. подтверждается и намеками другихъ историческихъ свидѣтельствъ (у Соловьева и Костомарова) и естественностію и правдоподобностію самаго факта, оправдываемаго аналогичными предыдущими и послѣдующими явленіями въ исторіи отношеній Запорожья къ Крыму. Кромѣ того, эта вѣсть Григорьева внушаетъ довѣріе еще и потому, что и другія его вѣсти (о посольствѣ запорожцевъ къ польскому королю въ 1689 г. и объ участіи запорожцевъ во 2-мъ крымскомъ походѣ) вполнѣ подтверждаются.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о заключающихся въ разсказѣ Ив. Григорьева данныхъ для бытовой исторіи Запорожья. Сюда относится, во первыхъ, указаніе на имя кошеваго Лихопоя, который атаманствовалъ короткое время—во второй половинѣ 1688 г. и вѣроятно въ началѣ 1689 г., т. е. между атаманствами Григорія Сагайдачнаго и (первымъ) Ивана Гусака. Сколько мнѣ извѣстно, кошевой атаманъ Лихопой не встрѣчался ранѣе въ историческихъ указаніяхъ. Но имя его извѣстно по другому поводу, о которомъ разсказываетъ Н. И. Костомаровъ, именно: въ 1688 г. производилась постройка на р. Самарѣ новобогородскаго городка. Эта постройка сильно волновала Запорожье и Мазепа очень заботился о

---

[1]) «Мазепа» *Н. И. Костомарова*, стр. 43.

томъ, чтобы слухи о ней не проходили въ Сѣчь. «Но объ этомъ сообщилъ туда бывшій въ Москвѣ посланцемъ изъ Сѣчи Лихопой» [1]). Нужно думать, что это было то самое лицо, которое въ томъ-же году (но позже) является кошевымъ атаманомъ, по свидѣтельству Ив. Григорьева. Фактъ посылки Лихопоя посланцемъ въ Москву говоритъ о томъ, что онъ не былъ рядовымъ казакомъ въ Сѣчи, но принадлежалъ къ ея старшинѣ, или вообще къ «лучшимъ людямъ».

Также цѣнны и указанія Ив. Григорьева на имена двухъ куренныхъ атамановъ—Лазуки и Забіяки, изъ которыхъ первый принадлежалъ къ очень виднымъ запорожскимъ дѣятелямъ разсматриваемаго времени. Любопытны наконецъ и тѣ данныя, какія находимъ въ разсказѣ Григорьева относительно порядка совѣщаній у запорожцевъ, также о походахъ подъ «турскіе городки» и «крымскіе улусы» и проч.

XI.

Остановлюсь еще на двухъ «вѣстовыхъ отпискахъ», имѣющихъ отношеніе къ разсматриваемому времени и событіямъ.

Къ исторіи 2-го крымскаго похода относится вѣстовая отписка кіевскаго воеводы кн. М. Г. Ромодановскаго, посланная въ Приказъ Малой Россіи въ іюлѣ 198 (1690) г. [2]). Она сообщаетъ вѣсти, доставленныя воеводѣ кіевскимъ торговымъ человѣкомъ грекомъ Ник. Ив. Торніотомъ и собранныя имъ во время поѣздки въ Польшу, Венгрію и Турцію. Торніотъ, выѣхавшій изъ Кіева въ концѣ октября 1689 г., посѣтилъ послѣднія двѣ страны во время войны султана съ цезаремъ. Поэтому всего болѣе онъ разсказываетъ именно объ этой войнѣ и о начавшихся затѣмъ переговорахъ о мирѣ. Однако и здѣсь встрѣчается нѣсколько свѣдѣній, прямо относящихся къ Россіи. Такъ, говоря объ участіи крымцевъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ цезаря, Торніотъ сообщаетъ любопытное извѣстіе о тѣхъ толкахъ, какіе ходили въ Крыму и Турціи по поводу неудачи Голицына подъ Перекопомъ. Конечно, въ этихъ толкахъ есть много преувеличеннаго и лестнаго для самолюбія крымцевъ, тѣмъ не менѣе

---

[1]) «Мазепа», стр. 21.

[2]) Московскаго стола столбецъ № 749, лл. 95—98.

они очень интересны для характеристики и того подъема духа у крымцевъ, какой замѣчается у нихъ послѣ неудачныхъ для Россіи крымскихъ походовъ.

Торніотъ говорилъ воеводѣ, что крымскій ханъ «хвалился» передъ турскимъ салтаномъ и визиремъ, что подъ Перекопъ приходили «ратные люди великихъ государей», а онъ, ханъ, ихъ «не допустилъ до Перекопа, многихъ побилъ и въ полонъ поймалъ, и пушки отбилъ, и за то хану крымскому салтанъ турской и визирь воздали честь и жаловали многимъ жалованьемъ»... (л. 97).

Примѣры подобнаго самохвальства крымцевъ въ это время извѣстны и изъ другихъ источниковъ. Такъ вернувшійся въ 1691 г. изъ татарскаго полона смоленскій шляхтичь Поплонскій разсказывалъ, между прочимъ, такія рѣчи татаръ во время крымскаго похода: «если-де, говорили они, кн. Голицынъ станетъ приступать къ Перекопу, то они пустятъ его туда и тамъ «безъ бою всѣхъ переберутъ по рукамъ» [1])... Если такъ самохвальничали татары во время пребыванія руской арміи подъ Перекопомъ, то позже, послѣ постыднаго отступленія Голицына, такое настроеніе ихъ естественно еще болѣе усилилось.

Другая вѣстовая отписка того-же кіевскаго воеводы, посланная въ приказъ Малой Россіи въ апрѣлѣ 1690 г. и сообщающая вѣсти кіевскаго торговаго человѣка мѣщанина Ивана Павлова [2]), содержитъ въ себѣ любопытныя данныя о заключеніи польскимъ королемъ мира съ крымскимъ ханомъ въ началѣ 1690 г., затѣмъ нѣсколько свѣдѣній объ извѣстномъ полковникѣ Семенѣ Палѣѣ, о проискахъ львовскаго епископа Іосифа Шумлянскаго и проч.

Иванъ Павловъ разсказывалъ слѣдующее: въ декабрѣ 1689 г. поѣхалъ онъ изъ Кіева въ Варшаву, куда прибылъ во время сейма, на которомъ были между прочимъ московскій резидентъ Ив. Волковъ и послы: цесарскій, крымскій и французскій. «И того-де французскаго посла съ сейма сослали скована въ польскій городъ Малборокъ, а для чего сосланъ, про то не слыхалъ»... Резидентъ Ив. Волковъ пригласилъ И. Павлова «на постоялой свой дворъ, и на-одинъ сказывалъ ему тайно, «что польскій король съ крым-

---

[1]) *Соловьевъ*, т. XIV, стр. 61.

[2]) Московскаго стола столбецъ № 749, лл. 172—176.

скимъ ханомъ «учинили вѣчной миръ тайно», такъ что когда московскіе ратные люди пойдутъ войною на Крымъ, поляки соединятся съ татарами и нападутъ на московскія войска и на малороссійскіе города...

Иванъ Павловъ изъ Варшавы отправился во Львовъ, гдѣ также слышалъ подтвержденіе этой вѣсти о заключеніи польскимъ королемъ «вѣчнаго мира» съ крымскимъ ханомъ. Объ этомъ мирѣ говорилъ ему здѣсь «Егорьевскій игуменъ», который узналъ о немъ отъ львовскаго епископа Іосифа Шумлянскаго, только что вернувшагося съ сейма. При этомъ Иванъ Павловъ добавляетъ, что цесарскій посолъ и «литовскіе гетманы» ничего не вѣдали о заключеніи мира съ ханомъ, но когда послѣдніе узнали о томъ, то стали противиться этому союзу и «къ миру не допускаютъ» польскаго короля.

Жалуясь Ивану Павлову на трудность сношеній съ Москвою (смотр. объ этомъ въ 1 главѣ), резидентъ Иванъ Волковъ вообще замѣтилъ, что ему «отъ короля польскаго почести противъ прежнихъ обыклостей нѣтъ»...

Далѣе Иванъ Павловъ говоритъ, что во время его пребыванія въ Варшавѣ пріѣзжали къ королю изъ Немирова два козацкихъ сотника изъ полка Семена Палѣя и просили короля, чтобы онъ ихъ полковника «изъ-за караула свободилъ и смертью его не казнилъ»... Но король имъ «отказалъ» и говорилъ, что не можетъ освободить Палѣя, такъ какъ тотъ «мыслилъ будто идти хотѣлъ на поляковъ войною», соединившись съ московскими ратными людьми. Находившіеся въ это-же время въ Варшавѣ крымскіе мурзы также просили выдать имъ Палѣя, чтобы «учинить ему смерть», но король и имъ отказалъ, говоря: «Палѣя-де вамъ не отдамъ, а дамъ-де вамъ 40 человѣкъ татаръ»...

Въ заключеніе Иванъ Павловъ сообщилъ, что Егорьевскій игуменъ во Львовѣ говорилъ ему слѣдующее: собирается-де идти въ Кіевъ одинъ «студентъ, будто для наукъ», а въ дѣйствительности «съ прелестными письмами»... Кѣмъ посылался этотъ студентъ, Иванъ Павловъ не сказалъ, а только описалъ его примѣты, очевидно со словъ игумена, именно: «ростомъ онъ высокъ, на головѣ волосы черны, собою толстоватъ, а одежду на себѣ носитъ пестру»...

Всѣ эти вѣсти И. Павлова очень любопытны. Особенную цѣнность имѣетъ извѣстіе о заключеніи въ началѣ 1690 г. «вѣчнаго

мира» между Польшей и Крымомъ. У Соловьева и Устрялова встрѣчаемъ извѣстія только о томъ, что въ это время шли переговоры о мирѣ между Польшей и Крымомъ, но о фактѣ заключенія мира ничего не говорится. Соловьевъ глухо замѣчаетъ, что въ разсматриваемое время Польша начала «сноситься съ крымскимъ ханомъ объ отдѣльномъ мирѣ» [1]). Устряловъ-же сообщаетъ [2]), что весною 1690 г. резидентъ И. Волковъ писалъ въ Москву, что «въ Варшаву прибыли крымскіе послы съ мирными предложеніями». Тоже подтвердилъ въ іюлѣ и польскій резидентъ въ Москвѣ Доминикъ Довмонтъ, увѣряя посольскій приказъ, что король не дастъ посламъ рѣшительнаго отвѣта, пока не согласится объ этомъ вопросѣ съ Москвою. Отсюда отвѣтили, что если ханъ не станетъ искать мира съ Москвою, то король, согласно данному обязательству, не долженъ отдѣльно мириться съ Крымомъ. Въ декабрѣ король отвѣчалъ, что не будетъ мириться съ ханомъ, пока онъ не возобновитъ переговоровъ съ Москвою. Тоже сказали польскіе сенаторы и нашему резиденту, не объявивъ ему однакоже, чего требуетъ Рѣчь Посполитая отъ хана. Волковъ стороною узналъ объ этихъ условіяхъ и что татары не приняли ихъ и «были отпущены» обратно.

Такимъ образомъ И. Павловъ сообщаетъ совершенно новое извѣстіе, о которомъ онъ слышалъ отъ лицъ, внушающихъ довѣріе: отъ русскаго резидента и (чрезъ посредство львовскаго игумена) отъ епископа Іосифа Шумлянскаго. Если объ этомъ заключеніи мира ничего не говоритъ Устряловъ, пользовавшійся донесеніями Волкова, и на основаніи ихъ сообщающій только о предварительныхъ переговорахъ Польши съ Крымомъ, то это естественно объясняется тѣмъ, что Устрялову не были извѣстны всѣ донесенія Волкова, или правильнѣе, что эти донесенія не всѣ сохранились до нашего времени. Притомъ самъ резидентъ говорилъ И. Павлову (см. 1 главу), что поляки перехватывали его донесенія въ Москву.

Разсматриваемое извѣстіе И. Павлова не противорѣчитъ тѣмъ переговорамъ Польши съ Москвою о мирѣ съ Крымомъ, какіе, по словамъ Устрялова, тянулись въ теченіи всего 1690 г. Оффиціально Польша должна была скрывать отъ Москвы отдѣльное заключеніе

---

[1]) Томъ XIV, стр. 175.

[2]) Томъ II, стр. 193—194.

мира съ ханомъ, такъ какъ оно явно нарушало ранѣе заключенные мирные договоры между правительствами этихъ странъ. Но тайно ничто не мѣшало Польшѣ вступить въ союзъ съ ханомъ, особенно послѣ неудачныхъ московскихъ походовъ въ Крымъ. Любопытенъ намекъ И. Павлова на то обстоятельство, что въ Польшѣ и Крыму повидимому ожидали новаго московскаго похода, не смотря на неудачу двухъ первыхъ. Именно это ожиданіе и побуждало какъ хана, такъ и короля торопиться заключеніемъ союза: для хана въ виду ожиданія новаго нападенія Москвы былъ дорогъ каждый союзникъ, а тѣмъ болѣе такой старый врагъ Москвы, готовый всегда на ловлю добычи въ мутной водѣ... Если-же въ декабрѣ 1690 г., какъ говоритъ Устряловъ, дѣйствительно (въ чемъ еще можно сомнѣваться, имѣя въ виду оффиціальность этого извѣстія) король прервалъ мирные переговоры съ ханомъ, то и здѣсь нельзя видѣть противорѣчія съ вѣстью И. Павлова. Послѣдній говоритъ о самомъ началѣ 1690 г., Устряловъ-же о концѣ этого года, а на такомъ пространствѣ времени событія мѣняются быстро. Заключивши миръ съ Крымомъ въ началѣ 1690 г., король затѣмъ всегда могъ разорвать его изъ разныхъ политическихъ видовъ, напримѣръ въ виду песбывшагося ожиданія новаго похода Москвы на Крымъ, или въ виду склонности московскаго правительства къ примиренію съ ханомъ, обнаружившейся именно въ концѣ того-же года, когда Мазепа, по порученію Москвы, завелъ съ Крымомъ мирные переговоры, которые въ началѣ 1692 г. продолжалъ уже нарочный московскій посолъ подъячій Айтемировъ [1]).

Къ исторіи отношеній Польши къ Россіи въ разсматриваемое время относятся и нѣкоторыя другія вѣсти И. Павлова, именно— о положеніи резидента И. Волкова въ Варшавѣ [2]) и о происках извѣстнаго епископа Іосифа Шумлянскаго. Разсказъ объ этихъ проискахъ заключается въ той вѣсти И. Павлова, гдѣ онъ говоритъ, со словъ егорьевскаго игумена, о посылкѣ изъ Львова въ Кіевъ какого-то «студента» съ «прелестными письмами». Имя Іосифа Шумлянскаго тутъ не приведено, но его рука явно здѣсь присут-

---

[1]) *Соловьевъ*, т. XIV, стр. 176.

[2]) Любопытный эпизодъ о ссылкѣ французскаго посла въ г. Малборокъ нуждается въ подтвержденіи и объясненіи другими историческими свидѣтельствами.

ствуетъ. Именно «прелестными письмами» и прославился въ это время Іосифъ Шумлянскій, какъ свидѣтельствуютъ современные источники. Занятый мечтами о кіевской митрополіи, львовскій епископъ дѣятельно интриговалъ въ свою пользу и въ Польшѣ и въ Малороссіи, всюду разсылая своихъ агентовъ и разнаго рода «прелестныя письма». Еще въ 1683 г. явились въ Малороссіи подосланные Іосифомъ монахи съ «прелестными листами» отъ польскаго гетмана Яблоновскаго [1]). Въ 1690 г. епископъ принималъ несомнѣнное участіе въ извѣстной исторіи монаха Соломона, явившагося къ польскому королю съ письмами якобы отъ гетмана Мазепы [2]). Въ началѣ того-же года Іосифъ, по повелѣнію короля, вошелъ въ сношенія съ Мазепою и отправилъ къ нему съ письмомъ шляхтича Доморацкаго [3]). Не о посылкѣ-ли именно этого шляхтича подъ видомъ «студента» и говорилъ И. Павлову во Львовѣ егорьевскій игуменъ?—Очень возможно, потому что по времени оба извѣстія совпадаютъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что посылка въ Кіевъ «студента», о которой говоритъ Ив. Павловъ, могла быть устроена во Львовѣ однимъ только Іосифомъ Шумлянскимъ.

Что касается наконецъ вѣсти Ив. Павлова о Семенѣ Палѣѣ, то и она, не заключая въ себѣ ничего исторически невѣроятнаго, сообщаетъ нѣсколько новыхъ и интересныхъ данныхъ къ исторіи знаменитаго хвастовскаго полковника. Извѣстно, что въ 1689 г. онъ дѣйствительно былъ схваченъ поляками и посаженъ въ тюрьму сначала въ Немировѣ, а потомъ въ Каменномъ городкѣ, гдѣ просидѣлъ всю зиму [4]). Подтверждая этотъ фактъ, И. Павловъ сообщаетъ новыя свѣдѣнія, что именно въ это время пріѣзжали въ Варшаву изъ Немирова 2 сотника Семенова полка и просили короля объ освобожденіи Палѣя изъ тюрьмы. О томъ-же просило тогда короля и крымское посольство, но съ другою цѣлью—«чтобы учинить ему смерть». Король отказалъ обѣимъ сторонамъ. Въ началѣ слѣдующаго 1690 г. Семенъ Палѣй, какъ извѣстно, ушелъ изъ

---

[1]) *Соловьевъ*, т. XIV, стр. 5.

[2]) Ibid., стр. 166—172, 186 и слѣд.

[3]) Ibid., 169.

[4]) *Соловьевъ*, т. XIV, стр. 174.

тюрьмы въ свой Хвастовъ и снова принялся хлопотать о принятіи его съ полкомъ въ московское подданство.

Такимъ образомъ всѣ вѣсти И. Павлова (исключая не разъясненной мною вѣсти объ арестѣ въ Варшавѣ французскаго посла въ 1690 г.) болѣе или менѣе основательно подтверждаются разными историческими свидѣтельствами и почти всѣ представляютъ новыя неизвѣстныя доселѣ историческія данныя.

Полагаю, что приведенныхъ мною примѣровъ совершенно достаточно для того, чтобы доказать цѣнность воеводскихъ «вѣстовыхъ отписокъ» XVII в., какъ матеріала для исторіи Россіи вообще и Малороссіи въ особенности. Считаю необходимымъ при этомъ замѣтить, что я не искалъ найболѣе цѣнныхъ въ историческомъ смыслѣ отписокъ, но обратилъ вниманіе на первые случайно встрѣченные мною документы этого рода, которые еще ждутъ своего спеціальнаго изслѣдователя. На мою-же замѣтку слѣдуетъ смотрѣть какъ на попытку обратить вниманіе историковъ на малоизвѣстный родъ документовъ XVII вѣка.

Москва, 1885 г. **Н. Оглоблинъ.**

ОПЫТЪ ОБЪЯСНЕНІЯ МАЛОРУССКОЙ ПѢСНИ О ЖУРИЛѢ.

Въ Галичинѣ, въ жолковскомъ округѣ, записана любопытная пѣсня о Журилѣ. Поютъ ее на свадьбахъ во время танцевъ:

1. Ишовъ Журыло зъ миста,—
2. За нымъ дивочокъ триста,
3. Чекай, Журыло, пане,
4. Де твое войско стане?
5. У лиси на пывоньци,
6. При зеленій лищыноньци,—
7. Пидъ зелененькимъ дубомъ
8. Былы жовнеры въ бубонъ;
9. Тамъ я се забавыла,
10. Черевычкы зоставыла;
11. Боюся до дому иты,—
12. Буде мя мама быты
13. Щиткою, грыбинкою,
14. Веретеномъ, куживкою.
15. Ой ты, Журыло, ой ты,
16. Куды до тебе зайты?
17. По за гуменю, Ксеню,
18. Не толочи ячменю.
19. Куда Журыло ишовъ,
20. Туди ячменикъ зійшовъ;
21. А куды Ксеня ишла,
22. Туды пшенычка зойшла.

Удовлетворительное объясненіе этой пѣсни можетъ бросить свѣтъ и на великорусскія былины о Чурилѣ Пленковичѣ, повидимому, ей родственныя. Пѣсня о Журилѣ вошла въ первый томъ «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа» В. Антоновича и М. Драгоманова, въ отдѣлъ пѣсенъ вѣка дружиннаго и княжескаго. Въ небольшомъ объясненіи этой пѣсни ученые издатели указываютъ, что «въ древней Руси издавна былъ боярскій родъ Чуриловъ или Джуриловъ, члены котораго упоминаются съ конца XIV по начало XVII ст., въ качествѣ сановниковъ земель: перемышльской, галицкой и подольской; въ послѣдней изъ нихъ Чурилами основанъ былъ городъ Чуриловъ (нынѣ Джуринъ подольской губ., ямпольскаго уѣзда), въ которомъ въ началѣ текущаго столѣтія польскій этнографъ Липинскій слышалъ варіантъ настоящей пѣсни; но, къ несчастью, записалъ только двѣ первыя строчки». Въ варіантѣ, слышанномъ Липинскимъ, имя пана имѣло форму Чурило вмѣсто Журило.

Издатели «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа» обратили вниманіе на два обстоятельства въ пѣсни о Журилѣ: на ея разный составъ и обрядовое значеніе. «За основные стихи пѣсни о Журилѣ, говорятъ они, мы считаемъ только 1—6 и 15—22; стихи 8—14 вставка, прилѣпившаяся къ пѣснѣ, благодаря теперешнему плясовому ея употребленію. Варіантъ этотъ (т. е. записанный въ жолковскомъ округѣ) слишкомъ не ясенъ, чтобы по немъ можно было составить опредѣленное понятіе о значеніи личности Журила. Исполненіе пѣсни на свадьбѣ и послѣдніе четыре стиха заставляютъ предполагать обрядовое значеніе въ старину за пѣсней о Журилѣ» (стр. 54—55).

Я нахожу возможнымъ объяснить пѣсню о Журилѣ, не вдаваясь въ политическую исторію южной Россіи, на основаніи современныхъ явленій народнаго быта, преимущественно пѣсенъ и обрядовъ. По моему мнѣнію, пѣсня о Журилѣ есть хлѣбная пѣсня, сложенная въ честь и прославленіе хлѣбной пищи—*жура*, на подобіе того, какъ въ Великороссіи въ честь и на прославленіе хлѣба сложена пѣсня: «Слава Богу на небѣ, слава!»

Самое слово *журъ*, повидимому, происходитъ отъ слова *жрать*, въ простомъ и древнемъ его значеніи ѣсть; литов. *gertè*, наст. вр. *geriù*—пью; къ этому разряду словъ относится слово *жренъ*, по

первоначальному смыслу, кормитель боговъ. Слово *журъ* и выражаемое имъ хлѣбное кушанье свойственны всѣмъ славянамъ, по крайней мѣрѣ были свойственны всѣмъ славянамъ въ древности. Журъ прежде всего и болѣе всего польское народное кушанье. Въ польскихъ историческихъ памятникахъ пятнадцатаго вѣка встрѣчается уже хлѣбная похлебка *журъ*. Въ настоящее время журъ самое распространенное среди польскихъ крестьянъ хлѣбное кушанье, приготовляемое изъ ржаной муки и воды. По свидѣтельству польскаго этнографа Кольберга, «журъ приготовляется изъ кислаго тѣста ржаной муки и приправляется болѣе мелкою, также ржаною мукою» (Kolberg. Lud. III, 73). Линде (въ VI т. Словаря польскаго языка) указываетъ нѣсколько польскихъ словъ, произведенныхъ отъ жура, журный, журавый, въ смыслѣ: кислый, острый на вкусъ. Журъ распространенъ также среди лужицкихъ сербовъ, въ значеніи заквашеннаго тѣста, *Saüerteig*, въ родѣ русской кваши или саламаты (См. Лужицко-нѣмецкій Словарь Пфуля). Повидимому, журъ встрѣчается или встрѣчался у южныхъ славянъ, болгаръ и сербовъ. У болгаръ словомъ *журать* обозначаютъ процессъ размельченія въ муку и разбалтыванія водой фасоли, крапивы. *Джуркалъ*—палочка, съ одного конца снабженная зубцами; ее опускаютъ зубьями въ смоченную водой крапиву и вертятъ, причемъ крапива превращается въ жидкую массу; въ сербскомъ языкѣ отъ *жура*, повидимому, происходитъ *джуровача*—большая деревянная чашка. Галицкіе русины знаютъ и употребляютъ журъ въ пищу. Журъ вошелъ даже въ малорусскія пѣсни, напримѣръ: «Ой журъ, мати, журъ, лѣпшій русинъ, мати, якъ мазуръ». Въ южной Россіи журъ не встрѣчается; по крайней мѣрѣ, его не оказывается въ спискахъ малорусскихъ яствій, приведенныхъ у Маркевича («Обычаи, нравы малороссовъ», 150—164) и у Чубинскаго («Труды этнографическо-статической экспедиціи», XVII, 433—446). Въ Малороссіи замѣной жура служитъ *кваша*, въ Великороссіи *саламата*. Въ областномъ великорусскомъ языкѣ названіе журъ удержалось. Такъ въ смоленской губерніи журомъ называютъ овсяный кисель, подонки или остатки конопляного масла (Даль, I, 489, также въ Академическомъ Словарѣ великорусскаго языка). Въ связи съ журомъ, быть можетъ, стоитъ областная, именно псковская кличка свиньи—*жура*.

Въ историко-культурномъ отношеніи журъ представляетъ древнее хлѣбное кушанье, ржаную похлебку, предшествующее возникновенію и развитію хлѣбопеченія. Архаичность жура подтверждается какъ общей исторіей хлѣбной пищи, такъ и данными языка, пѣснями и обрядами.

Какъ извѣстно, народная мысль чрезвычайно склонна къ олицетворенію неодушевленныхъ предметовъ внѣшняго міра, склонна даже въ настоящее время, при широкомъ разливѣ цивилизаціи въ обществѣ, при проникновеніи обусловленнаго культурой реальнаго міросозерцанія въ низшіе слои общества и даже въ простой народъ. Тѣмъ болѣе склонность эта должна была обнаружиться въ древности, по мѣрѣ удаленія къ религіозно-миѳическому складу народнаго міросозерцанія. Можно думать, что въ глубокой древности человѣкъ-дикарь былъ пантеистъ, въ томъ ограниченномъ и узкомъ смыслѣ этого слова, что всѣ или почти всѣ окружавшіе его предметы представлялись ему одушевленными.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Разумѣется, тутъ не было дѣйствительнаго пониманія, дѣйствительнаго знанія. Лепетаніе ручья было понято и объяснено именно какъ лепетаніе младенца, у котораго есть водяной дѣдушка, проживающій въ рѣчномъ омутѣ или въ глубинѣ озера. Говоръ древесныхъ листьевъ былъ также понятъ и объясненъ съ исключительно субъективной точки зрѣнія, какъ говоръ лѣснаго духа. Звѣздная книга была первобытному человѣку ясна, гораздо болѣе ясна, чѣмъ впослѣдствіи для Коперника, Ньютона, Лапласа, Гершеля, потому именно ясна, что не было еще приступлено къ ея прочтенію, и заранѣе было категорически и ортодоксально рѣшено, что она говоритъ о богахъ и богиняхъ, ихъ брачномъ союзѣ, ихъ странствованіи по небеснымъ пространствамъ, ихъ гнѣвѣ, выражающемся въ громѣ, ихъ слезахъ, молокѣ или спермѣ, выражающихся въ весен-

дождѣ.

Обожествленіе и олицетвореніе силъ, явленій и предметовъ внѣшней природы и внутренняго психическаго міра въ древности переплетались одно съ другимъ и связывались невидимыми нитями, скрывавшимися преимущественно въ языкѣ, въ словѣ. Съ теченіемъ времени обожествленная природа стала мало-по-малу терять свои божественныя прерогативы и послѣдовало то разложеніе религіозно-натуральныхъ понятій и представленій, остаткомъ котораго служатъ нынѣ заговоры и чары, суевѣрія и предразсудки. Тѣ народно-поэтическіе образы, которые нѣкогда могли имѣть значеніе божества, таинственнаго вышеміренаго существа, обратились въ простое олицетвореніе, напримѣръ, встрѣчающіеся нынѣ въ народной поэзіи образы доли, горя-злочастія, болѣзни, смерти.

Область олицетворенія весьма обширна, гораздо обширнѣе области обожествленія. Олицетвореніе возникало не только въ связи съ обожествленіемъ предмета, но и самостоятельно, изъ цѣлей лучшаго пониманія предмета, наиболѣе полнаго и отчетливаго его представленія, изъ цѣлей развлеченія и удовольствія, такъ какъ человѣкъ достаточно живо и сочувственно можетъ отнестись къ предмету, лишь приблизивъ его къ своей личности. Изъ цѣлей развлеченія и удовольствія, которое обусловливается удовлетвореніемъ эстетическаго чувства, могло возникнуть, напримѣръ, олицетвореніе цвѣтка Иванъ да Марья (Melampyrum nemorosum) въ малорусскихъ пѣсняхъ подъ видомъ брата и сестры, которые, не зная о своемъ кровномъ родствѣ, вступили въ бракъ, потомъ горько раскаевались и превратились въ цвѣтокъ, встрѣчающееся во многихъ мѣстахъ Великой Россіи олицетвореніе масляной недѣли въ видѣ толстой бабы, олицетвореніе стараго и новаго года въ видѣ старика и младенца, весны, лѣта, осени и зимы въ видѣ дѣвушки и парня, замужней женщины и возмужалаго человѣка, окруженныхъ малыми дѣтьми, старика и старухи; такое олицетвореніе свойственно и простому народу, какъ видно изъ пѣсенъ и сказокъ, и образованному обществу, какъ видно изъ произведеній живописцевъ и скульпторовъ (напр., Торвальдсена).

Нѣтъ нужды доказывать, что у преданныхъ мирному земледѣльческому труду славянскихъ народовъ олицетвореніе хлѣба вообще и разныхъ выдающихся хлѣбныхъ печеній въ частности представляется явленіемъ обыкновеннымъ. Трудно судить на основаніи

имѣющагося въ печати этнографическаго матеріала, насколько такого рода олицетвореніе хлѣба обычно сербамъ, болгарамъ и чехамъ. Несомнѣнно только, что олицетвореніе хлѣба часто встрѣчается въ польскихъ, русскихъ и преимущественно малорусскихъ пѣсняхъ и обрядахъ.

Хлѣбъ олицетворяется въ крупные праздники и торжественныя событія народной жизни. Такъ на Свѣтлое Христово Воскресенье осѣвшій куличъ или пасха знаменуетъ несчастье въ домѣ или кончину домохозяина. Здѣсь впрочемъ болѣе символизма, чѣмъ олицетворенія. Олицетвореніе отчетливѣе выступаетъ на свадьбахъ, въ повѣрьяхъ и обрядахъ. Такъ въ повѣрьи, что невѣста, отвѣдавшая коровай до свадьбы, не будетъ любима мужемъ (Терещенко, II, 113), скрывается олицетвореніе хлѣба и отождествленіе его съ женихомъ. Такого рода отождествленіе хлѣба обнаруживается въ обрядахъ. Въ тульской губерніи мать невѣсты на дѣвичникъ ставитъ на столъ два крупныхъ пирога, знаменующихъ жениха и невѣсту (Шейнъ, Великор. пѣсни, стр. 418). Въ минской губерніи, при печеніи свадебныхъ калачей, одну изъ сырыхъ еще булокъ называютъ именемъ жениха (Крачковскій, «Чтенія въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей», 1873 г., IV, 19). Въ особенности ясно олицетвореніе хлѣба выступаетъ въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ о короваѣ. Въ пѣсняхъ коровай «румяный», «красный», «святый», обращается къ людямъ съ рѣчью, обладаетъ способностью передвигаться, летать. Олицетворяется самая пшеница, изъ которой коровай приготовленъ:

Сварылася пшеныченька зъ куколемъ на поленьку:
Ой ты, черный куколеньку,
Не стій ты на поленьку!
Бо тебе за плитъ вергутъ,
А зъ мене коровай плещутъ [1]).

Олицетвореніе коровая не могло однако вполнѣ развиться, потому что самый предметъ олицетворенія никогда не приходилъ въ забвеніе, всегда былъ на лицо. Хлѣбный коровай ограничивалъ и стѣснялъ коровайное олицетвореніе. Для творческой фантазіи были въ данномъ случаѣ указаны строгіе предѣлы, и, при всей популяр-

---

[1]) Сборникъ Головацкаго, т. II, стр. 638.

ности коровая, изъ него никакъ не могъ выйти цѣльный поэтическій образъ такого молодца, какъ Журило или Чурило.

Олицетвореніе хлѣбнаго кушанья—*жура* пошло дальше, полнѣе развернулось. Въ тѣхъ мѣстностяхъ славянскаго міра, гдѣ журъ удержался, какъ хлѣбное кушанье, олицетвореніе жура, какъ малорусское олицетвореніе коровая, не поглотило самаго предмета, тутъ оно просто и ясно; въ тѣхъ мѣстностяхъ славянскаго міра, гдѣ журъ, какъ кушанье, вышелъ изъ употребленія, связанный съ нимъ и имъ порожденный поэтическій образъ Журила или Чурила получилъ оригинальную обработку и настолько удалился отъ своего вещественнаго первообраза, что представляется большое затрудненіе въ опредѣленіи его родословной. Въ историческомъ развитіи олицетворенія жура я усматриваю три ступени: древнѣйшее олицетвореніе жура, при полномъ пониманіи, что источникъ олицетворенія лежитъ въ хлѣбномъ кушаньѣ, затемнѣніе олицетвореннаго жура, или намекъ на олицетвореніе жура, при исчезновеніи самаго кушанья изъ быта народа и наконецъ совершенно самостоятельная обработка старищнаго хлѣбнаго олицетворенія, при полномъ забвеніи жура, какъ кушанья. Первую ступень олицетворенія жура выражаетъ сохранившійся до настоящаго времени въ польскихъ обрядныхъ пѣсняхъ «Журовскій», на второй ступени стоитъ малорусскій «Журило» и на третьей великорусскій «Чурило».

Краковскіе поляки въ началѣ поста носятъ журъ по деревнѣ, съ пѣніемъ и пляской. Въ честь жура поютъ:

A jakze mi się mas, mój panie Żurowski?
A sprawię ja tobie cerwone pońcoski,
Cerwone pońcoski, zielonē portecki—
Bedzies ci tańcował, mój panie Żurowski.
Wiwat! wiwat! wiwat!
Wstępna środa następuje,
Pani matka zur gotuje;
A pan młody siedzi w dziurze,
Witaj, witaj, panie Żurze!
Wiwat! wiwat! wiwat!

Въ селѣ Новоселовкѣ подъ Краковомъ въ первый день великаго поста домохозяинъ вноситъ въ хату привязанную на палкѣ селедку и мѣшочекъ съ золой, домохозяйка—постный журъ. Домохозяинъ

обходитъ вокругъ избы и, потрясая селедкой и золой, прогоняетъ такимъ образомъ масляную недѣлю. Остатки мясной пищи тщательно прячутъ; ставятъ на столъ журъ; всѣ, находящіеся въ домѣ, пробуютъ его и при этомъ поютъ пѣсню:

A jakze się miéwasz,
Mój panie Żurowski?
Będzie cię zajadał
I sam pan Krakowski.
A sprawię ja tobie,
Mój panie Żurowski,
Czerwone pończoszki,
Zieloną kapotę,—
Będziesz miał Żurowski
Caly post robotę.
Stanie ć téj roboty
Do wielkiéj soboty.
Wstępna środa następuje,
Pani matka żur gotuje,
A pan ojciec siedzi w dziurze,
Iak się miewasz, panie Żurze?
Wiwat! wiwat! wiwat! (Kolberg, Lud. V, 270—271).

Польскій «панъ Журовскій» стоитъ, какъ видно, въ неразрывной связи съ журомъ. Пана Журовскаго наряжаютъ въ красные сапоги, въ зеленый кафтанъ, говорятъ, что ему предстоитъ въ посту большая работа; но тутъ-же немедленно и раскрывается происхожденіе пана Журовскаго, уясняется, что его работа будетъ состоять въ пропитаніи домохозяина и его семейства.

Малорусскій Журило — осложнившійся польскій Журовскій. Значеніе его дѣятельности, его «работы» настолько затемнилось, что произошла своеобразная, такъ сказать, подмѣна, перекраска: на кухоннаго героя накинули военный костюмъ, что, быть можетъ, было обусловлено бурными военными передрягами, которымъ такъ часто подвергался южно-русскій народъ. Впрочемъ самое войско въ малорусской пѣснѣ—войско скромное, это дѣвушки—подруги невѣсты. Можно думать, что пѣсня была сложена именно во время приготовленія жура къ свадьбѣ. Объясняя Журила, какъ олицетвореніе жура, я нахожу стихи 8—14, признаваемые В. Б. Анто-

новичемъ за стихи вставочные, умѣстными, генетически связанными по смыслу со всѣмъ предыдущимъ и послѣдующимъ содержаніемъ пѣсни. Дѣвушки такъ много истратили денегъ и всякихъ припасовъ на приготовленіе жура, что разорились и даже не рѣшаются возвратиться домой, чтобы не подвергнуться со стороны родителей наказанію. Въ первыхъ восьми стихахъ выражена мысль, что много дѣвушекъ участвовало въ приготовленіи жура; въ слѣдующихъ затѣмъ шести стихахъ указано, что онѣ много истратили на него всякаго добра, и такимъ образомъ большая часть пѣсни выражаетъ только одну мысль—мысль о томъ, что свадебный журъ отлично приготовленъ. Окончаніе пѣсни, съ 15 до 22 стиха, представляетъ вполнѣ естественное и даже совершенно необходимое въ хлѣбной пѣснѣ пожеланіе урожая. Множество народныхъ пѣсенъ, какъ стоящихъ отдѣльно, такъ и вошедшихъ въ гаевки, зажнивныя, дожиночныя, свадебныя, колядки и волочебныя, представляетъ выраженіе пожеланія урожая. Пѣсенныя пожеланія урожая начинаются наканунѣ новаго года и затѣмъ повторяются при разныхъ случаяхъ семейной и хозяйственной жизни до конца года. Окончаніе пѣсни о Журилѣ:

Куда Журыло ишовъ,
Туды ячменикъ зійшовъ,
А куды Ксеня ишла,
Туды пшеничка зійшла

представляетъ одинъ изъ самыхъ обычныхъ пѣсенныхъ пріемовъ пожеланія урожая. Въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсняхъ на хлѣбныя поля идетъ съ цѣлью дать людямъ урожай Ярило, или св. ап. Петръ, или Спаситель, и результатомъ такого посѣщенія поля всегда бываетъ:

А гдзѣ іонъ нагою,
Тамъ жито капою;
А гдзѣ іонъ ни зырне,
Тамъ колось зацвицне.

(Записки географическаго общества по отдѣлу этнографіи 1869 г., II, 84).

Пошелъ колосъ [1]) на ниву,
На бѣлую пшеницу,—
Уродися на лѣто рожь съ овсомъ,
Съ дикушею (гречкой), со пшеницею.
(Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія, III, 764).

Всѣ подобнаго рода пожеланія урожая, между прочимъ, и связанный съ хожденіемъ Журила и Ксеніи урожай ячменя и пшеницы, быть можетъ, представляютъ лишь измѣненіе прекрасныхъ поэтическихъ образовъ солнца и весенняго дождя, находящихся въ галицкихъ колядкахъ. Къ хозяину приходятъ въ гости солнце, мѣсяцъ и дождь, и каждый гость похваляется своими услугами, оказываемыми землѣ и людямъ. Въ заключеніе говоритъ дождь, именно «дробенъ дожджейко», т. е. хорошій, тихій, продолжительный, благодатный для земли:

Нѣтъ, якъ надъ мене:
Якъ я перейду три разы на ярь,
Три разы на ярь мѣсяца мая,—
Возрадуются жита, пшеныци,
Жита, пшеныци и всѣ ярныци (Головац. II, 9, 11 и 19).

Такъ какъ пѣсню о Журилѣ поютъ на свадьбахъ и такъ какъ пѣсня эта носитъ на себѣ всѣ характерныя черты хлѣбныхъ пѣсенъ, во всякомъ случаѣ имѣетъ несомнѣнно типичное хлѣбное пѣсенное окончаніе, то можно допустить, что и первый стихъ имѣетъ вполнѣ хлѣбный характеръ, другими словами, что онъ представляетъ вызванный изъ другой хлѣбной пѣсни запѣвъ. Предположеніе это до нѣкоторой степени подтверждается коровайными пѣснями, начинающимися со словъ: «короваево тисто летило черезъ мисто, черезъ все село текло» (Чубин. IV, 243; Голов. II, 116).

Нельзя не замѣтить сродства малорусскаго Журилы съ Чурилою Пленковичемъ великорусскихъ былинъ. «Кромѣ тождества въ названіи, говорятъ по этому поводу ученые издатели «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа», южно-русская

---

[1]) Колосъ здѣсь—дѣвочка, которую ведутъ торжественно на хлѣбное поле. О великорусскомъ и болгарскомъ «вожденіи колоска» см. мое сочиненіе «Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ», 80—81.

пѣсня рисуетъ такія-же коренныя черты типа, какія былина присвоиваетъ Чурилу: и въ южно-русской пѣснѣ за «Журиломъ зъ миста йде дивочокъ триста», и въ сѣверной былинѣ женщины заглядываются на Чурила: «Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещатъ; гдѣ молодушки глядятъ — лишь оконеньки звенятъ; гдѣ стары бабы глядятъ—манаты на себѣ дерутъ» (стр. 55). Объемъ былинъ о Чурилѣ довольно великъ, но содержаніе ихъ не сложно, просто. Князь Владиміръ пируетъ въ Кіевѣ съ князьями и боярами. Къ нему пришли около трехъ сотъ неизвѣстныхъ молодцовъ съ жалобой, что на охотѣ ихъ избили какіе-то богато одѣтые всадники. Владиміръ не обратилъ вниманія на ихъ жалобу. Немного спустя приходятъ къ нему съ такой-же жалобой рыболовы, и на нихъ Владиміръ не обратилъ вниманія; наконецъ являются къ нему съ тожественной жалобой сокольники и причетники и въ поясненіе жалобы замѣчаютъ, что ихъ избила дружина Чурилы. «Тутъ Владиміръ князь за то слово схватился», начинаетъ разспрашивать про Чурилу, и старый Бермята даетъ отвѣтъ, что Чурило живетъ пониже Малаго Кіевца, и описываетъ при этомъ яркими красками его богатство, въ особенности его дворъ и домъ. Владиміръ съ князьями и боярами отправился къ Чурилѣ въ гости. Ихъ радушно принимаетъ и предлагаетъ роскошное угощеніе старый Пленъ, отецъ Чурилы; вскорѣ возвратился съ своей дружиной самъ Чурило и поднесъ Владиміру богатые подарки. По приглашенію Владиміра, Чурило переселился въ Кіевъ. Въ Кіевѣ Чурило ухаживаетъ за женой стараго Бермяты, прекрасной Катериной, и она его полюбила; влюбляются въ Чурилу всѣ женщины. Старый Бермяла узнаетъ, что Чурило гоститъ у его жены, является къ ней съ острой саблей, допрашиваетъ ее, откуда въ его горницѣ взялись золотая шапка, шелковыя перчатки, зеленый кафтанъ; жена говоритъ, что шапка подарена ей отцомъ ея, перчатки матерью, кафтанъ братомъ. Бермята подмѣтилъ однако, что за печкой скрылся Чурило, и повелъ свою жену на крыльцо, съ цѣлью «женить ее на острой сабелькѣ». Въ былинахъ о Дюкѣ Степановичѣ Чурило соперничаетъ съ Дюкомъ относительно богатства [1]).

---

[1]) Кирѣевскій, Пѣсни, т. IV, изданіе второе, стр. 78—90.

Какъ извѣстно, русскій народъ обнаруживаетъ большую наклонность къ амплификаціи пѣсенныхъ мотивовъ, въ особенности былевыхъ, и потому русскія былины такъ обширны, длинны. Былины о Чурилѣ не представляютъ въ данномъ случаѣ исключенія, и въ нихъ на каждомъ шагу обнаруживается попытка къ осложненію и расширенію простаго поэтическаго мотива вставками и приставками разныхъ побочныхъ обстоятельствъ. Въ дѣйствительности наиболѣе устойчивымъ, такъ сказать, кореннымъ въ былинахъ представляются лишь нѣсколько мотивовъ, именно тѣ самые мотивы, которые лежатъ въ основаніи Журовскаго и Журилы.

Виликорусская былина не удовольствовалась однимъ именемъ Журилы; потребовалось отчество, тѣмъ болѣе потребовалось, что въ Великороссіи отчество въ народномъ быту имѣетъ большое значеніе, и часто человѣкъ взрослый, пожилой, семейный называется, изъ вѣжливости, только отчествомъ. Названія Пленковичъ, Пленъ преставляются эпитетами жура, Журилы, Чурилы: журъ полный, хорошо заквашенный. Достаточно было Плену, Пленковичу появиться въ пѣснѣ, какъ появился и варіантъ пѣсни о пріемѣ имъ гостей въ отсутствіе сына, о его гостепріимствѣ.

И Журовскій и Журыло—паны, слѣдовательно, люди богатые, вѣжливые, обладающіе деньгами, слугами, хорошей одеждой, хорошо устроенными домами; по этой канвѣ великорусская былина вывела затѣйливые узоры чурилинаго богатства, могущества, вѣжливости, ухаживанія за женщинами.

Въ малорусской пѣснѣ за Журиломъ идетъ триста дѣвицъ; въ русской былинѣ въ него влюбляются всѣ женщины, дѣвушки и старухи; въ первомъ случаѣ характеристика его красоты выражена въ числѣ дѣвицъ, во второмъ въ различіи возраста увлекающихся имъ женщинъ.

Въ малорусской пѣснѣ войско Журилы останавливается въ лѣсу, на полянѣ, при зеленомъ орѣшникѣ. Въ русской былинѣ войско Чурилы также проводитъ время въ поляхъ и лѣсахъ и на отдыхъ идетъ ко двору стараго Плена, когда «на дворѣ уже день вечеряется, красное солнышко закатается».

У польскаго пана Журовскаго «czerwone panczoszki i zieliona kapota», на великорусскомъ Чурилѣ «золотъ колпакъ», «зеленъ кафтанъ».

Былины о Чурилѣ вошли въ составъ былинъ кіевскаго цикла и подчинились общему складу и содержанію былинъ, воспѣвающихъ князя Владиміра. Явилась необходимость локализировать Чурилу, и его поселили «пониже Малаго Кіевца»; затѣмъ явилась необходимость связать его съ княземъ Владиміромъ и съ его застольными богатырями, и его переселили въ Кіевъ, ввели въ вольную и отчасти даже распутную жизнь велико-княжескаго двора, и журъ, Журовскій, Журило получилъ совсѣмъ особый характеръ богатыря-волокиты.

Коснувшись Чурила мимоходомъ, по связи его съ малорусскимъ Журиломъ, мы должны оговориться, что великорусскія былины о Чурилѣ Пленковичѣ имѣютъ довольно обширную литературу. Чурилу объясняли различно: выводили его изъ греческихъ религіозно-поэтическихъ сказаній, изъ южно-русской исторіи, изъ миѳологіи. Проф. А. Н. Веселовскій высказалъ мнѣніе, что имя богатыря Чурило есть народное измѣненіе греческаго имени Κύριλλος (Arhiv für slav. Philolog. III, 573—574). На связь Чурилы съ древней южно-русской исторіей указывалъ еще К. С. Аксаковъ, между прочимъ, указывавшій на мѣсто близъ Кіева, называвшееся Чуриловщиною (См. его сочиненія, т. I, стр. 336). Относительно миѳическаго происхожденія Чурилы много курьезнаго высказалъ проф. П. А. Безсоновъ, повидимому, своими фантастическими доводами на всегда отбившій у ученыхъ охоту искать въ его примѣчаніяхъ къ былинамъ что-либо дѣльное. Г. Безсоновъ для объясненія слова Чурило высыпалъ кучу разнородныхъ словъ латинскихъ, чешскихъ, русскихъ, предоставивъ читателю разбираться въ этой филологической окрошкѣ. «Что касается до его миѳическаго происхожденія или, правильнѣе, до значенія дѣда его Чура, глубокомысленно разсуждаетъ г. Безсоновъ, очевидно заранѣе уже рѣшивъ, что у Чурила былъ дѣдъ Чуръ, то здѣсь очень важны слѣдующія данныя»... Далѣе идетъ такой филологическій винегретъ изъ всевозможныхъ собственныхъ именъ, что его недурно привести цѣликомъ, какъ веселенькій въ области строгой науки дивертисментъ: «въ показаніяхъ о древнихъ божествахъ у западныхъ славянъ, преимущественно балтійскихъ, въ памятникахъ писанныхъ по латыни, не разъ упоминается Сатурнъ, равняющійся Кроносу и нашему Сварожичу-Дажьбогу. Между именъ славянскихъ, соотвѣтствующихъ тому названію, из-

вѣстно слово кърть, krt; это то-же, что извѣстное намъ чуръ, только въ его древнѣйшемъ, еще божескомъ значеніи, въ тожествѣ съ Сварожичемъ, каковъ былъ нѣкогда и Гермесъ, Меркурій. На второй ступени въ переходѣ къ значенію демоническому является чешское Плевникъ... Ступенью третьею въ значеніи божескомъ и миѳологическомъ является уже внукъ Крга, по латыни Меркурій, по славянски Радигость»... (Примѣч. Безс. къ пѣс. Рыбникова II, XLVIII). И все это у г. Безсонова происходитъ, такъ сказать, по щучьему велѣнію. Латинскіе и славянскіе боги родятся и плодятся очевидно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы выплодить для г. Безсонова Чурила.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ОХОЧЕКОМОННЫЙ ПОЛКОВНИКЪ
ИЛЬЯ ѲЕДОРОВИЧЪ НОВИЦКІЙ [1].

3-го марта 1669 года на радѣ въ городѣ Глуховѣ былъ избранъ гетманомъ бывшій черниговскій полковникъ Демьянъ Игнатовичъ Многогрѣшный, а 6-го марта новоизбранный гетманъ, старшина и царскіе послы учинили договоръ, составленный изъ двадцати семи статей. По требованію царскихъ пословъ, одною изъ статей этого договора было постановленно учредить конный полкъ въ тысячу человѣкъ изъ охотниковъ, разнаго званія людей, на обязанности которыхъ было-бы подслушивать «всякіе ссорніе и смутніе слова», подмѣчать «всякія шатости и измѣны», какія затѣваютъ выдающіе себя за козаковъ «пахатніе мужики, бутники, винокуренники» и пр., и «своеволнихъ унимать по своимъ правамъ» [2]). Содержать этотъ новоучрежденный полкъ должны были жители тѣхъ мѣстъ лѣвобережной Украйны, въ которыхъ части его были расквартированы, что называлось стоять «на лежѣ». Это давало поводъ ко всякаго рода вымогательствамъ, проходившимъ для виновныхъ безнаказанно. «Охочекомонники», «компанейцы», получивши широкія полномочія, были людьми, которыхъ всякій доженъ былъ бояться и по мѣрѣ силъ задабривать; они знали это и при всякомъ случаѣ злоупотребляли своими правами. Конечно, найболѣе страдали отъ

---

[1]) Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ будетъ помѣщенъ портретъ этого выдающагося представителя козачей старшины 2-й половины XVII ст.

[2]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т III, стр. 258, М. 1842.

ихъ произвола посполитые, но доставалось и козакамъ и даже старшинѣ. Что новоучрежденный охочій полкъ допёкъ всѣмъ и каждому, видно изъ того, что не прошло и трехъ лѣтъ со времени его учрежденія, какъ уже въ статьяхъ, такъ называемыхъ конотопскихъ, постановленныхъ на радѣ у Козацкой Дубровы, 25-го мая 1672 года, при избраніи гетманомъ Самойловича, «генералніе, обозной Петръ Забѣла съ товарищи, и полковники съ войсковою старшиною и козаки... бьютъ челомъ Великому Государю, чтобъ Его царское Величество ихъ пожаловалъ гетмана, полковниковъ и козаковъ, тысяча человѣкомъ полку Новицкаго кумпанѣи быти не указалъ, для того, что отъ такихъ кумпаній малороссійскихъ городовъ и мѣстъ и мѣстечекъ и селъ жителемъ всякое чинитца разореніе и обиды» [1]. Царь Алексѣй Михайловичъ внялъ ихъ просьбѣ, но статья эта не была соблюдена. Новоизбранный гетманъ, какъ оказалось, относился къ ней не очень сочувственно и вовсе не думалъ объ ея выполненіи. Ему, конечно, было очень удобно имѣть въ своемъ личномъ постоянномъ распоряженіи полкъ въ тысячу человѣкъ и не зависѣть отъ старшины и отъ частныхъ дѣлъ каждаго реестроваго козака въ отдѣльности; съ другой стороны, по тогдашнему ненадежному времени, когда такъ легко было лишиться гетманскаго уряда, гетману просто необходимо было имѣть столь внушительную силу на всякій случай подъ рукой. Самойловичъ не только не распустилъ «охочекомонниковъ», но съ теченіемъ времени набралъ еще нѣсколько охотныхъ полковъ. Въ этомъ помогъ ему невольно извѣстный правобережный гетманъ Петръ Дорошенко, отъ смѣлыхъ, но неудачныхъ попытокъ котораго осталась въ народѣ лишь такая печальная память:

За Дорошенка гетмана
Пуста Украина стала,
    Все то презъ его бунты,
    Всѣмъ прійшло погинути.
Вкраина тяжко вздыхае,
Подолья плаче, рыдае
    Чадъ своихъ заколенныхъ
    И въ неволю одведеныхъ.

---

[1]) Лѣт. Сам. Величка, т. II, стр. 326. Кіевъ, 1851.

Ой Боже нашъ милостивый!
Ты-сь судія справедливый,
Не даждь бисурману
И Петру гетману
Въ замыслахъ тое чинити,
Рачь ихъ отомстити,
Абы южъ перестали,
И въ прудкомъ часѣ упали! [1]).

Еще до паденія и добровольной сдачи Дорошенка, въ числѣ другихъ его сторонниковъ, покинулъ его и полковникъ найболѣе вѣрныхъ ему серденятъ Ѳедоръ Мовчанъ, съ пятью стами своей команды прибывшій въ Каневъ и присягнувшій царю. Это было весною 1675 года. Вскорѣ Мовчанъ получилъ въ управленіе прилуцкій полкъ, а его серденята вошли въ составъ охочекомоннаго полка [2]).

Въ 1683 году наказной полковникъ переяславскій Леонтій Полуботокъ переманилъ козаковъ, признававшихъ власть Польши, отъ выбраннаго ими гетмана Андрея Могиленка—часть изъ нихъ распустилъ по домамъ, а другихъ, въ числѣ 400 конныхъ и 200 пѣшихъ, Самойловичъ разставилъ «на лежѣ» и приказалъ вмѣстить ихъ въ охотный полкъ [3]).

I.

Какъ мы видѣли выше, начальникомъ надъ учрежденнымъ, на основаніи глуховскихъ статей, охочекомоннымъ полкомъ, въ 1672 году, былъ нѣкій Новицкій. Звали его Илья Ѳедоровичъ. Каково происхожденіе его—неизвѣстно. Въ первый разъ мы встрѣчаемъ его въ началѣ 1672 года, когда онъ былъ «комендантомъ его королевской милости Дымерскимъ». Въ это время онъ переписывался очень дружелюбно съ кіевскимъ воеводою княземъ Трубецкимъ, извѣщая его о разныхъ происшествіяхъ въ Польшѣ [4]). Въ этомъ же

[1]) Я. Ѳ. Головацкій, Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, т. I, стр. 31. Москва. 1878 г.

[2]) В. Б. Антоновичъ. Михайло Мовчанъ и его записная книга. «Кіевская Старина», т. XI, стр. 62.

[3]) Н. И. Костомаровъ, Руина, стр. 634. Спб., 1882 г.

[4]) Симбирскій Сборникъ. Малороссійскія дѣла, стр. 25. Москва, 1845 г.

году, Самойловичъ перезвалъ Новицкаго на службу къ себѣ и поручилъ ему начальство надъ охочекомоннымъ полкомъ.

Находясь постоянно на глазахъ у гетмана, Новицкій со своимъ полкомъ принималъ самое дѣятельное участіе въ военныхъ столкновеніяхъ, которыми былъ такъ обиленъ конецъ XVII вѣка.

Весною 1673 года Новицкій послалъ, по распоряженію гетмана, отрядъ охочихъ козаковъ къ низовьямъ Днѣпра для тайнаго развѣдыванія о движеніяхъ турецкаго и татарскаго войскъ, появившихся въ южныхъ степяхъ [1]); а лѣтомъ слѣдующаго года онъ самъ со всѣмъ своимъ полкомъ съ успѣхомъ отбилъ набѣгъ татаръ, но былъ раненъ [2]). Службою Новицкаго Самойловичъ дорожилъ: еще въ сентябрѣ 1673 года онъ далъ ему сосницкое село Нехаевку, а за мужественное отраженіе татаръ гетманъ осыпалъ Новицкаго похвалами и послалъ ему сорокъ восемь лѣвовъ на излѣченіе ранъ [3]). Воротившись въ гетманщину, охочекомонники отдыхали послѣ понесенныхъ трудовъ; въ это время отправленъ былъ изъ Москвы въ Чигиринъ по царскимъ дѣламъ стольникъ Василій Тяпкинъ, гетманъ послалъ съ нимъ войсковаго канцеляриста Дорошевича и приказалъ компанейцамъ Новицкаго сопровождать ихъ [4]).

Въ слѣдующемъ году Новицкому было немало хлопотъ. Жители правобережной Украйны въ ужасѣ, съ проклятіями на устахъ, покидали свои родныя насиженныя мѣста и безсознательно, какъ испуганное стадо, бѣжали на лѣвый берегъ Днѣпра, спасаясь отъ дикихъ союзниковъ и покровителей несчастнаго Дорошенка, турокъ и татаръ. Новицкому и переяславскому полковнику Войцѣ Сербину Самойловичъ приказалъ способствовать этому переселенію и направлять бѣгущихъ въ глубь гетманщины, подальше отъ Днѣпра [5]). Вѣроятно, Новицкій съ успѣхомъ выполнилъ возложенное на него порученіе, такъ какъ съ этого времени онъ сталъ пользоваться особою пріязнью гетмана: лѣтомъ 1676 года Самойловичъ утвердилъ Новицкаго на урядѣ полковника охочекомоннаго полка, вручивши

---

[1]) Акты западной Россіи, т. V, № 90.

[2]) Ibid., № 94.

[3]) Ibid., № 94.

[4]) Ibid., № 95.

[5]) Ibid., № 96.

ему «надлежный до тоей полковницкой зверхности знакъ войсковый»... утвердилъ «яко человѣка отъ молодыхъ лѣтъ трактуючого военную услугу». Нѣсколько дней спустя по утвержденіи ему дано было порученіе, вполнѣ соотвѣтствовавшее тѣмъ цѣлямъ, ради которыхъ былъ учрежденъ охочекомонный полкъ въ 1669 году. Въ стародубовскомъ полку, по случаю выбора старшинъ, вслѣдствіе «предсявзятости Рославцевой» было сильное волненіе умовъ; Самойловичъ приказалъ Новицкому собрать въ одно мѣсто полчанъ своихъ, расположенныхъ на «лежѣ» въ стародубовскомъ и черниговскомъ полкахъ, и тайно наблюдать за происшествіями [1]). Въ награду за исполнительность гетманъ далъ компанейцамъ изъ конфискованнаго имущества стародубскаго полковника Петра Рославца, присужденнаго сначала къ смертной казни, а потомъ по особой царской милости къ ссылкѣ въ Сибирь, по 20 злотыхъ на брата (всего 10,000 зл.) и 1,000 злотыхъ на полковыхъ старшинъ [2]).

Высоко цѣня воинскія способности Новицкаго, Самойловичъ все болѣе увеличивалъ его компанію: въ сентябрѣ 1676 года гетманъ велѣлъ ему принять въ свой полкъ козаковъ, перешедшихъ отъ королевскаго гетмана Гоголя [3]), а въ началѣ 1677 года въ составъ его полка вошли серденята Ѳедора Мовчана, назначеннаго прилуцкимъ полковникомъ.

Находясь постоянно «при боку» гетманскомъ, Новицкій участвовалъ во всѣхъ военныхъ предпріятіяхъ Самойловича. Когда, послѣ многократныхъ неудачныхъ попытокъ убѣдить Дорошенка сложить съ себя гетманство и предаться на волю царя, московское правительство рѣшилось указать Ромодановскому и Самойловичу двинуться къ Днѣпру со своими войсками, то гетманъ послалъ впередъ Новицкаго и другаго охочекомоннаго полковника Павловскаго съ ихъ полками [4]) Главное войско, расположившись таборомъ надъ Днѣпромъ, противъ Вороновки, приготовлялось къ переправѣ, а впередъ къ Чигирину былъ посланъ отрядъ, въ составъ котораго вошелъ и Новицкій со своимъ полкомъ. Дорошенко сложилъ съ

[1]) Ibid., №№ 97, 98.
[2]) Н. И. Костомаровъ. Руина, стр. 530.
[3]) Акты западной Россіи. т. V, № 103.
[4]) Ibid., № 101.

себя гетманское достоинство къ великой радости Самойловича. «Справуючему рѣчи и къ доброму концу приводящему Богу должное отъ всѣхъ нехай будетъ благодареніе: понѣважъ отчизну нашу расторгненную Украйну привелъ подъ единаго монарха и региментъ въ соединеніе», писалъ гетманъ Новицкому и обѣщалъ въ скоромъ времени прибыть въ Чигиринъ, для личнаго устройства тамошнихъ потребностей [1]). Пробывши въ Чигиринѣ всего одинъ день, бояринъ и гетманъ воротились, и уже 13-го сентября Самойловичъ писалъ Новицкому «зъ табору подъ Лубнями», чтобы онъ охранялъ жителей Корсуня отъ навѣтовъ и прельщеній Гоголя [2]). Не долго пришлось Новицкому исполнять возложенное на него порученіе, уже 12-го октября онъ и ротмистръ Бравцовъ доставили въ Москву взятые у Дорошенка клейноты. 17-го числа клейноты были торжественно отвезены въ Кремль. Явившись предъ царскія очи, Новицкій проговорилъ короткую рѣчь о присылкѣ клейнотовъ, подалъ грамоту и велѣлъ положить клейноты у подножія царскаго сѣдалища. По царскому приказанію, думный дьякъ принялъ грамоту, спросилъ о здоровьѣ боярина и гетмана, объявилъ имъ царскую похвалу, а посланцамъ сказалъ, что, по царской милости, вмѣсто стола, будетъ посланъ имъ кормъ вдвое. Затѣмъ они были отпущены [3]).

Вернувшись на родину, Новицкій отдыхалъ послѣ понесенныхъ трудовъ, по крайней мѣрѣ мы не встрѣчаемъ нигдѣ упоминанія о немъ до самой осени слѣдующаго года, когда гетманъ, извѣстивши его о распущеніи остававшейся въ Черкасахъ донской пѣхотной сотни и запорожцевъ, приказалъ наблюдать за ихъ своевольствами, а также доставить свѣдѣніе, дѣйствительно-ли татары приходили подъ Ржищевъ и сосѣднія съ нимъ мѣста [4]). Этотъ слухъ оказался не справедливымъ, но, чтобы разузнать о намѣреніяхъ крымцевъ, Новицкій послалъ за Бугъ козачій отрядъ для развѣдокъ. Когда козаки, воротившись, доставили самыя успокоительныя вѣсти, гетманъ позволилъ Новицкому перейти съ полкомъ на лѣвую сторону Днѣпра и остановиться въ Лубнахъ, чтобы воспользоваться отды-

---

[1]) Ibid., № 102.

[2]) Ibid., № 104.

[3]) Н. И. Костомаровъ. Руина, стр. 511.

[4]) Акты западной Россіи, т. V, № 107.

хомъ[1]). Это случилось очень своевременно, такъ какъ слѣдующій годъ былъ особенно тяжелъ для Новицкаго. Уже весною ходили упорные слухи о намѣреніи турокъ произвесть вторичное вторженіе въ правобережную Украйну. Готовясь къ этому, Самойловичъ въ маѣ приказалъ всѣмъ козакамъ, въ томъ числѣ и полку Новицкаго, собраться у р. Артополота на смотръ, совмѣстно съ царскими войсками, состоявшими подъ начальствомъ князя Ромодановскаго[2]). Въ началѣ іюля войска двинулись къ Чигирину, въ которомъ были осаждены Ржевскій и Гордонъ. Впередъ были посланы компанейцы и уже въ первыхъ числахъ іюля Новицкій прибылъ въ Чигиринъ, гдѣ гетманъ приказалъ ему остаться на нѣкоторое время съ отрядомъ его полка для развѣдыванія о предпріятіяхъ непріятелей, извѣщая, что самъ онъ, гетманъ, стоитъ съ войскомъ у Бужинской переправы, готовясь перейти на другую сторону Днѣпра[3]). Въ первыхъ числахъ августа главныя силы переправились на правую сторону Днѣпра и 3-го произошло кровопролитное сраженіе съ авангарднымъ турецкимъ отрядомъ, подъ начальствомъ Капланъ-паши, окончившееся полной побѣдой надъ турками. Въ этомъ дѣлѣ участвовалъ и Новицкій. Въ среднихъ числахъ августа онъ былъ отправленъ въ побережные днѣпровскіе города «для обороны ихъ отъ наѣздовъ татарскихъ и для защиты людскихъ добытковъ». Новицкій остановился въ Веремѣевкѣ; гетманъ приказалъ ему держать неослабную сторожу между Ирклѣевомъ и Жовниномъ, чтобы татары не отважились вторгнуться загонами, и доносить о происходящемъ ему, гетману, и князю Каспулату Черкаскому. Военныя заслуги послѣдняго Самойловичъ очень цѣнилъ и въ особомъ письмѣ къ Новицкому приказывалъ ему пріобрѣсть у веремѣевскихъ козаковъ двухъ верблюдовъ и двухъ муловъ и прислать для подарка князю Каспулату. Когда Черкаскій возвращался изъ-за Днѣпра, гетманъ приказалъ Новицкому выдать ему на дорогу «осмь сотъ барановъ досужнихъ и шестьдесятъ яловицъ лучшихъ изъ быдла войскового, въ Веремѣевцѣ зостаючого».

[1]) Ibid., № 108.
[2]) Ibid., № 109.
[3]) Ibid., № 110.

Самойловичъ во время разставилъ стражу по лѣвому берегу Днѣпра, такъ какъ крымцы, дѣлая постоянныя попытки переправиться въ гетманщину, нѣсколько разъ совершали набѣгъ на Каневъ и другіе расположенные на правомъ берегу Днѣпра города. Въ первыхъ числахъ сентября каневцы снова готовились выдержать ихъ натискъ и Новицкій получилъ отъ гетмана приказаніе оказать имъ поддержку посылкой отряда пѣшихъ компанейцевъ и переселить остальныхъ тамошнихъ жителей на лѣвый берегъ Днѣпра [1]). Ходили также слухи, что Юрась Хмельницкій думаетъ вторгнуться въ гетманщину, и гетманъ въ среднихъ числахъ сентября приказалъ Новицкому развѣдать о мѣстопребываніи и предпріятіяхъ Хмельницкаго и его сторонниковъ, о состояніи городовъ, лежащихъ въ низовьяхъ Днѣпра и о томъ, насколько тамошніе жители склонны быть подъ властью его, гетмана; въ тоже время онъ предписывалъ ему наблюдать за дѣйствіями крымцевъ у Корсуня и воспрещать тамошнимъ и другимъ побережнымъ жителямъ переселяться на другую сторону Днѣпра, что противорѣчило его-же приказанію относительно каневцевъ. Впрочемъ это объясняется словами гетмана: «бо и тые, туда (въ гетманщину) намѣрившися, ничого намъ доброго не мыслятъ». Новицкій по обыкновенію съ успѣхомъ выполнилъ возложенное на него порученіе и заслужилъ похвалу гетмана. Продолжительная сторожевая служба становилась тягостна, такъ что Самойловичъ всячески старался задобрить компанейцевъ: «хочай холодно и голодно, и до дому далеко, писалъ онъ Новицкому, а однакъ потерпи вашмосьць еще: бо претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ; самъ ты часто тое проповѣдуешъ»; «ижъ подъ сей часъ вашу компанѣю—пишетъ гетманъ въ другой разъ—зоставуемъ еще тамъ, въ побережныхъ мѣстцахъ: того не мѣйте за жадную прикрость» и обѣщаетъ «ласковый взглядъ мѣти» и всѣмъ «уконтентовати». Единственнымъ утѣшеніемъ Новицкому были письма Василія Кочубея, въ которыхъ послѣдній сообщалъ ему всевозможныя новости.

Между тѣмъ, не смотря на принятыя Самойловичемъ мѣры, Юрась Хмельницкій перешелъ на лѣвый берегъ и всѣ вѣрные Самойловичу козаки собрались въ болѣе укрѣпленные пункты, полковые города. Новицкій, по приказанію гетмана, расположился было

---

[1]) Ibid. №№ 111, 121, 113, 114, 115.

со своимъ полкомъ въ Барышполѣ и Воронковѣ [1]), но въ то время, когда передовой отрядъ Хмельницкаго, подъ начальствомъ Ивана Яненченка-Хмельницкаго, отправленный 27-го января изъ-подъ Жовнина, подходилъ къ Лубнамъ, Новицкій вмѣстѣ съ лубенскимъ полковникомъ Ильяшенкомъ заперлись въ этомъ городѣ, присягнувъ вмѣстѣ съ товариствомъ стоять крѣпко. Скоро однако отправленные противъ Хмельницкаго миргородскій и полтавскій городовые полки вытѣснили Юрася со всѣми его сторонниками за Днѣпръ и Самойловичъ въ февралѣ отрядилъ своего сына Семена, въ званіи наказнаго гетмана, за Днѣпръ опустошать правобережную Украйну и перегонять населеніе въ предѣлы гетманщины [2]). Въ этомъ «сгонѣ» пришлось опять принять участіе и Новицкому съ его компанейцами. Уже 27-го февраля гетманичъ послалъ приказаніе ему и Ильяшенку идти съ полками своими въ Домонтовъ, но предостерегалъ ихъ, чтобы они не вздумали съ одними своими силами вступать въ сраженіе съ непріятелемъ, такъ какъ онъ силенъ, въ подтвержденіе чего добавлялъ, что онъ самъ «въ Ржищевѣ подъ осмь тысячъ маючи войска, и арматъ съ потребу, заледво змогъ двуденною працою того доказати, же взялъ замокъ». 1-го марта Новицкій и Ильяшенко получили приказаніе поспѣшить съ полками изъ Домонтова въ Каневъ, а оттуда подъ Корсунь, для совмѣстнаго дѣйствія противъ Яненченка. Совершивши «сгонъ», гетманичъ и ходившіе съ нимъ полковники вернулись въ свои становища на отдыхъ. Но еще въ концѣ того-же года пришлось предпринять походъ противъ татаръ. Въ ноябрѣ лубенскій полковникъ Ильяшенко доносилъ гетману, со словъ бѣжавшаго изъ татарскаго плѣна жителя м. Яблонова, о чинимыхъ крымскимъ ханомъ Мурадомъ приготовленіяхъ для вторженія въ Украйну [3]). Самойловичъ сдѣлалъ тотчасъ-же необходимыя распоряженія относительно похода противъ татаръ, послалъ 1,860 злотыхъ Новицкому для раздачи жалованья полковымъ его старшинамъ и товариству, а въ концѣ декабря наказный гетманъ Семенъ Самойловичъ двинулся съ войскомъ и послалъ приказъ Новицкому о высылкѣ къ нему въ Ромны полутораста «компани-

---

[1]) Ibid., №№ 119, 120, 121, 122, 117.

[2]) Н. И. Костомаровъ. Руина, стр. 595, 601.

[3]) Акты западной Россіи, т. V, №№ 124, 125, 126.

ковъ», для слѣдованія вмѣстѣ съ отрядомъ его въ Гадячъ. Въ январѣ 1680 года гетманичъ извѣщалъ Новицкаго, что такъ какъ по слухамъ татары думаютъ вторгнуться въ слободскіе полки, то, чтобы онъ со своими компанейцами двигался къ Гадячу и Зенькову на соединеніе съ нимъ, гетманичемъ. Но слухи о намѣреніяхъ татаръ оказались ложными и Семенъ Самойловичъ въ первыхъ числахъ февраля возвратился въ Батуринъ, а Новицкій въ Лубны. Только что успокоился было Новицкій, какъ вдругъ Самойловичъ въ срединѣ февраля извѣщаетъ его, что татары, пользуясь тѣмъ, что Днѣпръ покрылся льдомъ, думаютъ сдѣлать набѣгъ на гетманщину, и приказываетъ дать имъ отпоръ совмѣстно съ полками гадяцкимъ и лубенскимъ. Самъ гетманъ понималъ, какъ непріятно было это новое порученіе Новицкому, спѣшившему домой въ Нехаевку заговлять на великій постъ и потому утѣшалъ своего полковника пріятельскою припискою: «вѣдаемъ и то, же моркатно вашмосьци приходитъ не въ дому запустъ мѣти; а такъ ты Пилипа, а найпаче того молодого скрынника взявши, роскажи имъ заговѣйную заграти».

Въ началѣ лѣта всѣ въ гетманщинѣ съ волненіемъ ожидали прибытія царскаго ближняго боярина князя Голицына; гетманъ велѣлъ всѣмъ своимъ войскамъ, въ томъ числѣ и Новицкому, собраться на смотръ къ Ромнамъ [1]). Самойловичъ остался очень доволенъ состояніемъ своихъ полковъ, особенно похвалилъ компанію Новицкаго за военные подвиги и дозволилъ компанейцамъ занять зимнія квартиры въ городахъ лубенскаго и миргородскаго полковъ, но не отягощать жителей излишними поборами. Въ началѣ 1681 г., снова надѣлали Новицкому хлопотъ слухи о движеніяхъ татарскихъ «чатъ». На этотъ разъ обычный товарищъ Новицкаго, лубенскій полковникъ Ильяшенко не раздѣлялъ его трудовъ; извѣщая объ этомъ своего пріятеля, Ильяшенко сообщалъ ему о какихъ-то предсказателяхъ явившихся въ Польшѣ. Конецъ 1681 года прошелъ спокойно, Новицкій исполнялъ свою обычную службу—собиралъ ходившіе въ народѣ слухи и сообщалъ о нихъ гетману. Такъ, онъ донесъ гетману, что говорятъ, будто валахскій господарь Дука замышляетъ овладѣть малороссійскими городами, лежащими въ опусто-

---

[1]) Ibid., №№ 127, 128, 129, 130, 131.

шенной заднѣпровской Украйнѣ, и вновь населить ихъ выходцами изъ козаковъ. Самойловичъ благодарилъ Новицкаго за сообщеніе этого слуха и опровергалъ его.

Въ іюнѣ 1682 года Самойловичъ разослалъ по всѣмъ полкамъ универсалъ о восшествіи на престолъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, съ повелѣніемъ принести имъ присягу на вѣрность. Новицкаго гетманъ извѣстилъ объ этомъ письмомъ, въ концѣ котораго сообщалъ о высылкѣ задержаннаго жалованья. Въ послѣдующіе года пріязнь гетмана къ Новицкому все болѣе увеличивается— благосклонное отношеніе Самойловича къ нему не прерывается, даже при нѣкоторыхъ оплошностяхъ съ его стороны, какъ напримѣръ, когда у него вылизнули въ заднѣпровскую Украйну два важныхъ преступника [1]). Въ пріятельскихъ письмахъ Самойловичъ сообщаетъ Новицкому самыя разнообразныя извѣстія: о бракѣ царя Іоанна Алексѣевича съ Параскевою Ѳеодоровною Салтыковою, о пораженіи королевскаго заднѣпровскаго гетмана Куницкаго крымцами близъ рѣки Прута, о пораженіи заднѣпровскаго гетмана Могиленка турками и татарами подъ Студеницею, о побѣдѣ, которую одержалъ крымскій ханъ надъ поляками подъ Жванцемъ, о своемъ выѣздѣ въ Глуховъ для встрѣчи зятя, царскаго боярина Ѳедора Шереметева, назначеннаго кіевскимъ воеводою и т. д. Число компанейцевъ все болѣе увеличивалось и они исполняли всякаго рода порученія: сопутствовали до границы ханскому гонцу и гетманскимъ посланцамъ къ хану, ловили бродягъ, вообще подозрительныхъ людей и т. д. За то гетманъ постоянно награждалъ ихъ похвалами и подарками.

Въ послѣдніе годы гетманства Самойловича Новицкій больше сидѣлъ въ Нехаевкѣ, исполнять-же порученія посылалъ своего полковаго асаула Ивана Максимовича, съ приказаніемъ доносить ему о самомалѣйшихъ происшествіяхъ, что тотъ въ точности исполнялъ: онъ извѣщалъ о набѣгахъ крымцевъ на прибрежныя днѣпровскія села, о походѣ польскаго короля съ войсками къ Цецорѣ и объ ожиданіи въ Немировѣ козачьихъ полковъ, бывшихъ въ походѣ съ Могиленкомъ подъ Язловцемъ, объ отысканіи въ Чигиринѣ мѣста жилища гетмана Богдана Хмельницкаго и женщины, бывшей корми-

---

[1]) Ibid., №№ 131, 132, 133, 134, 136, 138, 139, 140.

лецею двухъ его дочерей. Впрочемъ, Новицкій лично провожалъ крымскаго посла, мурзу Магметъ-Чагина [1]), и въ походѣ въ татарскія степи «для такой потреби, аби смотрѣли на обороти ордъ бѣлогородскихъ и буджацкихъ, которія если-бы мѣли на помоць кримскимъ ордомъ приставати, то жеби не допустили имъ чрезъ Днѣпръ переправоватися» [2]).

Такова была разнообразная роль и служебная дѣятельность Новицкаго въ первые годы его полковничества. Между тѣмъ гетманство Самойловича приходило къ концу; умноженные и взысканные особыми его милостями компанейцы не поддержали его въ моментъ паденія и сдѣлались такими-же исполнительными слугами новаго гетмана Мазепы, главнаго виновника низверженія Самойловича. Также безучастно отнесся къ его паденію и Новицкій, получившій при Мазепѣ большій ходъ и болѣе выдающееся положеніе.

II.

Мазепа заискивалъ у компанейцевъ. Съ береговъ Коломака, гдѣ происходила избирательная рада, онъ отправился къ Гадячу и уже оттуда обратился къ Новицкому и Пашковскому съ универсаломъ, приглашавшимъ ихъ быть вѣрными ему. Они вполнѣ спокойно отнеслись къ факту паденія Самойловича и избранію Мазепы и обратились только къ новоизбранному гетману съ просьбой, чтобы не было относительно ихъ никакихъ перемѣнъ, на что Мазепа отвѣчалъ въ томъ-же универсалѣ, что онъ готовъ «контентовати всѣ жадання и потреби» [3]). Мазепа цѣнилъ Новицкаго не только какъ хорошаго исполнителя возлагаемыхъ на него порученій, но и какъ дѣльнаго, опытнаго совѣтника. Онъ обращался къ нему за совѣтами, видимо, по многимъ дѣламъ, подлежавшимъ его разрѣшенію [4]). Хорошо зная военныя способности Новицкаго, Мазепа

---

[1]) Ibid., №№ 143, 144, 147, 152, 148, 146, 153, 161, 166, 161, 163.

[2]) Лѣт. Сам. Величка, т. III, стр. 12.

[3]) Акты западной Россіи, т. V, № 172.

[4]) Письмо Мазепы къ Новицкому отъ 20 февраля 1690 года изъ г. Хорола: «Жадаемъ вашмосьци, абысь скоро, за одебраннямъ сего листа нашего, прибувавъ до насъ въ Лубнѣ для устное обо всемъ, о чемъ належить, розмови и для ото-

не разъ поручалъ ему общее начальство надъ всѣми охотными конными и пѣшими полками. Такъ, въ февралѣ 1683 года, хотя крымскіе «чатовники», судя по донесенію компанейскаго асаула Ивана Максимовича [1]), и перестали тревожить приднѣпровскія поселенія, Мазепа отправилъ въ татарскія степи лубенскій, миргородскій и компанейскій полки подъ главнымъ начальствомъ Новицкаго. Новицкій съ успѣхомъ выполнилъ возложенное на него порученіе, нанесши полное пораженіе большому татарскому отряду, близъ устья рѣки Тясьмина [2]). Уже въ іюнѣ Мазепа извѣщаетъ Новицкаго, что онъ думаетъ опять послать противъ татаръ нѣсколько полковъ подъ его начальствомъ. Въ первыхъ числахъ сентября гетманъ вызываетъ Новицкаго въ Батуринъ для отдачи послѣднихъ приказаній [3]), а въ концѣ этого мѣсяца извѣщаетъ всѣхъ полковниковъ конныхъ и пѣшихъ полковъ, назначенныхъ въ походъ, что, по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, татарскія войска находятся въ разбродѣ, въ Молдавіи, Польшѣ и на Кавказѣ, и потому предстоитъ благопріятный случай дѣйствовать противъ нихъ съ надежнымъ успѣхомъ. Въ послѣднихъ числахъ сентября гетманъ приказалъ Новицкому двинуть городовые полки съ пятью пушками и охочихъ козаковъ

брання въ дѣлѣ певномъ выразное словесное информаціе. А мы ознаймуемо вашмосьци, же завтрешняго дня конечне въ Лубнѣ прибудемо. Где скорый пріѣздъ и себѣ и повторе вашмосьци зичачи, поручаемъ оного въ схранення Богу».

Тоже можно усмотрѣть и въ слѣдующемъ письмѣ отъ 25 марта 1691 года изъ Батурина: «Посылаючи въ пилнихъ дѣлахъ моихъ до Переволочнои молодця своего, велѣлисьмо оному и до вашмосьци уступити зъ симъ моимъ писаннямъ, чрезъ которое яко доброго здоровя вашмосьци жадаю, такъ оного-жъ о тое пилно жадаю, жеби на тие рѣчи, которые велѣлисьмо сему молодцеви говорити вашмосци, слушный отвѣтъ менѣ черезъ него жъ учиниласьте, о що и повторе жадаючи, въ сохранення Господу Богу вашмосьць поручаемъ». Эти и помѣщенныя ниже письма нигдѣ не напечатаны и находятся въ моемъ распоряженіи.

[1]) Акты западной Россіи, т. V, ш 178.

[2]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т. II, 317. Москва, 1842. Бантышъ-Каменскій, Исторія Малороссіи, т. 3, стр. 11. Москва. 1822.

[3]) Письмо Мазепы къ Новицкому изъ Батурина отъ 8-го сентября 1688 г.: «якъ скоро дойде рукъ вашмосьциныхъ сей нашъ листъ, такъ ажебы вашмосць заразъ а заразъ безъ жадного омешкання до насъ въ Батуринъ прибувавъ, жеби розмовити о справѣ. О тое пилно жадаючи, зичимъ вашмосьци доброго здоровя и за тымъ Господу Богу поручаемъ».

отъ Чигирина по р. Бугу къ Очакову, истребляя по пути татарскіе загоны [1]). Подошедши къ Очакову, они выжгли посады, причинили большія разоренія и возвратились со многими плѣнными [2]). Новицкій подробно доносилъ гетману о придуманномъ имъ планѣ дѣйствій и когда, одобренный Мазепой [3]), онъ былъ съ успѣхомъ выполненъ, то гетманъ, осыпавъ Новицкаго похвалами и благодарностію, въ январѣ 1689 года далъ ему «опустѣлое городище» Снѣтинъ съ селами Окопомъ и Исакчами (въ лубенскомъ полку). Весну 1689 года Новицкій стоялъ въ Ромнахъ и когда Мазепа лѣтомъ поѣхалъ въ Москву, то наказалъ ему строго сохранять въ народѣ порядокъ. Въ нѣсколькихъ письмахъ изъ Москвы гетманъ, извѣщая Новицкаго о милостивомъ пріемѣ, котораго онъ удостоился въ Москвѣ, подтверждалъ свой наказъ [4]), а чтобы поощрить своего вѣрнаго слугу, выхлопоталъ утвержденіе своего универсала на подаренное Новицкому с. Шеки. Но несмотря на всѣ старанія Новицкаго, пока Мазепа ѣздилъ въ Москву, на Украйнѣ произошли нѣкоторыя смуты и Новицкій съ нетерпѣніемъ ожидалъ гетмана, развѣдывая, скоро-ли воротится Мазепа изъ Москвы [5]). Получивши непріятныя

---

[1]) Акты западной Россіи, V, № 183 и 184.

[2]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, ч. 3, стр. 11.

[3]) Письмо Мазепы къ Новицкому, помѣченное 1688 г., безъ обозначенія числа и мѣсяца: «зъ листа вашмосьциного есть намъ вѣдомо, якъ маете роспорядити войска, прибывши подъ непріятельскіе жилища, же тисячъ двѣ оставите въ таборъ; подъ городъ тисячу для заставы, а тисячу для пустошення посаду, а другую на заставу именуете, мы похваляемъ и за слушность быти уважаемъ, а хочабъ и болше на вдаръ било, тобъ лѣпше. А ше двѣ тысячи войска для отгорнення статковъ назначаете, то такая махина войска на тое дѣло не потребна, кгды-жъ тое дѣло можно въ двохъ или въ трехъ, а найболше въ чтирохъ сотъ коней зорудовати, поневажъ военная орда не маетъ ходити за статками и битися тамъ будетъ нѣ зъ кимъ. Вся битва мусить быти подъ городомъ, а статки мусятъ быти одъ города отрѣзани и поблизу оныи на паствискахъ найдоватися мають. Прето тутъ вамъ одно въ таборѣ потреба крѣпости, а другое подъ городомъ на вдаръ отважныхъ и добрихъ надобѣ и не дробно зготовати людей, жеби бой моглъ быти крѣпко удержанный. А кгды вашмосць зовсѣмъ якъ належить зготовитеся, то въ Божій часъ, по указу монаршему и нашому ординансу, зачинайте и кончайте подлугъ информаціе нашое намѣревое дѣло. Где мы зычимъ вашмосьци при добромъ здорови щасливого поводження и хвалебного надъ непріятелемъ звитяжства».

[4]) Акты западной Россіи, т. V, № 188, 191 и 192.

вѣсти изъ Украйны, Мазепа поторопился съ отъѣздомъ, въ особенности безпокоили его волненія на Запорожьи, возникшія вслѣдствіе постройки городковъ на р. Самарѣ. Мазепа предвидѣлъ это, поэтому, собираясь строить укрѣпленія, старался не допускать объ этомъ вѣсти до Запорожья: но это было, конечно, почти неисполнимо. Теперь гетманъ думалъ подавить волненія въ самомъ началѣ и потому, извѣщая Новицкаго съ товарищами о своемъ пріѣздѣ, приказывалъ готовиться къ походу [1]). Но случилось иначе: ѣздившій вмѣстѣ съ нимъ въ Москву посланецъ изъ Сѣчи Лихопой сталъ всѣмъ разсказывать про все, что слышалъ въ Москвѣ, многое при этомъ умышленно извращая, и волненія усилились. Мазепѣ оставалось только стараться, чтобы эти смуты не приняли остраго характера, поэтому онъ приказывалъ Новицкому внимательно слѣдить за Лихопоемъ и подслушивать, что онъ болтаетъ и какое впечатлѣніе производятъ его росказни на слушателей [2]). Не смотря на принятыя Мазепой мѣры, Лихопой усилилъ враждебное отношеніе въ дѣйствіямъ высшей власти вообще въ Украйнѣ и въ особенности на Запорожьи. Прибѣгать къ оружію Мазепѣ не хотѣлось, а тутъ начали безпокоить татары. Въ срединѣ февраля гетманъ приказалъ Новицкому идти къ Днѣпру противъ татаръ, направлявшихся къ Ингульцу; въ помощь ему онъ послалъ лубенскаго полковника Леонтія Свѣчку и прилуцкаго Ивана Стороженка и предписывалъ имъ всѣмъ вмѣстѣ немедленно гнать татаръ, а въ случаѣ невозможности настигнуть ихъ, сдѣлать набѣгъ до Кизикерменя (Берислава). Новицкій часто и во всѣхъ подробностяхъ увѣдомлялъ гетмана о своихъ дѣйствіяхъ противъ вторгнувшихся было татаръ и доставлялъ ему пойманныхъ татарскихъ «языковъ» для отправки въ Москву.

Въ это тяжелое время Мазепа особенно нуждался въ вѣрныхъ, толковыхъ и усердныхъ помощникахъ. Онъ старался всячески задобрить компанейцевъ, такъ какъ только въ нихъ могъ быть вполнѣ увѣренъ: въ апрѣлѣ онъ далъ Новицкому с. Клищинцы, впослѣд-

[1]) Акты западной Россіи, т. V, № 194.

[2]) Письмо Мазепы къ Новицкому изъ Хорола отъ января 1690 г.: «увѣдомилисьмося, же той пьянюга Лихопой, зоставшися одъ насъ въ Лубнахъ, черезъ ночь въ полковника пилъ. Жадаемъ тедя, жебй вашмосць пильно тамъ хочай дослухався.

ствіи прибавилъ еще три села: Литвяки, Хорошки и Гробище (на р. Сулѣ) и Галицкую слободку; въ сентябрѣ поручилъ Новицкому раздать коннымъ охотницкимъ полкамъ деньги, пѣхотнымъ «барву» (одежу) суконную и денежный придатокъ, и сдѣлать всѣмъ имъ смотръ; въ октябрѣ снова разослалъ по коннымъ полкамъ деньги, а пѣшимъ велѣлъ раздать по жупану и по четыре злотыхъ на человѣка [1]).

Но, отличая компанейцевъ своимъ довѣріемъ, Мазепа не давалъ имъ спуску, дѣлалъ замѣчанія, а иногда и прямые выговоры за замѣченные безпорядки. Такъ, когда въ началѣ 1691 года до гетмана дошли жалобы на допущенное Новицкимъ пристрастіе въ разстановкѣ его компанейцевъ по сотнямъ лубенскаго полка, съ обремененіемъ рядовыхъ козаковъ постоями и сборами провіанта и фуража и съ послабленіемъ для старшины, то Мазепа сдѣлалъ Новицкому строгое внушеніе [2]). Гетманъ запрещалъ также посполитымъ компанейской старшины, пользовавшимся важнымъ значеніемъ своихъ пановъ, записываться въ козаки [3]).

зъ кимъ власне, чи самъ, чи съ товариствомъ якимъ черезъ ночь теди у полковника пилъ и що тамъ за розмова ихъ отправовалася. Также чи не были оному якіе давани подарки, а що вывѣдается, о томъ намъ черезъ сего посланця давати знати пилно жадаемъ».

[1]) Акты западной Россіи, т. V, №№ 195, 196, 197, 198, 199, 122, 214.

[2]) Письмо Мазепы къ Новицкому отъ 20 марта 1691 года: «яко на пана полковника лубенского, такъ и на вашмосць сподѣвалисьмося, же товариство компанѣя вашмосьциной въ полку лубенскомъ слушне и порядне, подлугъ давнего обычая, по становискахъ будеть распоряжено, якобы всѣ заровно полчане лубенскіе, ни чіихъ сіолъ не минаючи, подъ кимъ кольвекъ найдуются, тотъ тенжаръ двигали; але на той надѣи нашои омылилисьмося, поневажъ донесено намъ, що одны въ той мѣрѣ збыть зостали отяжены, а другихъ, яко то подданныхъ старшихъ полковыхъ, сотницкихъ и иныхъ особъ, той тенжаръ и не дотыкается, зъ чого отяжоныя плачуть, а иныи, которыхъ тое не долѣгаеть, зъ сусѣдовъ своихъ посмѣвиска веселятся. За чимъ яко до пана полковника лубенского о томъ писалисьмо, жебы, никому *не глядячи въ зубы*, поправилъ тое товариства вашого розстановленния, такъ и вашмосьць, жадаемъ, абисте, знесшися зъ нимъ паномъ полковникомъ, были въ той мѣрѣ помочнымъ и намъ реестровне ознаймили, килька товариства вашого въ якой сотнѣ полку лубенского на становиску станеть».

[3]) Акты западной Россіи, т. V, № 185.

Осенью 1690 года волненія не улегались, а татары съ своей стороны не переставали безпокоить гетманщину. Въ октябрѣ «чаты» появились у Переволочной, и гетманъ приказалъ Новицкому послать противъ нихъ, какъ можно скорѣе, асаула Рубана съ отрядомъ компанейцевъ; въ декабрѣ Рубанъ былъ отправленъ къ Чигиринъ-Дубровѣ, на случай набѣга крымцевъ.

Слѣдующій годъ весь прошелъ то въ ожиданіи татарскихъ загоновъ, то въ отраженіи ихъ. Уже въ январѣ лубенскій полковникъ Свѣчка благодарилъ Новицкаго за извѣщеніе о вторженіи крымцевъ. Но въ этомъ году Новицкому какъ-то не везло: то онъ не догналъ крымцевъ и не отбилъ людей, взятыхъ въ плѣнъ; то не во время вернулъ отрядъ, посланный противъ непріятеля; то отправленный имъ въ татарскія степи компанейскій асаулъ упустилъ удобный случай ударить на Очаковъ. За все это Новицкій получалъ строгіе выговоры отъ гетмана. Въ гетманщинѣ старый годъ провожали, а новый встрѣчали звуками оружія: 22-го декабря гетманъ приказалъ Новицкому быть готовымъ къ отраженію крымцевъ и отправить въ Чигиринъ полтораста компанейцевъ; 27-го самъ Новицкій со всѣмъ своимъ полкомъ двинулся противъ татаръ; чтобы не потерпѣть пораженія, онъ соблюдалъ надлежащую осторожность и находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ полковниками лубенскимъ, кіевскимъ и переяславскимъ. Въ январѣ онъ получилъ отъ гетмана извѣщеніе о набѣгѣ татаръ подъ Сороку и Немировъ и приказъ быть въ готовности выступить въ заднѣпровскія степи, чтобы тамъ перерѣзать дорогу непріятелямъ [1]); въ февралѣ татары произвели цѣлый рядъ набѣговъ на разныя приднѣпровскія поселенія и притомъ такъ неожиданно, что Новицкій и его товарищи полковники окончательно растерялись и не знали, за кѣмъ гнаться, откуда отражать [2]). Гетманъ былъ до того встревоженъ, что, не смотря на все свое расположеніе къ Новицкому, безпрестанно дѣлалъ ему выговоры [3]). Въ мартѣ Мазепа приказалъ Новицкому перейти на лѣвый

---

[1]) Ibid., №№ 215, 216, 218, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228.

[2]) Ibid., №№ 230, 232, 233, 235.

[3]) Ibid., №№ 231, 234, 236. Письмо отъ 2 февраля 1692 года изъ Барышевки: «дано намъ знати сегодня, на праздникъ Срѣтенія, же орда въ не-

берегъ, а на правый послать разъѣзды, на случай появленія татаръ. Въ это же время наступила новая и болѣе бурная смута, надѣлавшая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ немало кутерьмы и на Запорожьи и во всей гетманщинѣ; виновникомъ ея былъ войсковой канцеляристъ Петро Иваненко, носившій кличку Петрикъ. Въ дѣлѣ подавленія этой смуты Новицкій со своими компанейцами оказалъ немаловажныя услуги.

Петрикъ ускакалъ изъ Полтавы, куда онъ былъ посланъ съ наградами къ полковнику Жученку на Запорожье. Скоро послѣ того пришло къ гетману извѣщеніе, что Петрикъ настраиваетъ на мя-

малой купѣ вдарила подъ Кропивную, да и подъ Золотоношу подганялася, а тихъ сотень всѣ люде военные пошли зъ паномъ асауломъ нашимъ за ордою, перше подъ Золотоношею бувшею. За чимъ дивуемся велце тому, же вашмосьць зъ паномъ полковникомъ лубенскимъ и зъ паномъ полковникомъ миргородскимъ и зъ паномъ полковникомъ наказнымъ переяславскимъ, зъ людьми полковъ вашихъ въ неготовности будучи, а напередѣ найдуючися, оспалисьте, же якъ за тою першою ордою въ погоню не йшлисте, такъ и сіей не постереглисте приходу. Чего встыдитися вамъ належало. Яко теди разумѣемъ, же сяя орда мѣла одъ Кизикерменя оказатися, такъ приказуемъ вамъ пилно, абисте зъ тыми преречоными панами полковниками сославшися и зъ людьми полковъ вашихъ оразъ совокупившися, ишли за тими ворогами въ огонь, конечне хочай же до Кизикерменя; просячи Господа Бога помочи, аби вамъ помоглъ достигнути ихъ погромити. Тое пилно, пилно приказавши, поручаемъ васъ Господу Богу».

Переяславскимъ полкомъ въ этомъ походѣ командовалъ, въ званіи наказного полковника, переяславскій полковой судья Молютъ; Мазепа придалъ сверхъ того Новицкому для какихъ-то цѣлей нѣкоего Кулика, личность котораго и миссію трудно опредѣлить. Приписка къ вышеприведенному письму: «залецаемъ вашмосьци Молюта, судю переяславского, который пойдеть зъ вашмосьцей наказнымъ полковникомъ, же есть человѣкъ статечный и въ дѣлѣхъ военныхъ досвѣдчоный, а здаеться намъ, що и справный, зъ которымъ хоти вашмосьць любезне и совѣтно въ той дорози поступовати. А особливе зъ паномъ Куликомъ, ведлугъ устное нашое науки, ласкове во всемъ вашмосьць маешъ, якъ зъ товаришемъ, заховатися и его зъ собою завше въ одномъ куренѣ мѣти, яко онъ, того вдячен будучи, щире зъ вашмосьцей тожъ може поступовати и намъ неленпво въ той дорозѣ послужити».

Въ концѣ, вѣроятно, въ дополненіе изустнаго распоряженія о расправѣ съ какими-то разбойниками, Мазепа пишетъ: «по нашихъ правахъ войсковыхъ, зъехавши, тихъ збродніовъ и бунтовниковъ, которыи надъ Сулою забойствомъ безбожне руки свои помазали, судить и учинить декретъ, кого доведется, на горлѣ карати, а кого киями обкладати».

тежническія затѣи запорожцевъ. Петрикъ увѣрялъ козаковъ и кошеваго, что если пригласить татаръ и съ ними войти въ Украину, то весь тамошній людъ поднимется, гетманъ убѣжитъ въ Москву, а бѣдные люди всѣ пристанутъ къ запорожцамъ и передушатъ пановъ своихъ, которымъ цари надавали вольностей [1]). Хотя Петрикъ возбудилъ сочувствіе запорожцевъ къ своему предпріятію, но онъ не рѣшился опереться только на содѣйствіе однихъ сѣчевиковъ, хорошо зная то непостоянство, которымъ издавна отличалось Запорожье. Приходилось ему искать еще какой нибудь иноземной помощи и, прежде чѣмъ уйти въ Крымъ, онъ думалъ, по всей вѣроятности, обратиться за содѣйствіемъ къ полякамъ; по крайней мѣрѣ, Мазепа въ началѣ апрѣля приказывалъ Новицкому переправиться спѣшно за Днѣпръ и стараться схватить Петрика по пути въ Польшу [2]). Поймать Петрика Новицкому не удалось, но, какъ видно, ему отбили охоту заводить сношенія съ поляками: послѣ Юрьева дня онъ отправился въ Крымъ. Ханъ въ это время какъ разъ былъ озлобленъ противъ Москвы и охотно согласился помочь Петрику въ его предпріятіи [3]). Въ срединѣ мая крымцы пошли отъ Кизикерменя между Бугомъ и Днѣпромъ на Ингулъ, Мазепа приказывалъ Новицкому немедленно увѣдомить асаула Рубана объ этомъ и самому въ слѣдъ за тѣмъ переправиться черезъ Днѣпръ и разбить непріятеля [4]). Но такъ какъ не только силъ Новицкаго, но даже гетманскихъ войскъ было для этого недостаточно, то Мазепа

---

[1]) Н. И. Костомаровъ, Мазепа и мазепинцы, стр. 83. Спб. 1885 г.

[2]) Письмо Мазепы къ Новицкому отъ 9-го апрѣля 1692 года: «увѣдомитисьмося теперь свѣжо одъ певныхъ сторонъ и людей, же неціноти Петрикъ маетъ сими часы зъ Запорожья выправленъ были въ поселствѣ до короля, а безмалъ чи не зъ нимъ хочетъ и самъ кошовый туда-жъ удатися. За чимъ пилно вашмосьци жадаемъ, жеби вашмосьць заразъ, чимъ найскорѣе, зъ полку своего прибравши якое сотце доброго товариства, выправили на тую сторону Днепра, не такъ для промысловъ военныхъ, якъ для того здрайцы, и прикажите, жеби межъ Богомъ и Днепромъ зъ пилностію на шляхахъ всюда попилновали и старалися зъ якими особами оного переняивши займати. Кгдыжъ не такъ намъ языки татарскіе, якъ той здрайца потребенъ есть для многихъ причинъ. О що и повторе вашмосьци жадаемо, а будетъ тое зъ великою вашмосьци прислугою, а товариству нагородою, если дасть Богъ въ руки братн оного».

[3]) Н. И. Костомаровъ, Мазепа и мазепинцы, стр. 97.

[4]) Акты западной Россіи, т. V, № 238.

послать въ Москву просить, чтобы указано было воеводамъ Шереметеву и князю Барятинскому соединиться съ полками гетманскаго регимента. Въ концѣ іюля самъ гетманъ съ пятью охотницкими полками сталъ подъ Гадячемъ и оттуда распоряжался движеніями своихъ полковъ. Новицкій стоялъ подъ Будищами [1]). Сначала Мазепа думалъ послать Новицкаго впередъ, но потомъ раздумалъ и оставилъ на прежней стоянкѣ [2]). Пріостановка эта была вызвана получившимися извѣстіями о томъ, что орда идетъ на слободскіе города. Отправляясь, вслѣдствіе этихъ слуховъ, изъ подъ Гадяча къ Мерлу на соединеніе съ Шереметевымъ, Мазепа звалъ къ себѣ и Новицкаго съ его полкомъ [3]).

Хотя попытка Петрика всколыхнуть изъ конца въ конецъ Украйну и не удалась, но онъ не покидалъ надежды исполнить свои мечты. Татары по прежнему продолжали безпокоить Украйну, компанейцы то и дѣло разъѣзжали по степямъ, ловили «языковъ» и доносили о намѣреніяхъ крымцевъ, а при появленіи «чатовниковъ» вблизи границъ Украйны извѣщали объ этомъ Новицкаго, и онъ ходилъ предупреждать и отражать татарскіе набѣги [4]) и за усердную службу получалъ похвалы отъ гетмана [5]).

Чтобы быть постоянно въ готовности дать отпоръ непріятелямъ, охотницкіе полки были сосредоточены въ приднѣпровскихъ городахъ, въ южной части гетманщины, и былъ заранѣе выработанъ планъ дѣйствій, на случай появленія непріятелей. Въ числѣ другихъ находился тамъ со своимъ полкомъ и Новицкій. Онъ придумалъ болѣе выгодное размѣщеніе войскъ, которое и было одобрено Мазепой [6]).

[1]) Акты западной Россіи, т. V, № 240.

[2]) Письмо Мазепы къ Новицкому «зъ табору подъ Гадячемъ на Оболонѣ» отъ 2-го августа 1692 г.: «любо розсказалисьмо вашмосьци найдоватися въ купѣ зъ полками пана полковника лубенского и пана Пашковского, а простовати зъ ними до пановъ полковниковъ миргородского и полтавского, однакъ теперь засылаемъ вашмосьци симъ нашимъ листомъ, абись, где колвекъ сей листъ нашъ вашмосьцъ знайдеть, на томъ мѣсцу зостался до далшого указу нашого. О що и повторе жадаючи, засылаемъ ласку нашу».

[3]) Акты западной Россіи, т. V, № 241 и 242.

[4]) Ibid., №№ 243, 244, 245, 250, 254, 259, 260, 262, 265, 266, 268,

[5]) Ibid., №№ 246, 247.

[6]) Письмо Мазепы къ Новицкому изъ Батурина отъ 27-го іюля 1694 г.: «писавъ до насъ полковникъ лубенскій, же вашмосьци учинили таковый приговоръ

Мазепа, впрочемъ, не ограничивался отраженіями татарскихъ набѣговъ, но посылалъ отряды, чтобы громить бусурманъ въ ихъ владѣніяхъ. Въ сентябрѣ 1694 года гетманъ отправилъ въ «дикія поля» нѣсколько городовыхъ полковъ и охотницкихъ, въ томъ числѣ и Новицкаго [1]). Перешедши за Днѣпръ, Новицкій сталъ со своимъ полкомъ въ с. Бугаевкѣ (васильковскаго уѣзда), вмѣсто того, чтобы стать въ Васильковѣ, согласно распоряженію гетмана, за что и получилъ строгій выговоръ [2]). Вскорѣ Мазепѣ пришлось сдѣлать вторичное внушеніе Новицкому. Когда всѣ полки, предназначенные въ походъ, собрались, то возникли ссоры, напоминающія великорусскіе мѣстническіе споры. Хотя главное начальство надъ всѣмъ войскомъ было поручено черниговскому полковнику Якову Лизогубу, но другіе козацкіе старшины, въ томъ числѣ и Новицкій, не могли

и постановленья, ижъ онъ маеть стати зъ полкомъ своимъ у Чигиринъ-Дубровы и въ Жовнинѣ, а вашмосьць зъ полкомъ своимъ комонным у Веремѣевцѣ, въ побережныхъ мѣсцяхъ, для лучшои осторожности отъ приходу непріятельского и для береженья цѣлости людской, а тожъ и для одпору непріятельскому приходу: къ которому то приговору и постановленню вашмосьцей и мы пристаючи, позволяемъ вашмосьци тое словами назначенное дѣло въ самий приводити скутокъ. А поколь вашмосьць на тое назначенное побережное мѣсьце прійдеть зъ полкомъ своимъ комоннымъ, теперь внередь прибыття своего высылай заразъ человѣкъ зъ полтораста товариства охотницкого, знявши зъ городовъ въ горѣ Сулы будучихъ, именно зъ Ромна, Смѣлой и Глинска до Веремѣевки, которое товариство полку вашмосьци мѣють тамо въ Веремѣевцѣ для всякой осторожности людской знайдоватися. А мы писалисьмо до пана полковника лубенского, жеби приказалъ старшинамъ въ городахъ тихъ и посполитымъ людямъ зъ ихъ станцій мѣсячной кормъ найскорѣе выстачити. О чемъ ознаймивши вашмосьци, зычливое наше засылаемъ поздоровленя».

[1]) Н. И. Костомаровъ, Мазепа и Мазепинцы, стр. 119.

[2]) Письмо Мазепы къ Новицкому отъ 2-го сентября 1694 г.: «не такъ бисьмо дивовалися тому, который не знаючи, що то есть рейментарскій ординансъ и не вѣдаючи, якое за неисполненіе оного бываеть караня, поступаеть собѣ безпечно, не постерегаючи ординансу, але вашмосьци дивоватися мусимъ, же вашмосьць и ординансы, якъ треба ихъ хранити, вѣдаючи и караня за неохраненя оныхъ знаючи, не учинилисьте тако, яко мы, гетманъ, учинити приказали, жебысь станули въ Васильковѣ, але учинилисьте тако, же стануписьте зъ товариствомъ въ Бугаевцѣ, не знесшися о томъ зъ нами и не пытаючися насъ о томъ, за що по артикулахъ войсковыхъ годенъ бысь суду и караня; однакъ оставивши тое наше наказання, пріймуемъ одъ вашмосьци тое вѣдомости, же жадныхъ непріятельскихъ бусурманскихъ загоновъ тамъ не бывало сими часы».

помириться между собою изъ-за старшинства. Чтобы успокоить разыгравшіяся страсти, Мазепа разъяснилъ Новицкому, наиболѣе спорившему, свою волю [1]). Наконецъ войско двинулось въ Бѣлгородщину и подошло къ татарской крѣпости Баланкѣ, овладѣло ею, взяло большую добычу и двѣсти плѣнныхъ, За такой успѣшный походъ отъ царя былъ присланъ гетману золотой кафтанъ и порядочное количество матерій и собольныхъ мѣховъ, а Лизогубу и бывшимъ съ нимъ въ походѣ полковникамъ прислапо также соразмѣрное вознагражденіе [2]). Въ 1695 году, для отвлеченія татарскихъ силъ отъ Азова, производилась осада Кизикирменя, окончившаяся взятіемъ крѣпости. Въ этой осадѣ участвовалъ и Новицкій.

Лѣтомъ 1696 года Новицкій получилъ новое доказательство высокаго мнѣнія о немъ Мазепы—онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ всѣхъ пограничныхъ городовъ и селъ со стороны татаръ.

Это, кажется, послѣднее упоминаніе объ Ильѣ Өедоровичѣ Новицкомъ. Въ 1700 году охотные полки ходили подъ Нарву; въ 1703 г. гетманъ обставилъ ими весь рубежъ гетманскаго регимента, чтобы удерживать украинцевъ, бѣжавшихъ «купами» въ запорожскія степи, отъ своевольства царскихъ «ратныхъ людей»; въ 1705 г. охотницкіе полки принимали участіе въ сѣверной войнѣ; въ 1707 г. они работали при постройкѣ кіево-печерской крѣпости; въ 1708 г. участвовали въ усмиреніи Булавинскаго бунта; когда Карлъ XII

[1]) Письмо Мазепы къ Новицкому отъ 4-го сентября 1694 г.: «О власти вашмосьци не треба бъ турбоватися и черезъ тое мѣти на себе одъ кого порозумления, але надобно вашмосьци обще зо всѣми панами полковниками справовати полеценное себѣ дѣло, которое могло-бы быти всѣмъ зъ службою у великихъ государей нашихъ и у насъ гетмана похвалено. Тутъ теди прекладаемъ вашмосьци, же товариство полку лубенского нехай будеть подъ комендою вашмосьциной, а в Переяславцѣ подъ вашимъ-же старшинствомъ будуть, если панъ полковникъ самъ не пойдеть въ тую дорогу, яко до насъ писавъ онъ, вимовляючися якимись своими нужными домашними дѣлами, и мы ему тое далисьмо на волю, насилно его въ тую дорогу не выправуючи. А еслибъ панъ полковникъ переяславскій пошовъ самъ. то повиненъ онъ мѣти команду надъ своимъ полкомъ.

Листъ особливый до пана Палѣя имѣемъ, жеби зъ вашмосьцью любовне и згодливе въ той дорозѣ поступовати хотѣлъ, о то жадаючи, который вашмосьць ему оддайте».

[2]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, ч. 3, стр. 25, прим. 2.

намѣрился идти внутрь Россіи, 1,600 компанейцевъ, въ числѣ другихъ, были отправлены, по приказанію Петра, въ Литву къ Пропойску,—при разсказѣ обо всѣхъ этихъ событіяхъ, мы не встрѣчаемъ нигдѣ никакого упоминанія объ Ильѣ Ѳедоровичѣ Новицкомъ.

Когда Мазепа перешелъ на сторону Карла XII, то, по показанію запорожскаго атамана Тимоѳея Полугера, приведеннаго въ Лебединъ на расправу, за нимъ перешло за Десну къ шведамъ не болѣе тысячи изъ трехъ охотницкихъ полковъ—Кожуховскаго, Андріяша и Кгалакгана [1]). Какъ видимъ, о Новицкомъ нѣтъ и рѣчи. Быть можетъ, онъ не принималъ участія въ событіяхъ начала XVIII вѣка по старости лѣтъ. Если-бы онъ былъ убитъ, то лѣтописцы украинскіе не преминули-бы упомянуть объ этомъ. Онъ умеръ, вѣроятно, естественною смертью, какъ можно предполагать, около 1700 года.

III.

Въ свободное отъ службы время Новицкій проживалъ въ с. Нехаевкѣ. Будучи сосѣдомъ поэтому пустынно-рыхловскаго монастыря, онъ, какъ видно, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ тогдашнимъ рыхловскимъ игуменомъ Лукою Григоріевичемъ. Новицкій часто обращался къ игумену за совѣтами по разнымъ дѣламъ.

Какому то «товарищу» изъ полка Новицкаго нужно было выхлопотать разрѣшеніе на четвертый бракъ; Новицкій проситъ игумена устроить это дѣло. На этотъ разъ игуменъ, какъ видно, хорошо знавшій порядки кіевской консисторіи, отвѣчаетъ, что это дѣло «безъ мѣшковой розвязки (т. е. безъ денегъ) зачати не можетъ; а безъ той розвязки, поки живота, въ четвертое брака сочетаніе пойти не позволятъ» [1]).

Оказывая разныя услуги, игуменъ побуждалъ Новицкаго жертвамъ въ пользу рыхловскаго монастыря. Въ «Чтеніяхъ» Москов. общества ист. и древн. помѣщено восемнадцать писемъ о. Луки, въ которыхъ онъ благодаритъ Новицкаго за пожертвованія и указываетъ, что было бы нужно монастырю. Въ письмѣ отъ 25-го

[1]) Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1863 г., кн. I. Смѣсь, стр. 36.

марта 1680 года игуменъ привѣтствуетъ Новицкаго съ возвращеніемъ «зъ военной дороги», желаетъ благополучія ему, женѣ, дѣтямъ, посылаетъ въ подарокъ осетра и напоминаетъ, что онъ хотѣлъ принести въ даръ монастырю или серебряную кадильницу, или лампаду. Въ другихъ письмахъ игуменъ проситъ прислать позументу для отдѣлки ризъ, разнаго борошна, пшена, рыбы, пива, водки, денегъ, чтобы заплатить за работу лампады, кирпичу; благодаритъ за подаренную лампаду, ризы, сыръ и масло, за присланнаго коня и за денежныя приношенія [1]).

Составивъ за долговременную службу, всякими правыми и неправыми путями, хорошее состояніе, Новицкій любилъ дѣлать благотворенія вообще церквамъ и монастырямъ. До насъ дошла цѣлая серія писемъ къ нему различныхъ духовныхъ лицъ, просящихъ пожертвованій и благодарящихъ за уже оказанныя. Митрополитъ Пахомій привѣтствуетъ Новицкаго и жену его съ петровскимъ постомъ и проситъ прислать чрезъ подателя письма, какого то діакона, «ласкавую обѣтницу». Въ другомъ письмѣ тотъ же Пахомій проситъ прислать чрезъ посланнаго имъ челядника «обѣтницы» (бочку пива и «иныя на свята потребныи лигомини»), и, чтобы болѣе расположить въ свою пользу Новицкаго, проситъ передать также «реестръ преставшихъ родителей своихъ, абы-мъ ихъ вписалъ въ поменикъ, межи иныхъ добродѣевъ моихъ, яже що разъ при литургияхъ воспоминаются, и гдысь есьте самъ ваша милость зъ панею вписанъ, толко иныхъ родовниковъ вашей милости не вѣдомъ естемъ».

Архимандритъ Исаія, святой горы аѳонскаго монастыря святаго Павла, благодаритъ за оказанный ему въ домѣ Новицкаго пріемъ и желаетъ всякаго счастья «во вшелякихъ военныхъ экспедицияхъ»; архимандритъ зографскаго аѳонскаго монастыря напоминаетъ Новицкому объ обѣщанномъ ему конѣ за молитвы о недавно умершей женѣ его, Софіи; игуменъ полтавскаго монастыря, Лазарь Кузневичъ благодаритъ за разныя пожертвованія [2]).

Духовенство, зная благочестіе Новицкаго, часто обращалось къ нему также съ жалобами, надѣясь получить удовлетвореніе.

---

[1]) Ibid., стр. 23—41.

[2]) Idib., стр. 20, 21. 23, 42, 45.

Такъ, архимандритъ спасовскаго новгородъ-сѣверскаго монастыря, Михаилъ Лежайскій, жалуется Новицкому, что староста его имѣнія Нехаевки насильно отнялъ у «подданного» монастырскаго, нѣкоего Матвѣя, коня, когда тотъ проѣзжалъ мимо Нехаевки на ярмарку въ Борзну. Игуменъ лубенскаго монастыря, Макарій Русѣновичъ, жалуется, что полковника люди обижаютъ братію [1]).

. . . .

Илья Ѳедоровичъ Новицкій былъ два раза женатъ. Первая жена его Софія умерла около 1685 года, судя по вышеупомянутому письму архимандрита зографскаго монастыря. Отъ нея онъ имѣлъ двухъ дѣтей—сына Григорія и дочь. Новицкій, видимо, очень заботился о воспитаніи и образованіи своихъ дѣтей, въ особенности сына. Въ одномъ письмѣ игуменъ Лука спрашиваетъ, нужна-ли все еще «статечна черничка до милыхъ дѣтокъ», что онъ имѣетъ въ виду одну, которая многихъ дѣтей «читати и шити повчила». Митрополитъ Варлаамъ Ясинскій, въ письмѣ отъ 25-го сентября 1696 года, хвалитъ Новицкаго за то, что онъ прилагаетъ усердіе въ образованіи сына [2]). Григорій Новицкій воспитывался въ кіево-могилянской академіи. Впослѣдствіи онъ былъ охочекомоннымъ полковникомъ [3]), вѣроятно, того-же полка, надъ которымъ начальствовалъ его отецъ.

Когда Мазепа измѣнилъ, за нимъ ушелъ въ числѣ прочихъ и Григорій Новицкій, вѣроятно, увлеченный свякомъ своимъ Орликомъ (жены ихъ были родныя сестры). Вслѣдъ затѣмъ Мазепа назначилъ его своимъ «резидентомъ» при великомъ гетманѣ коронномъ Сѣнявскомъ, откуда Григорій Новицкій уже въ началѣ 1709 г. писалъ Головкину, принося повинную [4]). Новицкому позволили вер-

---

[1]) Ibid., стр. 22, 44.

[2]) Ibid., стр. 26, 47. Два письма отъ двухъ духовныхъ лицъ, помѣщенныя въ «Чтеніяхъ», отличаются своимъ содержаніемъ отъ тѣхъ, содержаніе которыхъ я сейчасъ передалъ, именно: игуменъ батуринскаго крутицкаго монастыря, Димитрій, извиняется за столкновеніе, которое произошло изъ-за сѣнокоса между монахами и людьми Новицкаго, и проситъ не жаловаться гетману; игуменъ Пивско-Городищенскаго монастыря, Даніилъ Кокаревъ, пишетъ о своемъ согласіи отдать въ аренду Новицкому монастырскія имѣнія Городище и Максимовку за 1,200 злотыхъ и еще кое-какую прибавку.

[3]) Н. И. Костомаровъ, Мазепа и мазепинцы, стр. 654.

[4]) Матеріалы для отечественной исторіи, Судіенка, т. II, стр. 113.

нуться, но тогда-же сослали его въ Сибирь, гдѣ онъ былъ поселенъ, кажется, въ Березовѣ [1]). Въ Сибири онъ сопровождалъ митрополита Филоѳея Лещинскаго въ его путешествіяхъ для проповѣди христіанской вѣры остякамъ и вогуламъ. Эти-то путешествія и дали Григорію Новицкому матеріалъ для его труда «Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ». Авторъ прежде всего знакомитъ читателей съ богатствами Сибири, затѣмъ переходитъ къ описанію нравовъ и обычаевъ остяковъ и вогуловъ и кончаетъ исторіей введенія христіанства въ посѣщенныхъ имъ мѣстахъ. Свѣдѣнія эти вообще въ высшей степени интересны, такъ какъ наблюденія производились въ 1715 году и слѣдовательно надъ народами, гораздо болѣе сохранившими свою собственную физіономію, чѣмъ наблюдается это теперь; трудъ этотъ въ печати появляется въ первый разъ въ текущемъ году, изданный Л. Майковымъ; но еще гораздо ранѣе, именно въ 1721 году, появилась въ сочиненіи Фр. Хр. Вебера «Das veränderte Russland» статья І. Б. Мюллера: «Das Leben und die Gewonheiten der Ostiaken», въ которой было переведено почти цѣликомъ «Краткое описаніе» Григорія Новицкаго, безъ указанія источника. При преемникѣ митрополита Филоѳея, Антоніѣ Стаховскомъ, Новицкому было поручено наблюдать, чтобы новокрещенные остяки въ концѣ исполняли христіанскія обязанности. Тамъ онъ былъ впослѣдствіи убитъ.

Дочь Ильи Новицкаго вышла замужъ за племянника Мазепы, Степана Трощинскаго, бывшаго впослѣдствіи гадяцкимъ полковникомъ и участвовавшаго въ задержаніи Кочубеихи въ Диканькѣ и отвозѣ ея въ Батуринъ. Бракъ этотъ устроилъ самъ Мазепа—онъ посылалъ Трощинскаго къ Новицкому, чтобы тотъ познакомился съ нимъ, будто-бы съ какими-то порученіями, и указывалъ Новицкому на своего племянника, какъ на подходящаго для его дочери жениха [2]). Этотъ бракъ содѣйствовалъ упроченію дружескихъ отношеній между Мазепой и Новицкимъ.

---

[1]) См. Извѣстія географическаго общества 1875 г., № 1. Потомки Григорія Новицкаго и теперь живутъ около Березова, населяя собою почти исключительно село Шаркавинское, и міроѣдничаютъ на счетъ окрестныхъ остяковъ. Природа и Охота. 1878 г., № 2, статья Полякова объ остякахъ, стр. 47.

[2]) Письмо Мазепы къ Новицкому отъ октября 1690 г.: «яко всегда мы упреймую нашу имѣемъ ку вашмосьци прихильность, такъ памятаемъ такое ваш-

Вдова Ильи Ѳедоровича Новицкаго, Меланья Васильевна, съ младшими сыновьями его, Яковомъ и Иваномъ, какъ не причастные къ измѣнѣ Григорія Новицкаго, получили отъ Скоропадскаго въ февралѣ 1709 года универсалъ, которымъ подтверждались за ними Свѣтинъ, Щеки, Оконъ, Литвяки, Клищинцы, Исаечи и Нехаевка. Изъ этихъ мастностей впослѣдствіи была отобрана часть, слѣдовавшая Григорію Новицкому: Нехаевка отдана была Гаврилу Милорадовичу, а Клищинцы Ѳедору Лысенку. Остальныя села, а также Гребище и Хорошки, были утверждены за Яковомъ и Иваномъ по универсалу 1737 года тогдашняго правителя Малороссіи Александра Румянцова. Въ 1741 году мы встрѣчаемъ Ивана Новицкаго полковымъ прилуцкимъ комиссаромъ.

Н. Стороженко.

мосьцине слово, же некедысь просилъ вашмосьць насъ о параенье человѣка спромѣ дочцѣ своей. Теперь теди нашъ кревный Стефанъ Трощинскій, объявивши тое намъ, же онъ имѣетъ свое усердіе до пей, хочетъ у вашмосьци побувати. Мы теди его не хочемъ залецати вашмосьци, якій у него поступокъ и достатокъ, самъ вашмосьць добре о томъ знаетъ. А кгды онъ помененный кревный нашъ до вашмосьци прибудетъ и якое взглядомъ его намѣренія будетъ поваженіе, о томъ за оказіею дася вашмосьць намъ знати».

Письмо Мазепы къ Новицкому отъ 4-го ноября 1690 г.: «Писалъ до насъ панъ Стефанъ Трощинскій, доносячи, же былъ онъ въ дому вашмосьциномъ и принятый есть любезне зъ неотреченіемъ тоее милости, якое онъ въ дому вашмосьциномъ ищетъ. И мы теди тое прихильности вашмосьци естесьмо вдячни и зичачи, аби въ намереніи его пана Трощинского моглъ быти скутокъ, вкладаемся въ тое симъ листомъ нашимъ, аби вашмосьць и до самого дѣла оного совершенства не отмовилъ своее склонности. При томъ зичимъ вашмосьци доброго здоровя и егожъ въ сохраненіе Господу Богу поручаемъ». См. также Акты западной Россіи, т. V, № 217.

КЪ ИСТОРІИ ТЕАТРА ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

(Переписка каменецъ-подольскихъ актеровъ съ духовной католической властью по поводу воспрещенія послѣднею спектаклей на время великаго поста и произнесеннаго на актеровъ и актрисъ церковнаго отлученія).

Въ исторіи юго-западнаго нашего края было время, когда самобытная его жизнь совершенно какъ-бы изсякла и замерла, когда, находясь подъ русскимъ уже скипетромъ, онъ представлялъ изъ себя болѣе, чѣмъ когда либо, чисто польскую провинцію: всюду дѣйствовали польскіе законы, польская администрація, польскіе суды, царилъ польскій, всему русскому враждебный духъ и складъ жизни, развертывалась во всей широтѣ польская культура, закрывая доступъ всякому русскому вѣянію, подавляя всякое проявленіе мѣстной самобытной жизни, образованіе общественное и частное находилось въ польскихъ рукахъ. Это время отъ присоединенія края къ Россіи до окончанія перваго польскаго возстанія.

Изучающему судьбы края въ это сугубо-печальное время любопытно наблюдать теченіе чужеродной въ немъ силы и жизни, ихъ господство и преобладаніе: за неимѣніемъ другихъ данныхъ, по нимъ можно судить о степени приниженности, придавленности здѣсь коренныхъ русскихъ началъ.

Интереснымъ памятникомъ полнаго отсутствія русскаго элемента въ одной изъ сторонъ общественной жизни края въ это время и полнаго господства элемента польскаго можетъ служить предлагаемая ниже переписка. О русскомъ театрѣ въ юго-западномъ краѣ въ эту сравнительно недавнюю пору не могло быть и рѣчи. Мистеріи и интермедіи старой кіевской академіи давно отжили свой вѣкъ, вертепныя представленія ушли въ глухіе уголки и предавались также забвенію. Единственнымъ источникомъ эстетическаго наслажденія и для русскихъ людей былъ театръ польскій, перестроенный по общеевропейскимъ образцамъ. Но по слабому тогда развитію общественной жизни, и польскихъ постоянныхъ театровъ, даже въ большихъ городахъ, еще не было; былъ передвижной такъ сказать театръ, въ видѣ тѣхъ странствующихъ труппъ актеровъ, которыя и теперь составляютъ отличитель-

вую принадлежность польско-общественной жизни. Одна изъ такихъ труппъ прибыла въ Каменецъ-Подольскій на зиму 1827—28 г. и открыла тамъ свои представленія. Въ матеріальномъ отношеніи положеніе странствующихъ представителей сценическаго искусства было всегда печальное; жрецы и жрицы его жили въ проголодь. Но вотъ настало время великаго поста, епископъ каменецкій Мацкевичъ воспретилъ театральныя представленія, и странствующей труппѣ пришлось голодать въ буквальномъ смыслѣ. Актеры обратились къ епископу съ почтительною просьбою отмѣнить объявленное запрещеніе; они просто ссылались на свою бѣдность и, чтобы расположить епископа въ свою пользу, обѣщали сдѣлать изъ своихъ скудныхъ доходовъ пожертвованіе для вновь строющейся богадѣльни. Епископъ далъ ядовитый и презрительный отвѣтъ: онъ выставилъ 13 причинъ отказа, отвергъ предложенную актерами жертву, считая ее конечно нечистою, и вмѣсто того предложилъ имъ выдавать отъ себя на хлѣбъ по рублю въ седмицу. Оскорбленные актеры въ ѣдкой формѣ отвергли предложенное имъ нищенское подаяніе, въ язвительныхъ выраженіяхъ доказывали неосновательность епископскаго запрещенія и вновь домогались отмѣны онаго. Въ отвѣтъ на это ксендзъ Замбржицкій, съ вѣдома конечно епископа, грянулъ на актеровъ анаѳемою съ каѳедры каменецкаго собора. Пораженные актеры прибѣгаютъ къ суду и милосердію римско-католическаго митрополита и въ своей длинной жалобѣ-просьбѣ цѣлымъ рядомъ доказательствъ отстаиваютъ естественное право своей профессіи, открывая намъ любопытныя черты тогдашнихъ взглядовъ одной и другой стороны на положеніе и значеніе сценическаго искусства, отношенія къ нему правительственной власти, сравнительный характеръ проповѣди православнаго и католическаго духовенства и непонятную уже теперь преобладающую силу этого послѣдняго въ дѣлахъ общественной жизни. Къ сожалѣнію, эта характерная переписка, доставшаяся мнѣ въ числѣ книгъ, принадлежавшихъ пробощу села Конюхъ (владимірскаго уѣзда, волынской губерніи) Феліціану Годлевскому и купленныхъ мною съ аукціона послѣ ссылки сего ксендза за участіе въ возстаніи 1831 г., не имѣетъ конца.

Въ высшей степени было-бы любопытно знать, какъ отнесся къ такому казусному дѣлу митрополитъ, и чѣмъ кончилось трагическое положеніе каменецкихъ драматурговъ. Въ архивѣ каменецкаго капитула безъ сомнѣнія сохранилось подлинное объ этомъ происшествіи дѣло, и было-бы очень желательно, чтобы, при начавшейся теперь въ Каменцѣ архивной работѣ, кто нибудь изъ тамошнихъ дѣятелей взялъ на себя трудъ отыскать это дѣло и подѣлился-бы съ читателями «Кіевской Старины» окончаніемъ онаго, быть можетъ гораздо болѣе любопытнымъ, чѣмъ предлагаемые мною начальные документы.

I.

Ясневельможному Мацкевичу, епископу діоцезіи каменецкой,

От ъ актеровъ драматическихъ

прошеніе.

Стучите и отворятъ вамъ (Мат. VII, 7).

Слѣдуя этимъ словамъ, мы стучимся у дверей твоего, ясневельможный пастырь, сердца, будучи убѣждены, что оно откроется на вопль ищущихъ милосердія, которое Спаситель насаждалъ и завѣщалъ своимъ ученикамъ. И какъ въ этой губерніи на тебѣ, по преимуществу, лежитъ обязанность быть распространителемъ и истолкователемъ Его святаго ученія, то тѣмъ усерднѣе ты окажешь намъ это милосердіе. Обязанность религіи и законъ природы заставляютъ насъ, обремененныхъ женами и дѣтьми, стараться обезпечить ихъ въ ихъ бѣдственномъ положеніи. Но какъ мы исполнимъ эту лежащую на насъ обязанность, если намъ воспретятъ въ продолженіи семи недѣль трудиться на томъ поприщѣ, на которомъ судьба насъ поставила? И если нашею судьбою управляетъ Всемогущая Власть, то невозможно допустить, чтобы тотъ трудъ, на который Она обрекла насъ, былъ для Нея оскорбительнымъ. Почему, ясневельможный пастырь, какъ податель благъ Всемогущаго Творца, не поскупись для насъ въ Его милосердіи, которое такъ щедро ты низводишь для своихъ духовныхъ овецъ. А хотя-бы ты почелъ насъ за овецъ заблудшихъ, то своимъ благословеніемъ обмый черныя наши пятна,—спаси отъ погибели, не лишая насъ пастбища: ибо и мы отъ трудовъ нашихъ охотно удѣляемъ для помощи слабымъ и на устройство для нихъ госпиталя при каѳедральномъ костелѣ.—Ожидаемъ съ глубокимъ уваженіемъ милостиваго отвѣта.

Нижайшіе слуги актеры.

II.

Отвѣтъ ксендза епископа актерамъ.

Чтобы я разрѣшилъ вамъ давать театральныя представленія въ продолженіи настоящаго Великаго поста—это совсѣмъ невозможно:

1) Вы сами, слѣдуя правилу осмѣивать худые нравы среди людей, *Ridendo castigo mores*, имѣли-бы поводъ и право осмѣять

меня самаго, если-бы я подписавъ распоряженіе касательно приготовленія къ святой исповѣди посредствомъ надлежащихъ реколлекцій (говѣнія), вмѣстѣ съ тѣмъ и тою-же рукою подписалъ вамъ дозволеніе разыгривать представленія въ театрѣ.

2) Какъ цѣнится ваше искусство въ церкви Божіей, это блаженный Августинъ указываетъ намъ въ слѣдующихъ словахъ: «Commodius saltus luratanrorum certamina et simile novi, admodum pia sint, utrocitare» (лучше смотрѣть на бой быковъ и тому подобное, чѣмъ на скачки театральные,—все это благовиднѣе въ своемъ движеніи).

3) Истинный христіанинъ долженъ избѣгать театральныхъ представленій во всякое время года, не долженъ самъ представлять и быть на представленіяхъ, развѣ-бы эти представленія были очень набожны.

4) Необходимо, чтобы представленія театральныя давались въ духѣ религіи, чтобы они вели къ благочестію, а въ наше время на это не обращають вниманія; всѣ представленія даются подъ девизомъ: «Ridendo castigo mores», посему и ведутъ онѣ болѣе къ развращенію, а не къ исправленію.

5) Въ сказанномъ можете удостовѣриться изъ книги изданной подъ заглавіемъ: «Wyrazy niectóre sposobem alfabetu» въ объясненіи слова—Komedya. И можно-ли не постановить, чтобы такія представленія не давались бы, по крайней мѣрѣ, въ Великій постъ и постъ рождественскій! Въ столицѣ нашего государства этихъ представленій не бываетъ;—можно-ли допустить таковыя въ Каменцѣ?

6) Упражняющимся въ театральномъ искусствѣ развѣ нѣтъ нужды подумать о спасеніи душъ своихъ?

7) Изъ вашей просьбы совершенно не видно духовной цѣли вашихъ занятій.

8) Пишете, что вамъ нечѣмъ содержаться во время поста; но это нужда временная.

9) Пишете, что хотите удѣлить отъ трудовъ своихъ на содержаніе бѣдныхъ, на постройку богадѣльни; но вамъ хорошо извѣстно, что богадѣльня постройкою уже оканчивается и что вы совершенно не думали о ней, пока вамъ не воспрещались представленія. Если-жъ тогда мы обходились безъ вашей жертвы, то и впредь, всегда и теперь можемъ обходиться безъ помощи вашей. Забота о бѣдныхъ совершенно

не была въ вашей мысли, когда вы были свободны давать свои представленія; она явилась у васъ только теперь и лишь какъ предлогъ испросить дозволеніе на то, что теперь вамъ воспрещено.

10) Св. апостолъ Павелъ пишетъ, что не слѣдуетъ допускать такого зла, изъ котораго могло-бы выйти что нибудь доброе: *Non sunt facienda mala, ut eveniunt bona.*

11) Одно только дѣлаетъ просьбу вашу заслуживающею вниманія, это то, что вы нуждаетесь въ собственномъ содержаніи. Но удивительно, что объ этомъ вы нимало не размышляли впродолженіи года, равно не останавливались вашею мыслію и надъ тѣмъ, что надо и вамъ заняться спасеніемъ вашихъ душъ; конечно, вы должны были обезпечить себя содержаніемъ прежде всего на семь недѣль Великаго поста, а затѣмъ еще на четыре недѣли и поста рождественскаго.

12) Но не входя въ дальнѣйшія сужденія, а желая лишь съ своей стороны оказать вамъ пособіе въ нуждѣ вашей и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдать себя въ отношеніи приведенныхъ вами словъ св. евангелиста Матеея (гл. 7, ст. 7), я назначаю давать вамъ въ продолженіи Великаго поста по одному рублю серебромъ на каждую седмицу, на руки посланнаго вами, если только вы не отринете сей моей жертвы. Больше того я дать не въ состояніи; но быть можетъ вы найдете для себя болѣе щедраго дателя.

13) Такимъ образомъ въ продолженіи теперешняго поста вы будете имѣть чѣмъ содержаться, я-же исполняю слова того-же св. евангелиста Матеея, на котораго вы ссылались, но, помѣщенныя далѣе, въ ст. 9 и 10 той-же VII главы,—подавая вамъ то, чего просите, т. е. не поднося вамъ камня вмѣсто хлѣба и змія вмѣсто рыбы.

14) Отъ души желаю, чтобы вы, оставаясь въ вашей профессіи, памятовали объ обязанностяхъ, налагаемыхъ религіею и заботясь о нуждахъ тѣлесныхъ, не забывали въ тоже время и нуждъ духовныхъ.

Дано въ Каменцѣ-Подольскомъ 18 февраля 1828 года.

Бискупъ Мацкевичъ.

III.

Благодарственное письмо актеровъ въ отвѣтъ ксендзу бискупу.

Желая заслужить доброе мнѣніе ясневельможнаго нашего архипастыря, мы за необходимое признали доказать вамъ, что благодарность, которая въ обществѣ почитается одною изъ великихъ добродѣтелей, намъ не чужда. Одушевленные этою добродѣтелію, мы припадаемъ къ стопамъ вашимъ и сердечно благодаримъ за обѣщанную намъ щедрую жертву и усердное попеченіе о спасеніи душъ нашихъ. Но неуклонно слѣдуя ученію самаго Господа, заповѣдавшаго намъ трудиться, жертвы вашей принять не можемъ, потому, что, пожиная тамъ, гдѣ не сѣяли, мы соблазнили-бы другихъ, которые жаждутъ чужаго добра и имѣя способности и силы для труда, эксплуатируютъ другихъ, проводя сами дорогое время въ постыдной праздности. Въ этомъ да проститъ насъ, ясневельможный архипастырь!

Что касается заботы вашей о спасеніи душъ нашихъ, то мы усердно принимаемъ преподанные намъ благіе совѣты. Доселѣ, быть можетъ, въ ослѣпленіи, считали мы наше званіе невиннымъ, не подающимъ для другихъ никакого соблазна, а театральную сцену, на которой всегда добродѣтели воспѣвается похвала, а пороку наказаніе и гдѣ въ самомъ дѣйствіи добрые ощущаютъ удовольствіе, а въ беззаконныхъ возбуждается угрызеніе совѣсти, признавали училищемъ добродѣтели. Но если ты, ясневельможный нашъ архипастырь, благоволишь показать намъ свѣтъ истины и приговоромъ блаженнаго Августина подтвердить, что все это, вопреки нашему невѣжеству, ведетъ къ вѣчной погибели: то мы, какъ обреченные на погибель самою судьбою нашею и въ то-же время не могущіе навсегда оставить своего поприща, по крайней мѣрѣ, въ это спасительное время собиранія духовныхъ плодовъ въ вертоградѣ Господнемъ, въ духѣ религіи покорно слѣдуемъ совѣтамъ вашего ясневельможнаго архипастыря, чтобы не обременять совѣсти другихъ, не чувствовать угрызенія своей собственной и не уподобиться фарисеямъ, которые налагаютъ на другихъ тяжелое бремя и оставаясь въ ослѣпленіи, сами даже перстомъ своимъ коснуться не хотятъ. О сохрани насъ, Господи, отъ подражанія фарисеямъ, которые заграждаютъ другимъ

путь въ царствіе небесное и сами войти не могутъ! Если наша внѣшность не влечетъ съ собою назиданія, то не откажись, ясневельможный архипастырь, видѣть въ насъ ту по крайней мѣрѣ добродѣтель, что мы готовы уважать и исполнять святыя истины евангелія: ибо не считая себя лучше того, какъ всѣ насъ видятъ, мы не подражаемъ по крайней мѣрѣ тѣмъ фарисеямъ, которые, считая себя чистыми по внѣшности, внутри исполнены жестокосердія и неправды. Для засвидѣтельствованія-же нашего сердечнаго раскаянія и дѣйствительнаго на насъ вліянія вашихъ наставленій, скажемъ откровенно, что мы предлагали нашу жертву не съ намѣреніемъ постройки госпиталя,—объ этомъ мы и не упомянули-бы въ оффиціальной просьбѣ, такъ какъ, по ученію евангельскому, не должна знать правая рука, что подаетъ лѣвая,—но считая святою обязанностію поддержаніе нашихъ женъ и дѣтей, мы хотѣли купить право на нее путемъ жертвы. Если мы въ свободное для нашихъ представленій время не запаслись ничѣмъ на время запрещенное, то это потому, что труды наши приносятъ намъ только однодневную пищу, какъ однодневная была нѣкогда для евреевъ манна въ пустынѣ Синъ. Но такъ какъ, ясневельможный архипастырь, учишь насъ для блага души забывать о тѣлѣ, хотя оба эти естества тѣсно соединены одно съ другимъ—такъ что поддерживая одно, о другомъ нерадѣть невозможно; то мы совѣсть нашу въ такъ важномъ дѣлѣ совершенно предаемъ въ волю ясневельможнаго архипастыря нашего, умоляя имѣть о насъ не такъ гнусное, но болѣе милостивое мнѣніе и не смотрѣть на насъ какъ на попрошаекъ, негодяевъ и отступниковъ, хотя-бы мы и на самомъ дѣлѣ таковыми были. Господь Іисусъ Христосъ не гнушался бесѣдовать съ мытарями и грѣшниками: почему-же ты, ясневельможный нашъ архипастырь, его послѣдователь, захотѣлъ-бы миловать однихъ только благословенныхъ—тѣхъ только, которымъ Господь грѣха не вмѣняетъ, а тѣми, для которыхъ единственно Отецъ небесный послалъ Спасителя, сталъ-бы гнушаться и презирать ихъ, какъ вовсе недостойныхъ! Кажется, довольно похвалы тому, кто предъ совѣстію своею, предъ всѣмъ міромъ можетъ свидѣтельствовать о точномъ исполненіи имъ предписаній церкви: но горе намъ, горе всякому считающемуся истиннымъ христіаниномъ, когда мы только два раза въ годъ будемъ воспоминать о спасеніи душъ нашихъ! Объ этомъ самомъ

важномъ предметѣ мы должны помнить во всякое время жизни нашей, при всѣхъ дѣлахъ, при всѣхъ занятіяхъ нашихъ. Это должно быть самою цѣлію всѣхъ мыслей нашихъ.

Принимая благодушно наши благодаренія и наше оправданіе и очистивъ насъ отъ проказы, изволь, ясневельможный архипастырь, причесть и насъ къ избраннымъ своимъ овцамъ. О семъ благопокорнѣйше просимъ.

Нижайшіе слуги актеры.

IV.

Ясневельможному ксендзу бискупу etc. etc.

Отъ актеровъ

ПРОШЕНІЕ.

Строго испытавъ нашу совѣсть, разсмотрѣвъ всѣ заповѣди Господни и человѣческіе законы, мы нашли въ себѣ только свойственные всѣмъ людямъ недостатки. Мы не нашли въ себѣ той вины, за которую слѣдовало-бы насъ, въ виду всего міра, такъ строго наказывать, предъ лицемъ неба такъ поражать насъ, ради которой такъ жестоко заперты предъ нами двери милости Господней и мы такъ унижены предъ всѣми людьми. Въ католичествѣ родились мы, въ католической вѣрѣ крещены и воспитаны. Усердно держимся нашей вѣры и исполняемъ ея предписанія. Мы преданныя дѣти св. римско-католической церкви: кто-же имѣлъ право безнаказанно извергать насъ изъ лона этой матери христіанскаго міра и называть насъ сынами развратнаго Вавилона, лишая ея материнскаго крова? Когда и псамъ вольно питаться отъ крупицъ, падающихъ изъ ея трапезы, намъ преграждена и эта милость: не въ другомъ смыслѣ мы должны понимать публично, предъ всѣмъ народомъ, съ церковной каѳедры брошенное на насъ проклятіе. Смертельно пораженные на чести нашей, мы слезно просимъ ясневельможнаго архипастыря, по справедливости, наказать казнодѣя (проповѣдника), который, вопреки св. апостолу Павлу, какъ самъ-же высказалъ, внесъ сквернословіе въ свое слово и обитель Господню изреченіемъ постыдныхъ словъ унизилъ, заставилъ краснѣть отъ стыда слухъ цѣломудрія, святые алтари обезчестилъ, и тѣмъ и самое апостольское велѣніе въ ничто обратилъ. Онъ съ того мѣста, которое

посвящено одной только правдѣ, дерзнулъ изрыгать самую низкую клевету, которой доказать не въ силѣ, а такимъ образомъ бросилъ между людей ядъ развращенія и вмѣсто того, чтобы вдохнуть имъ любовь къ добродѣтели, далъ урокъ ненависти, клеветы и неистоваго гоненія. Іисусъ Христосъ простилъ грѣхъ блудницѣ: но было-ли здѣсь видно кроткое ученіе Христово, когда языкъ казнодѣя дерзнулъ съ мѣста святаго бросить на насъ пламенѣющую адскимъ огнемъ головню, а изъ чаши, изъ которой изливается неистощимая благодать, излилъ убійственный ядъ, чтобы упразднить всякую добродѣтель? Онъ отвратилъ дѣтей нашихъ отъ послушанія намъ: потому что не найдется дочь, которая сочла-бы нужнымъ почтить свою матерь, имъ обезславленную. Онъ порвалъ связь въ семействѣ нашемъ: ибо кто изъ насъ и за милліоны будетъ согласенъ держать при себѣ такую жену, которая публично обозвана блудницею? Наконецъ онъ сердца наши, горѣвшія надеждою ко Господу, горестію наполнилъ, ибо никто изъ насъ, ища спасенія и видя на себѣ клеймо постыднаго отлученія, не дерзнетъ войти въ храмъ Господень. И есть-ли тутъ милость евангельская! Въ томъ-ли заключается обязанность проповѣдника евангелія? Не онъ-ли обязанъ приводить всѣхъ къ вѣрѣ, а не удалять отъ нея? Вѣдь и за одну потерянную овцу ему нужно дать строгій отвѣтъ предъ Богомъ. Онъ общество наше именуетъ сборищемъ злодѣевъ, театръ называетъ притономъ разврата. Однакожъ никогда на театрѣ никто изъ насъ не имѣлъ дерзости порицать смиреніе въ такихъ постыдныхъ выраженіяхъ, какихъ вельможный ксендзъ Замбржицкій не пощадилъ въ св. мѣстѣ. И хотя не наше дѣло разбирать стиль его слова; но обвиняемымъ въ безнравственности нужно однакожъ остановиться надъ тѣмъ, какъ имѣютъ изъяснить отецъ хорошо воспитанному сыну-юношѣ, мать своей цѣломудренной дочери, что значатъ слышанныя ими въ проповѣди слова: прелюбодѣяніе, нечистота, развратъ, сладострастіе... Съумѣютъ-ли они объяснить имъ это спасительное ученіе ксендза Замбржицкаго?.. Едва-ли онъ имѣлъ въ памяти слова Господни: *кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ, тому лучше было-бы, если-бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морской!* А между тѣмъ можно-ли христіанскому проповѣднику забывать эти слова? Говорятъ, что мы осмѣиваемъ людей, посвятившихъ себя на

служеніе добродѣтели. Правда, мы это дѣлаемъ, но осмѣиваемъ только тѣхъ, которые подъ покровомъ добродѣтели сумазбродствуютъ. Мы для сего и призваны. Обязанность-же церковнаго оратора возбуждать вообще любовь къ добродѣтели и щадя ближнихъ, вообще поражать заблужденія, не выставляя цѣлыя корпораціи на безчестіе и посмѣяніе. Почему и драмматическую сцену онъ не можетъ обзывать торжествомъ злодѣяній, посрамленіемъ добродѣтели. Сего вельможный ксендзъ Замбржицкій не докажетъ изъ печатныхъ драмматическихъ сочиненій, когда каждое изъ нихъ одобрено государственной цензурой. И если-бы театръ на самомъ дѣлѣ былъ таковымъ, какъ онъ клеймитъ его, то захотѣла-ли бы правительственная власть покровительствовать ему? Указъ, изданный 13 ноября 1827 года для устройства придворнаго театра, доказываетъ, что августѣйшій монархъ нашъ не уничтожаетъ и не изгоняетъ сего искусства. И мы хотя и далеко живемъ отъ столицы, но пользуемся однимъ и тѣмъ-же правомъ, подъ тѣмъ-же заботливымъ покровительствомъ власти. А когда верховная власть не лишаетъ насъ чести и вѣры и не осуждаетъ нашего званія, а напротивъ того охраняетъ оное своимъ покровительствомъ; то на какомъ основаніи вельможный ксендзъ Замбржицкій, злоупотребляя свободою оратора, обитель правды ставитъ въ обитель клеветы и оправдывая себя именемъ будто-бы христіанскаго проповѣдника, безчеститъ это учрежденіе гнусною клеветою и дерзаетъ поступать вопреки волѣ правительства, насъ-же немилосердно безславитъ своимъ словомъ, отнимая у насъ честь, которою самый бѣдный человѣкъ дорожитъ наравнѣ съ самою своею жизнію.

Покорно затѣмъ просимъ, ясневельможный архипастырь, подвергнуть примѣрному строгому взысканію ксендза Замбржицкаго, который въ своемъ словѣ, произнесенномъ 26 февраля, нагло исказилъ право духовное и общественное и безчеловѣчно оскорбилъ насъ; просимъ, чтобы онъ, по вашей архипастырской милости, намъ публично оскорбленнымъ публично-же далъ удовлетвореніе.

V.

Ясневельможному митрополиту

От ъ актеровъ

ПРОШЕНІЕ.

Если ищущій справедливости ожидаетъ надлежащаго удовлетворенія; то мы, прибѣгая къ вашему, ясневельможный митрополитъ, суду, живо уповаемъ, что все то, что изрекъ ты своими устами, тѣми-же устами и приведешь, по обѣщанію, къ точному исполненію. Терпѣть обиду отъ чужихъ и терпѣть ее отъ тѣхъ, у которыхъ благодать искупленія, которые составляютъ съ нами одно тѣло и въ духѣ своего званія обязаны изливать бальзамъ христіанскаго утѣшенія въ сердца пораженныхъ,—не одно и тоже. Терпѣть отъ послѣднихъ... о кто эту боль перенести можетъ! Кто можетъ изобразить ее словами! Ужели мы, преслѣдуемые отъ братій по вѣрѣ, отъ исповѣдниковъ одного и того-же евангельскаго ученія, должны искать самарянина, который, исцѣливъ наши раны, оказалъ-бы намъ братскую любовь! Но потерявшихъ надежду вѣра оживляетъ. Просите и дастся вамъ, ищите и обрящете. Такая вѣра послѣ первой неудачи не угасаетъ. Мы стремимся дальше, ищемъ, просимъ и несомнѣнно вѣримъ, что найдемъ еще такія руки, которыя, по врученной имъ съ неба власти, охотнѣе развязать, чѣмъ связать готовы; найдемъ уста, которыя спасеніе, а не пагубу изрекать обыкли, уста, которыя износятъ милосердіе, а не осужденіе, которыя судъ немилосердый, судъ противный духу евангелія, но который, о горе! устами духовнаго лица изреченъ, по милости своей разрушатъ. Непогрѣшимыми судьбами небесъ каждому изъ насъ въ сей юдоли изгнанія обозначенъ свой путь—врата къ земной персти, изъ которой создалъ насъ Господь. И наша-ли вина, что мы пошли тѣмъ путемъ, который намъ назначенъ, и что путь этотъ такъ скользокъ и такъ тяжелъ! Почему-же, вмѣсто того, чтобы поддержать насъ падающихъ, такъ жестоко давятъ насъ къ землѣ и отъ оставленныхъ судьбою стараются еще отнять и человѣческое знамя? Изнемогая подъ такими тяжелыми ударами, мы прибѣгаемъ къ твоему ясневельможный митрополитъ милосердію,, и въ обидѣ нашей хочемъ найти единственную защиту въ твоей справедливости.

Но чтобы въ надлежащемъ порядкѣ представить всѣ эти обстоятельства, намъ необходимо обратиться къ ихъ началу. Хорошо было намъ извѣстно, что въ столицѣ государства нашего въ великій постъ представленій въ театрѣ не положено. Но мы знали и о томъ, что всѣ нужды столичныхъ артистовъ обезпечены изъ сокровищницы августѣйшаго монарха, во всѣхъ-же губерніяхъ Россіи и даже въ Варшавѣ, въ виду его императорскаго высочества великаго князя, распоряженіемъ духовной власти дѣйствіе театральной сцены не прекращается. На семъ основаніи мы обратились съ просьбой къ ясневельможному епископу Мацкевичу, чтобы намъ позволено было въ нѣкоторые дни великаго поста давать представленія, потому что въ городѣ Каменцѣ только въ зимнее время можно выручить что нибудь для нашего содержанія; въ лѣтнее-же время дохода быть не можетъ, и намъ нужно было пользоваться временемъ. Можно-ли утопающему вмѣнять за грѣхъ, когда онъ проситъ помощи, проситъ таковой во имя человѣколюбія, безъ котораго, по указанію священнаго писанія, самое благочестіе ни къ чему негодно? Мы просили необходимой помощи, но напрасно; толкали въ дверь, но намъ ее не растворили; мы голодали, но намъ вмѣсто хлѣба поднесли не камень, вмѣсто рыбы не змѣю, но хуже еще всего этого: насъ накормили жестокимъ презрѣніемъ, поразительною насмѣшкой. И однако этотъ хлѣбъ, этотъ приговоръ съ отказомъ мы приняли смиренно. Но получить неповинно ударъ предъ лицемъ Бога, въ виду всей публики—можно-ли перенести это съ терпѣніемъ?.. Нѣтъ, это выше силъ нашихъ, это было-бы не христіанское смиреніе, а подлость душъ нашихъ. Вотъ суть нашей жалобы. Все, о чемъ прежде упомянуто, ничего не значитъ: ибо что значитъ обречь насъ на праздность, осудить на нищенство, что значило-бы предать насъ даже самой смерти, въ сравненіи съ тою унизительною клеветою, съ тѣмъ покровомъ безчестія, которымъ окинулъ вообще наше званіе вельможный ксендзъ Замбржицкій, съ каѳедры церковной предавъ насъ анаѳемѣ и лишивъ насъ всѣхъ правъ и привилегій человѣчества? Трудно во всей силѣ изобразить этотъ ударъ. Стоя въ костелѣ въ эту пору, никто не замѣчалъ того, что онъ стоитъ въ домѣ Божіемъ: это было сборище любопытныхъ, гдѣ съ наложеніемъ на шею петли объявляется вина нечестивымъ злодѣямъ. Это былъ не домъ молитвы, но домъ развра-

щенія; не домъ христіанскаго ученія, но сѣдалище соблазна и клеветы. Въ немъ-то неумолимый казнодѣя, стоя на томъ мѣстѣ, гдѣ Духъ Господень, Духъ милости и мира распростеръ надъ нимъ свои [1]) крылья, бросая на насъ громы за громами, наименовалъ насъ сынами нечестиваго Вавилона, исключилъ насъ изъ числа правовѣрныхъ, удалилъ насъ отъ общества и алтаря Господня, отъ благодати Тѣла и Крови Господней отторгъ. Какою властію онъ это сдѣлалъ? По духу какой вѣры любовь къ ближнимъ нарушилъ? На какомъ законѣ основалъ свое беззаконіе? Если-бы онъ лично простеръ къ намъ свою ненависть, мы далеко стояли бы отъ гнѣва его; удары личной ненависти славѣ и чести вреда не наносятъ. Но онъ ударилъ на насъ съ мѣста, святостію котораго прикрылъ себя, и эту святость употребилъ въ нашу обиду... Вотъ за что и жалуемся мы. Чѣмъ святѣе было то мѣсто, тѣмъ онъ больше причинилъ намъ поруганіе и тѣмъ больше наша скорбь. Безъ милосердія пораженнымъ на чести намъ оставалось лишь одно только средство къ защитѣ нашей — подать жалобу ясновельможному ксендзу бискупу Мацкевичу, съ надеждою, что онъ, руководствуясь евангельскимъ благоволеніемъ, остановитъ неблагопристойное и законамъ противное о насъ оглашеніе. Но вмѣсто соотвѣтвѣтственныхъ нашей жалобѣ распоряженій, спустя двѣ недѣли, тотъ-же ксендзъ Замбржицкій, одушевленый прежнимъ намѣреніемъ взошелъ на святое мѣсто правды, чтобы вторично свѣтъ ея небесный затмить гнусною клеветою и сердца наши, еще горѣвшія горькимъ жаломъ, поразить новымъ ударомъ. Не скажемъ съ увѣренностію, что это сдѣлано съ вѣдома начальника здѣшней каѳедры, но знаемъ, что послѣ этого уже просьба наша возвращена намъ безъ удовлетворенія и единственно потому, что не по формѣ представлена. Что касается словъ, то въ ней нѣтъ такихъ, которыя были бы оскорбительны; развѣ тѣ, которыя заимствованы изъ слова самого проповѣдника: вообще нѣтъ въ ней ничего, что несоотвѣтствовало-бы правдѣ. А если правда поражаетъ; то мы-ли виновны въ томъ, что такъ ее примѣнили? Но какова бы она ни была, пусть явится на

[1]) Въ католическихъ костелахъ всегда находится въ верху амвона изображеніе Св. Духа съ распростертыми надъ главою оратора крыльями.

судѣ, потому что безъ нея справедливости отыскать невозможно. Нынѣ мы не знаемъ иной правды, кромѣ надежды и упованія на тебя, ясновельможный митрополитъ; и въ этомъ упованіи мы поручаемъ себя твоему покровительству. Наши сердца говорятъ твоему сердцу; а гдѣ сердца говорятъ и сердце слушаетъ, тамъ нѣтъ формы и правилъ для рѣчи. Выслушай-же насъ и войди въ судъ съ твоими рабами; понесши опять тяжкую обиду отъ вельможнаго ксендза Замбржицкаго, они вторично приносятъ тебѣ жалобу самую справедливую. Такъ поистинѣ, самую справедливую; пусть Слово Божіе станетъ въ нашу защиту и за насъ возглаголетъ. Но мимо другихъ многочисленныхъ изреченій, пусть взяты будутъ въ наше оправданіе тѣ самыя слова, которыя ясновельможный ксендзъ бискупъ Мацкевичъ привелъ въ основаніе своего на нашу просьбу отказа: *non sunt facienda mala, ut eveniunt bona*. Въ этихъ словахъ заключается ясное свидѣтельство противъ казнодѣя, и тѣмъ оно яснѣе, что съ нашей стороны mala (зло) было недостовѣрное, а bona (благо) очевидное, съ его-же стороны добро было сомнительное, а зло очевидное: ибо первое его оглашеніе дало поводъ для многоразличныхъ соблазнительныхъ разсужденій, и не одинъ отецъ зарекся посылать дѣтей своихъ на проповѣдь о прелюбодѣяніи, о развратѣ, о сладострастіи и безчинствѣ, при второмъ-же, слушатели, зная о поданной нами жалобѣ, что могли сказать о проповѣдникѣ, кромѣ осужденія его въ томъ, что, проповѣдуя о добродѣтели, онъ самъ въ тоже время горитъ местію, противною и тому мѣсту, на которомъ находится, и тому сану, въ который облекся. Но какія бросалъ онъ сѣмена, такія и пожалъ плоды. Какое духовное благо вышло изъ сего? Вотъ что вышло: онъ собственную свою ризу осквернилъ, храмъ Господень поругалъ. Тамъ, гдѣ правда должна вселяться, онъ водворилъ ложь, а тѣмъ самимъ оскорбилъ и святую вѣру. Кто изъ насъ теперь докажетъ лучшее исполненіе святыхъ ея уставовъ: мы-ли, которые чтимъ и исполняемъ всѣ обряды нашей церкви, на что и свидѣтельства можемъ представить, или вельможный ксендзъ Замбржицкій, который не по духу вѣры, а только подъ ея покровомъ судитъ: гдѣ слѣдуетъ поучать, тамъ предаетъ казни; гдѣ долженъ утѣшить, тамъ печалитъ; а гдѣ долженъ явить милость, тамъ проклинаетъ. Въ указѣ для православнаго русскаго духовенства 1827 года, въ главѣ 8. на страницѣ 103, сказано: «про-

повѣднику въ проповѣди своей никому не мстить. о грѣхахъ говорить вообще“. Этому указу предшествовалъ другой подобный указъ, 1821 года 15 февраля изданный. Если-же каѳедры господствующей церкви никогда не чернятъ насъ, не поражаютъ клятвой, никогда не устрашаютъ, чтобы, вмѣсто возращенія въ сердцахъ нашихъ христіанской милости и упованія о Господѣ, не явилась-бы у насъ одна только тревога и отчаяніе: то, въ годину воздвигнутаго на насъ гоненія, развѣ мы не вправѣ сослаться на эти спасительные для насъ указы? И это тѣмъ болѣе, что и въ римско-католическихъ костелахъ всего государства нигдѣ не дѣлаютъ намъ такого погрома, дѣлаетъ это въ одной только каменецкой каѳедрѣ и одинъ только ксендзъ Замбржицкій. Въ чемъ-же онъ насъ уличаетъ? Въ чемъ мы провинились предъ лицемъ Бога и людей и наконецъ въ чемъ погрѣшили противъ него самаго, чтобы онъ имѣлъ поводъ съ мѣста освященія насъ благодатію Христовой изливать на насъ свой гнѣвъ и ненависть? Если увлекаетъ его общественное благо, то какія преступныя вины предъ обществомъ объявить намъ можетъ? Развѣ было когда либо товарищество наше сбродомъ разврата? Покушалось-ли оно когда нибудь на погибель и вредъ религіи? Было-ли оно вертепомъ тайныхъ заговоровъ? Подстрекало-ли оно кого либо къ тайнымъ крамоламъ, нарушало-ли общественное спокойствіе? Да какія еще къ тому другія совершили мы злодѣянія предъ Богомъ, предъ Государемъ, предъ закономъ, предъ церковію и обществомъ? Если-бы и отыскались въ насъ какіе либо недостатки, то только потому, что и мы обыкновенные люди. Но проповѣдникъ, обличая зло, не долженъ указывать на личность, потому что обличаемый имѣетъ право сказать обличителю: «вынь прежде бревно изъ своего ока и тогда увидишь, какъ вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего». Кто изъ насъ свободенъ отъ грѣха!

Въ просьбѣ нашей, поданной ясновельможному бискупу Мацкевичу, мы указали на то любвеобильное попеченіе правительства, подъ которымъ всѣ мы находимся; но вельможному ксендзу Замбржицкому во второмъ его словѣ необходимымъ показалось признать это надъ нами покровительство только кажущимся, т. е. что правительство принуждено бываетъ терпѣть не одного рода зло. Но могло-ли-бы правительство равнодушно смотрѣть на все то, что по своему изяществу такъ много имѣетъ вліянія на обычаи и поведеніе народа, а по разумѣнію слу-

жителя Слова Божія заключаетъ въ себѣ столько опасности и столько зла? Развѣ такое зло могло-бы терпѣть правительство? Не могло-ли оно однимъ словомъ прекратить его разъ навсегда? Развѣ оно требовало въ томъ услуги и помощи ксендза Замбржицкаго? Такими упреками не срамитъ-ли онъ и самое правительство? не хулитъ-ли онъ его, не порицаетъ-ли, не приписываетъ-ли ему слабости? Пусть объяснится, на какомъ основаніи приходитъ онъ къ такой дерзости! Вельможный ксендзъ казнодѣя слишкомъ уже поддался своему собственному мнѣнію: ибо когда всѣ европейскіе дворы содержатъ театры, когда всѣ монархи не мало расходуютъ суммъ на ихъ содержаніе и посвящающимъ себя этому званію, подъ своимъ покровительствомъ, дозволяютъ устраивать судьбу свою въ провинціяхъ, когда даже въ самомъ Римѣ, подъ властію отца святаго, не воспрещается имъ сіе искусство, то можно-ли согласиться на то, чтобы вельможный ксендзъ Замбржицкій видѣлъ истину лучше всѣхъ? Чѣмъ онъ поддержитъ себя въ своемъ мнѣніи? Въ священномъ писаніи нигдѣ ничего не сказано о театрѣ. Блаженный Августинъ разсуждаетъ о развратѣ, идущемъ еще изъ временъ языческихъ. А права духовныя въ отношеніи мірскаго званія обыкновенно сообразуются съ правами народа, котораго дѣйствительнымъ главою есть монархъ. И кто-бы изъ монарховъ могъ терпѣть въ своемъ государствѣ, а тѣмъ болѣе при своемъ дворѣ, содомское учрежденіе, каковымъ именемъ вельможный ксендзъ Замбржицкій обзываетъ театръ! Театръ, не выходящій изъ предѣловъ строгой цензуры, по истинѣ можетъ называться школою благонравія. По указу изданному 17 декабря 1817 года мѣщанинъ, служащій этому искусству, изъемлется даже отъ подушнаго оклада. Школу драматическую, королемъ саксонскимъ въ Варшавѣ на 12 лицъ устроенную, въ Бозѣ почившій императоръ Александръ I увеличилъ на неопредѣленное число лицъ. Развѣ сей благословенный монархъ, образецъ благочестія и народной любви, монархъ, которому благодарность народа воздвигла въ сердцахъ ихъ вѣчный памятникъ, могъ открывать камень преткновенія и вести несчастныхъ къ безчестію временному и вѣчной погибели? Августѣйшій монархъ, нынѣ у насъ царствующій, никогда словомъ своимъ не предавалъ насъ осужденію, а напротивъ того устроеніемъ въ 1827 году придворнаго театра почтилъ насъ; а писателямъ драматическихъ

произведеній, которыя вельможный ксендзъ Замбржицкій именуетъ адскимъ издѣліемъ, назначилъ по достоинству награду. Какъ-же вельможный ксендзъ Замбржицкій можетъ имѣть дерзость порицать монарховъ и такъ восхвалять себя, поставляя свою волю выше ихъ воли! Чего-же желаетъ онъ наконецъ? Не того-ли, чтобы заботливое о насъ правительство держало народъ свой въ горькой печали, возбраняя ему самое лучшее и могущественнѣйшее удовольствіе? Благословенно то правительство, которое охотнѣе желаетъ видѣть свой народъ радующимся, нежели печалящимся. Но вельможный ксендзъ Замбржицкій, съ холодною душею, не ощущая въ себѣ этого божественнаго удовольствія, желалъ-бы все покрыть гробовымъ саваномъ тамъ, гдѣ отеческая рука монарха сѣетъ радость и веселіе. И когда, по милосердію его, мы свободно дышемъ отечественнымъ воздухомъ, когда правительство его не лишаетъ насъ своего покровительства и общество не гонитъ насъ изъ среды своей, одинъ только онъ, вельможный казнодѣя, закрываетъ отъ насъ небо, низводитъ тучи на главы наши и хотѣлъ-бы ударами перуновъ совершенно поразить насъ. О если-бы онъ совершилъ такое чудо надъ нами прежде лишенія насъ чести нашей, прежде отнятія отъ насъ того, чего не далъ намъ и дать не можетъ, равно какъ и возвратить отнятаго не въ силѣ! Вельможный ксендзъ Замбржицкій именуетъ насъ провинціальныхъ актеровъ бродягами, но откуда получилъ онъ право назначать мѣсто нашему пребыванію? Правительству хорошо извѣстно, что у насъ нѣтъ имѣній, а потому оно, подъ своимъ отеческимъ наблюденіемъ, даетъ намъ право пользоваться и мѣстомъ и временемъ. Упрекая въ бродяжествѣ, онъ опять не столько насъ, сколько самое правительство порицаетъ. Если-же онъ исключительно къ намъ, живущимъ здѣсь, въ Каменцѣ, простираетъ свою ненависть; то пусть станетъ предъ судомъ, пусть докажетъ, пусть свидѣтелями удостовѣритъ, въ чемъ погрѣшили мы, что онъ такъ злобно порицаетъ насъ. Когда указомъ воспрещается злобно говорить предъ лицемъ судей, вельможный казнодѣя мещетъ безпощадно перуны въ святилищѣ Господнемъ, предъ лицемъ самаго Бога. Намъ не возможно представить письменныхъ доказательствъ обиды нашей, потому что никто не дастъ намъ тѣхъ писанныхъ проповѣдей, по поводу которыхъ мы заносимъ сію нашу жалобу. Кто можетъ даже увѣрить насъ, чтобы и по повелѣнію ясно-

вельможнаго митрополита были представлены тѣже самыя проповѣди. Но мы имѣемъ для себя свидѣтельство во всемъ народномъ собраніи,—свидѣтельство совѣсти, и за нашимъ поведеніемъ свидѣтельство свѣтскихъ властей, изъ которыхъ никто не уличаетъ насъ въ порокахъ, а тѣмъ болѣе въ какихъ либо злодѣяніяхъ.

Посему дерзаемъ искать справедливости и, слыша голосъ, взывающій: *пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я васъ упокою*, съ дерзновеніемъ идемъ на этотъ голосъ Спасителя нашего и припадаемъ къ стопамъ твоимъ, достойнѣйшій Его намѣстникъ. Припадаемъ, обремененные, чтобы ты насъ падшихъ возставилъ; сожженные пламенемъ клеветы, просимъ у тебя прохлады. Не удивляйся, смотря на нашу глубокую скорбь. Не имѣемъ мы правъ властелиновъ, не обладаемъ высокими достоинствами, но мы подданные одного монарха, дѣти одной матери..., имѣемъ чувства общія всѣмъ благомыслящимъ. Если не владѣемъ землею, то мы сами земля,—земля, Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ освященная въ святой вѣрѣ. И могъ-ли проповѣдникъ божественной истины, вмѣсто благодатной росы, обдавать кровію Его наслѣдіе! По истинѣ, онъ залилъ кровію сердца наши; благое сѣмя Спасителя—вѣру, надежду и любовь однимъ дуновеніемъ устъ своихъ съ корнемъ развѣялъ. Вотъ приближаются уже дни искупленія, дни новой жизни во Христѣ, но не для насъ!.. Жизнь намъ не въ жизнь; мы отдыхаемъ со стонами, ходимъ, какъ погребенные мертвецы... Мы какъ-бы лежимъ во гробѣ, и гробъ нашъ заваленъ камнемъ презрѣнія, камнемъ самымъ тяжелымъ, съ гнусною печатію тяжелой клятвы... Чьяже рука сорветъ печать сію? Кто возвратитъ насъ къ жизни? Кто раскроетъ предъ нами врата святыни Господней и содѣлаетъ насъ участниками Его трапезы? Ибо кто изъ бездны осужденія къ ней приблизиться посмѣетъ? Кто воззоветъ: прости намъ грѣхи наши, когда тернъ глубоко поразилъ сердца наши. Есть-ли среди смертныхъ, кто въ сей добродѣтели могъ-бы стать наравнѣ съ Господомъ, своимъ избавителемъ? И чья рука слабымъ дастъ силу, а усилившихся надъ ними удержитъ и къ смиренію обратитъ? Не другая чья, только твоя, достоуважаемый архипастырь! И объ этомъ еще разъ изъ глубины крайняго уничиженія трепещущими устами просимъ тебя, отецъ римско-католической церкви нашей; къ тебѣ взываемъ, образецъ христіанскаго человѣколюбія! ты

наше прибѣжище, властію небесъ тебѣ данною, избави насъ отъ одержащей насъ печали; сними цѣпи съ окованныхъ; пролей прохладу въ сердца унывающихъ; порази своимъ праведнымъ и милосерднымъ судомъ судъ немилостивый. Ужасъ поразилъ сердца наши; сила жизни оставила насъ и свѣтъ очей помрачился у насъ: но ты, достойнѣйшій архипастырь, который добродѣтель обыкъ заявлять міру въ истинномъ ея свѣтѣ, ты, который зажженную свѣчу подъ одръ не ставишь, но на свѣщникѣ возвышаешь, да свѣтитъ всѣмъ и каждому, не потушишь ее и предъ нами. Неужели мы, твои овцы, изуродованныя, отъ стада отлученныя, осиротѣлыя, должны блуждать во мракѣ клеветы и неизвѣстности, въ тревогѣ, безъ двора овчаго и безъ пастыря? Вѣдь имѣвшій сто овецъ, когда зашла въ горы одна, оставилъ девяносто девять и пошелъ искать заблудшей: такъ и ты, заботливый пастырь, поступишь съ нами и насъ заблудшихъ погибнуть не допустишь... Не допустишь отнять у насъ ниву для труда, чтобы погребсти трудъ въ праздности. Не дашь званія нашего злословіемъ унизить и не оставишь насъ стонать подъ тяжестію клятвы, но окажешь намъ справедливость во всеуслышаніе, ибо всюду слышна была обида наша,—окажешь справедливость и по праву человѣчества, какъ глава нашего духовенства, и по правамъ Божескимъ, какъ первый ихъ стражъ и истолкователь.

Перевелъ съ польскаго священникъ *Даніилъ Левицкій.*

УНИВЕРСАЛЪ ГЕТМАНА РАЗУМОВСКАГО,

ОБЪ ОГРАНИЧЕНІИ ПРАВА ПЕРЕХОДА КРЕСТЬЯНЪ.

Графъ Кириллъ Разумовскій, гетманъ и кавалеръ

Господину полковнику переясловскому Сулимѣ,
съ полковою старшиною.

Поданнымъ въ нашу генеральную войсковую канцелярію отъ суда войскового генерального доношеніемъ представлено, что въ ономъ генеральномъ судѣ слушано дѣла, произведенного и рѣшенного въ полковой миргородской канцеляріи, по иску коллежскаго ассесора, грузинскаго князя Давида Церетелева, на бывшого подданного его жителя хорольского Данила Корабленка о не переходѣ нимъ по прежнему въ его Церетелева владѣніе и о протчемъ, по которому де дѣлу въ рѣшеніи миргородской полковой канцеляріи между протчимъ показано, яко отвѣтчика Корабленка, за то, что онъ на прежнее жилле не перейшолъ, винить не слѣдуетъ, ибо-де по указу въ 1749 году августа въ 18 день малороссійскому народу съ мѣста на мѣсто переходъ дозволенъ; скотъ-же, лошади, овцы и все, что имѣлося движимое и недвижимое въ его Корабленка тогда, когда онъ съ подъ владѣнія истцева отошелъ, долженъ онъ Корабленко за нимъ истцомъ по силѣ правъ оставить; а по разсмотрѣнію-де суда генерального, хотя по праву книги Статута, раздѣлу 12-му, по артикулу 14, показано: беглыхъ людей зъ женами и дѣтьми и ихъ пожитки владѣльцу отдавать, но что-де по вышеписанному указу обывателемъ малороссійскимъ съ места на место переходъ дозволенъ, а чтобъ при переходѣ имѣючіесь у нихъ пожитки отбираемы

были и остановлялись при владѣлцахъ, либо перешедшихъ, того въ томъ указѣ не доложено; затѣмъ судъ генеральный по иску истца Церотелева какъ самого помянутого изшедшого подданного его Корабленка, такъ имѣний его движимыхъ приговорить собою истцу Церетелеву не смѣетъ и какъ объ ономъ потому и по другимъ примѣрнымъ дѣламъ поступать, требовалъ отъ генеральной войсковой канцеляріи резолюціи. А по справкѣ въ нашей генеральной войсковой канцеляріи явилося: въ высочайшемъ имянномъ ея императорскаго величества 1742 году августа 18 дня, за собственноручнымъ ея императорскаго величества подписаніемъ состоявшомся и напечатанномъ указѣ между протчимъ по 4 пункту изображено: въ Малой Россіи, по опредѣленію генеральной войсковой канцеляріи 1759 году, отъ посполитого народу волной съ места на место переходъ (какъ то у нихъ наперѣдъ сего бывало) подъ видомъ за границу побега не точію подъ жестокимъ наказаніемъ, но и подъ смертною казнію запрещенъ, что имъ тотъ свободный переходъ нынѣ по прежнему позволяется, токмо того на крѣпко смотрѣть и по силѣ прежнихъ указовъ, кому надлежитъ, предостерегать, дабы между тѣмъ изъ Малой Россіи и изъ слободскихъ полковъ отъ тамошнего народа побѣговъ за границу не было; да въ указѣ ея императорскаго величества изъ правительствующаго сената 1748 г. іюля 6 дня состоявшомся и напечатанномъ о непринимании переходящихъ изъ слободскихъ полковъ козаковъ между инымъ написано, по оному-де имянному ея императорскаго величества августа 18 дня 742 году указу такой волной съ места на место переходъ позволенъ токмо въ Малой Россіи, да и то одному посполитому народу, а не козакамъ; посляже въ высочайшихъ, за собственноручнымъ ея императорскаго величества подписаніемъ состоявшихся, грамотахъ, въ первой 1749 году декабря 18 дня на избраніе въ Малой Россіи гетмана изображено, что ея императорское величество обѣщать соблагоизволили своимъ императорскимъ словомъ новоизбранному гетману и всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ малороссійскому народу всѣ волности, права и привилегіи, которіи оніе отъ времени принятія подъ державу всероссійскую гетмана Богдана Хмельницкаго зъ войскомъ запорожскимъ и со всѣмъ малороссійскимъ народомъ и притомъ при государствованіи ея императорского величества вседражайшого государя родителя, блаженныя и высокославныя памяти,

государя императора Петра Великаго имѣли, свято ненарушимо и цѣло содержать; въ 2-й 1751 года мая 22 дня всемилостивѣйше жалованною грамотою тоже конфирмовано съ высочайшимъ соизволеніемъ и повелѣніемъ управлять намъ въ Малой Россіи воинскія и гражданскія дѣла по войсковымъ правамъ, по прежнимъ обычаямъ и постановленнымъ пунктамъ, на которихъ приступилъ подъ державу государя, дѣда ея императорского величества, блаженныя памяти государя царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея Великія и Малыя Россіи самодержца, его царского величества гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и народомъ малороссійскимъ и по ея императорского величества указамъ опредѣленнымъ и впредь опредѣляемыхъ, безъ нарушенія правъ и волностей стародавнихъ народа малороссійского; въ правахъ-же малороссійскихъ книги Статута, роздѣлу 12, въ артикулѣ 14-мъ напечатано, что если чій человѣкъ отчизній, материстый, наслѣдственній, либо купленній, дарованный, выслуженный и всякимъ образомъ набитый, или служитель дворовый, отчистій, купленный или полоненный, мужеска и женска полу, отъ господина своего бѣжавшій, до кого другого перейшовъ, а тотъ господинъ, до кого такій бѣглецъ зайдетъ, за то отъ уряду позванъ былъ-бы по артикулу 18, роздѣлу 4, для отдачи его или учиненія съ нимъ справедливости, и такихъ-бы бѣглецовъ не отдалъ и справедливости съ ними по сему праву общему не здѣлалъ, то тотъ позванный долженъ будетъ самъ или чрезъ повѣренного своего у суда стать, и того или тѣхъ бѣглецовъ, сколько ихъ будетъ, въ судѣ представить, тогда истецъ ежели персонально предъ судомъ докажетъ отвѣтчику, что оной человѣкъ или служитель, или сколько ихъ будетъ, суть его собственные, то отвѣтчикъ долженъ ему истцу того человѣка или служителей, съ женами и дѣтьми и со всѣми ихъ пожитками, возвратить, а за пожилое тѣхъ людей навязки за каждую недѣлю отъ каждой персоны мужеска и женска полу по шести грошой заплатить, щитая ту навязку отъ начатія иску; да того-жъ роздѣлу по артикулу 17 и 18 узаконено: слугамъ отъ господъ своихъ безъ отпуску и свидѣтельства письменного господского не отходить своеволно, а ежели-бъ которого господинъ удерживалъ напрасно, то такимъ слугамъ искать отъ уряду вспоможенія и опредѣленія и хотя-бъ въ наблюденіе высочайшого оного

ея императорского величества 1749 году состоявшогося указа посполитому народу съ места на место волный переходъ оставленъ, но что мы нынѣ изъ нашихъ, вшедшихъ въ нашу генеральную канцелярію, письменныхъ видовъ усмотрѣть могли, что при взисканіи на указно положенныхъ въ Малой Россіи конеистентовъ безденежного доволства умножились не малые доимки, съ той болше причины, что иніе посполитіе, не живя на одномъ мѣстѣ, частой съ одного на другое и безвѣстное мѣсто переходъ по волности имѣя, ни въ одномъ мѣстѣ того указного доволства не платять, а другіе постояннѣйшіе и живущіе на одномъ мѣстѣ, заплатя за себя указное, лишняго платить не хотять, но иногда съ нихъ не безъ отягощенія, а предъ другими не безъ обиды и лишнее взыскуется; ктому-жъ яко въ Малой Россія всякъ владѣльческій подданный живеть и пользуется владѣльческою землею и всякими угодіи и тѣмъ себе во всемъ спабдѣваетъ, слѣдовательно, что изъ движимости себѣ ни пріобрѣтетъ, все то, по дозволенію того, чіи суть грунта, на коихъ онъ въ жительствѣ состоитъ, то при овомъ, ему дозволенномъ, съ мѣста на мѣсто переходѣ, той нажитой имъ движимости, которую онъ, пользуясь временно чужими грунтами и угодіи, пріобрѣлъ себѣ, забирать, по силѣ вышепоказанныхъ малороссійскихъ правъ, не должонъ, какъ по причинѣ той, что онъ то нажилъ имѣніе не на своемъ грунтѣ, а чій грунтъ, того и доходъ отъ оного должен быть, такъ паче дабы то нажятое имъ имѣніе могло быть употреблено на дачу за него-жъ удобно подлежащаго консистентамъ довольства, не менше того, дабы упять отъ тѣхъ посполитыхъ то лакомство, кои лакомясь на то, что ему свободно нажитое имъ изъ чужихъ грунтовъ при своемъ переходѣ забрать съ собою, ни за кѣмъ постоянно не проживаютъ, но токмо зъ одного на другое мѣсто частой имѣютъ переходъ, не отдавая указно принадлежащаго отъ нихъ въ обще-народныхъ податяхъ, и утрачивая чрезъ разные частые переходы все то изъ чужихъ грунтовъ нажитое имѣніе, а тѣмъ какъ другимъ налично оставшимся подданнымъ причиняя излишнюю тяжесть, такъ и себе приводятъ въ одно разореніе и неминуемую бѣдность. Того ради, во исполненіе оной высочайшей ея императорскаго величества громоты, данной намъ на урядъ гетманского достоинства, которою повелено намъ управлять всякіе войсковіе и гражданскіе дѣла по войсковымъ правамъ, прежнимъ обычаямъ и

постановленнымъ пунктамъ, и въ наблюденіе выше помѣненныхъ малороссійскихъ правъ, малороссійскому народу указами конфирмованныхъ, не менше того во отвращеніе умножившихся на указныхъ консистентовъ не малыхъ доимокъ и слѣдуемыхъ владѣльцамъ и другимъ людемъ отъ взятія съ ихъ грунтовъ нажитого подданными имѣнія обидъ, а болше и самому посполитому народу въ переходѣ своемъ бываемого того изъ чужихъ грунтовъ нажитого имѣнія напрасного ростерянія, *приказуемъ:* по всей малой Россіи учинить публикацію, дабы посполитой народъ, при переходѣ своемъ зъ одного владѣнія въ другое, нажитого ими съ владѣльческихъ грунтовъ имѣнія не забирали и отъ того онымъ владѣльцамъ убытка не наносили; равнымъ образомъ и владѣльцы, принимая изъ чужого владѣнія къ себѣ посполитого, нажитого въ другомъ владѣніи имъ имѣнія не принималибъ, но буде кто въ томъ изобличеннымъ явится, воленъ будетъ владѣлецъ тотъ, отъ которого посполитый отойшолъ съ нажитымъ имѣніемъ къ другому владѣльцу и тамо его принято безъ письменного вида, искать съ того владѣльца слушного удовольства и награжденія, по силѣ малороссійскихъ правъ, по якимъ искамъ въ малороссійскихъ судахъ по тѣмъ же малороссійскимъ правамъ и поступаемо быть должно, безъ всякія отмѣны, оставя имъ посполитымъ свободный въ силѣ ея императорского величества указа переходъ; однако дабы и владѣльцы иногда, подъ видомъ нажитого посполитыми у нихъ имѣнія, задерживать у себе тѣхъ посполитыхъ не могли и тѣмъ волного имъ переходу не воспящали, то долженствуютъ оные посполитые, при отходѣ своемъ, являтся у владѣльцевъ для взятія къ волному себѣ переходу письменного свидѣтельства, которое владѣльцы и давать безспорно должны. А буде каковы владѣльцы въ томъ упрямство показыватимуть, о томъ могутъ тѣ посполитые явится на какой блызшой урядъ, отъ которого и изтребовать то письменное свидѣтельство у владѣльца надлежитъ, или отъ иного уряду таковымъ свидѣтельствомъ снабдѣть, для чего другіе владѣльцы переходящихъ посполитыхъ и принимать безъ свидѣтельствъ не должны; что же принадлежить и до слугъ господскихъ, особливо поступаючихъ въ противность малороссійскимъ правамъ, яко оные служители у господъ въ домахъ ихъ бываючіе, иные свободные и иные съ подданства принятые въ дворовую службу, другіе же за крайнюю нищету свою и сиротство въ службу

упросившіесь и всѣ тые коштомъ владѣльческимъ разного масторства обученные, потомъ не хотя порядочно жить, а свободные, не дослужа уговоренного сроку, починивши шкоды и воровства хозяевамъ своимъ, уходятъ отъ нихъ тайно и безъ отпуску и къ другимъ владѣльцамъ пристаютъ, кои ихъ безъ всякаго вида и безъ пашпортовъ, иногда еще и подговоривъ, принимая, содержатъ, а таковымъ служителямъ безъ отпуску и письменныхъ свидѣтельствъ отъ хозяевъ своихъ отходить и другимъ ихъ принимать тѣми же малороссійскими правами запрещается: того ради, дабы и владѣльцы, чиновники и другіе люды въ принимании, а наче съ подговору, бѣгаючихъ отъ хозяевъ служителей безъ отпуску и письменныхъ свидѣтельствъ воздержаны и такой подлости не косни были и тѣмъ бы правъ малороссійскихъ не нарушили, симъ накрѣпко запрещается; но ежели кто такому приниманію бѣгающихъ хозяйскихъ, безъ отпуску и письменныхъ свидѣтельствъ, колми наче съ подговору, служителей изобличеннымъ явится, то изъ таковыми поступать во всѣхъ малороссійскихъ судахъ, въ случаѣ чіей жалобы, по силѣ малороссійскихъ правъ безъ отмѣны. О чемъ вамъ ко исполненію предлагается. А въ протчіе полки малороссійскіе, также и въ судъ генеральный о семъ же къ исполненію ордера посланы.

На подлинномъ тако:
Гетманъ графъ *К. Разумовскій.*

1760 г.
апрѣля 22-го.

Сообщ. **А. Лазаревскій.**

Пѣснь на случай открытія въ Кіевѣ университета святаго Владиміра іюля 15 дня 1834 года.

Всякое выдающееся событіе въ жизни государственной, общественной и даже личной всегда настраиваетъ чувства человѣка на особый лирическій ладъ, результатомъ чего обыкновенно является у болѣе поэтическихъ натуръ стихотворное изліяніе въ томъ или другомъ видѣ. Конечно, при этомъ не обходится безъ того, чтобы, риѳмоплеты не выступали съ своими вынужденными, а иногда и просто вымученными произведеніями, болѣе повинуясь установившемуся обычаю, нежели влеченію искренняго настроенія. Особенно эта черта присуща была тѣмъ одослагателямъ, которые, со всѣмъ ихъ поэтическимъ вдохновеніемъ, такъ прекрасно охарактеризованы Дмитріевымъ въ сатирѣ «Чужой толкъ». Не обошлось безъ такой хвалебной лирики и отркытіе въ Кіевѣ университета въ 1834 году, какъ не обошлось безъ лирическихъ піесъ и недавнее празднованіе 50-тилѣтія сего открытія. Но какая разница въ направленія поэзіи, если сравнить современную намъ лирику прошлаго года въ стихотвореніяхъ С. Пономарева и г. Тулуба, издавшихъ свои произведенія къ юбилейному торжеству, съ приводимой ниже пѣснью, сложенной 50 лѣтъ назадъ! Пѣснь эта, кажется, нигдѣ въ свое время не напечатанная, сохранилась въ рукописи среди бумагъ покойнаго Максимовича, которому, какъ тогдашнему ректору университета и вмѣстѣ съ тѣмъ представителю всякихъ піитическихъ хитростей, доставлена она была для просмотра, что видно изъ надписи, карандашемъ, кажется, рукою тогдашняго попечителя Брадке: «препровождаю къ Михайлу Александровичу на разсмотрѣніе. 5 іюля 1835». Внизу карандашемъ-же помѣчено: «сочинено бывшимъ старшимъ учителемъ кіевской гимназіи».

Послѣдняя помѣта опредѣляетъ не только званіе и положеніе поэта, воспѣвшаго столь важное для Кіева событіе, какъ открытіе университета, но отчасти и самый возрастъ его и время, къ которому онъ принадлежитъ по воспитанію и знакомству съ искусствомъ поэзіи. Это безъ сомнѣнія риѳмоплетъ конца XVIII ст.,

воспитанный на традиціяхъ хвалебнаго пѣснопѣнія со всѣми пріемами псевдоклассическими, и таково все настоящее его произведеніе, отъ начала и до конца не заключающее въ себѣ ни одной жизненной мысли, ни одного живаго, двигающаго чувство слова. Но это продуктъ мѣстной школы, памятникъ мѣстной, искаженной схоластическою наукою мысли и слова, единственный памятникъ праздновавшагося тогда событія, за которымъ должна была начаться новая умственная жизнь, и ради этого мы даемъ мѣсто этому давно поблекшему цвѣтку кіевской поэзіи.

Какая непостижна сила
Творитъ предъ нами чудеса?
Чья длань и горъ сердца подвигла,
И ихъ вершины пренесла?
Потомковъ зрю теченье новыхъ,
Струями орошать готовыхъ
Младый Минервы вертоградъ;
И чудотворно премѣненье
Въ благоговѣйно восхищенье
Приводитъ древній Кіевъ градъ.

***

Эллада! се твои преславны
Парнассы, Пинды здѣсь стоятъ,
И Иппокренскіе кристальны
Ключи предъ нами токъ струятъ;
Не Фебъ твой,—чадо воображенья,—
Намъ сыплетъ искры просвѣщенья,
Но *Николай* Фебъ симъ странамъ;
Наукамъ храмы созидая
И нынѣ новый открывая,
Онъ юнымъ Аполлонъ умамъ.

***

Возжги свѣтильникъ, Мнемозина,
И намъ на той стезѣ предстань,
Временъ по коей быстродвижна
Проводитъ смертныхъ въ вѣчность длань;

Да мглой забвенья прикровенна,
Сѣдая древность и почтенна
Свой зракъ откроетъ нынѣ намъ,
Да межъ развалинъ свѣтъ мелькаетъ
И да вниманіе склоняетъ
Нашъ слухъ къ нѣмымъ ся словамъ.

***

Когда лучемъ небесной правды
Равноапостольный Ирой
Осіявалъ славенски грады,
Кумирной омраченны мглой:
И расточенныхъ музъ Ахайскихъ
Отъ силы полчищъ Агарянскихъ
Въ свои Скиѳъ кровы принималъ:
Тогда ихъ животворна сила
Въ славенскія сердца проникла,
И нѣкій свѣтъ отъ нихъ блисталъ.

***

И Савроматъ въ кольчугѣ ратной
И въ мразной Агаѳирсъ [1]) странѣ
Восхищены воней пріятной
Цвѣтовъ лишь первыхъ на веснѣ.
Пустынна дебрь перемѣнялась
Во злачный долъ,—на немъ являлась
Паллада съ блещущимъ щитомъ,
И музъ соборъ на брегъ высокій
Взошедъ, и въ Борисѳенски токи
Смотрѣлъ юнѣющимъ лицомъ.
Но что? Не Пириней-ли новый,
Привѣтливый являя видъ,
А въ сердцѣ замышляя ковы,
Призвалъ въ чертоги Аонидъ,

¹) Plin. Hist. Nat. lib. IV, cap. 12.

И предложивъ успокоенье,
Имъ учиняетъ притѣсненье;
Завистникъ тотъ и мрака другъ,
Что дѣвы, крыльями снабдѣнны,
Симъ Мизозофомъ устрашенны,
Оттолѣ улетаютъ вдругъ [1]).

* * *

Нѣтъ, нѣтъ! Перо златое Кліи
Именъ не начертало намъ
Скиптродержателей Россіи,
Желавшихъ тьмы словенъ сынамъ.
Подъ знаменемъ Беллоны ярой
Протекъ, увы! протекъ кровавой
Стезей Эрева сынъ Мунгалъ;
Какъ вѣтръ палящій дуновеньемъ
Грозитъ природѣ изсушеньемъ, —
Дохнетъ на злакъ, и злакъ увялъ.

* * *

Протекъ,—и образъ разоренья
Являлся позади его,
Отъ варваровъ успокоенья
Лишались Меры своего.
Какъ дикій вепрь, сломивъ ограду,
Опустошенье вертограду
Наноситъ яростью клыковъ,
Древа и вѣтви сокрушаетъ,
Рветъ корни, гроздіе съѣдаетъ;
Вослѣдъ Мунгалъ былъ видъ таковъ (?).

* * *

Но твердый духъ сыновъ словенскихъ
Не палъ въ переворотахъ сихъ;
Но Александровъ храбрость Невскихъ,
Геройство Дмитріевъ Донскихъ

---

[1]) Ovid. Met. lib. V, ver. 273 etc.

Безстрашно на враговъ возстали
И звѣрство мужествомъ попрали
Возженнымъ вѣрою въ сердцахъ.
Начало видимъ мы отмщенья,
Для музъ жилищъ уготовленья
Вторична въ скиѳскихъ областяхъ.

***

Возрадуйтесь, мужи священны,
Въ селеньи выспреннемъ небесъ!
Врагъ, древле вами пораженный,
И именемъ межъ насъ исчезъ.
Исчезъ—и гласъ восклицновеній,
Гласъ пламенныхъ благодареній
Въ послѣднихъ возгремитъ родахъ:
Великъ въ царехъ миролюбитель;
Но слезъ всеобщихъ осушитель
Во вѣки будетъ жить въ душахъ.

***

Кумиръ, высоко вознесенный,
Далече мещетъ черну тѣнь;
Тмитъ мглою чувствія смущенны
И въ нощь преобращаетъ день.
Химеры, чуды, привидѣнья,
Взявъ плоть изъ силы вображенья,
По мраку бродятъ и страшатъ;
Въ брань мудролюбца вызываютъ
И самой кротости внушаютъ
Противъ ученья возставать.

***

Но тщетно сей Парнассу грозный
Вознесъ изъ блатъ главу Пиѳонъ;
Готовитъ въ тунѣ лавроносный
Побѣдны стрѣлы Аполлонъ.
Взведите взоръ,—онъ сокрушился,—
Упалъ кумиръ—Петръ воцарился!

Въ ущелья скалъ, во тьму лѣсовъ
Скрываются ночныя птицы
При восхожденіи денницы:
Такъ духъ мечты разгналъ Петровъ.

* * *

Сей духъ, сей благотворный геній,
Преобразившій тьму во свѣтъ,
Небесныхъ гражданинъ селеній
Межъ нами жилъ и днесь живетъ.
Надъ влагой, сушею парящій
Орелъ, и мятежамъ грозящій,
Былъ дивомъ храбрости самой,
Какъ витязи непобѣдимы
Были въ путяхъ руководимы
Безсмертныя жены рукой.

* * *

И росски барды, восхищенны
Величіемъ души Ея,
Ея эгидомъ прикровенны,
Искали славы своея,
Чтобъ безподобной героинѣ
Владычицѣ Екатеринѣ
Хвалы достойны воспѣвать,
Простертый свѣтъ при ней ученья
И благотворны учрежденья
Въ потомствѣ пѣснью передать.

* * *

И пишущій уставы міру
Въ совѣтѣ вѣчномъ начерталъ,
Чтобъ умъ ея, ея порфиру
И жезлъ правленія принялъ
Внукъ Александръ благословенный,
Народовъ щитъ, царей другъ вѣрный,

Любитель музъ и ихъ покровъ;
Чтобъ въ кроткое его правленье
Небесныхъ истинъ возвѣщенье
Прошло и дикарю подъ кровъ.

***

Лучи отъ бриліантовъ новыхъ
Въ златыхъ играютъ музъ вѣнцахъ,
Что отъ щедротъ Богоподобныхъ
Имъ сыплетъ Николай монархъ.
Се вящшее имъ совершенство
И неизмѣнное блаженство
Еще, еще онъ начерталъ!
Воспой, Полянъ потомокъ древнихъ,
Отъ чувствъ твоихъ благоговѣйныхъ
Царю пѣснь громкую похвалъ!

***

Монархъ! Огнемъ любви чистѣйшимъ
Сердца у насъ къ тебѣ горятъ,
И гласомъ истины святѣйшимъ
И музъ языкомъ то твердятъ.
Но слабой лиры пѣснопѣнье
Возможетъ-ли благодаренье
Твоимъ щедротамъ уравнить?
Подъ скипетромъ твоей державы
Она желаетъ только славы,
Чтобы тебѣ угодной быть.

***

А вы, ревнители великихъ
И благотворныхъ дѣлъ царя,
Краса и цвѣтъ сыновъ россійскихъ,
Усердіемъ къ нему горя,
Міръ восхищая лѣпотою,
Вы щедродательной рукою
Въ честь Николая временамъ,

Являя души благородны,
Приносите дары свободны
Въ сей новый Піеридамъ храмъ.

* * *

Се торжество великолѣпно
Для жаждущихъ наукъ умовъ!
Се слава, коей неизмѣнно
До поздныхъ звукъ прійдетъ родовъ,
И усугубившись въ стократныхъ
Восторгахъ чистыхъ, благородныхъ
Грядущимъ временамъ речетъ:
Живетъ во вѣки музъ любитель,
Наукъ великій покровитель,—
И нынѣ меценатъ живетъ.

* * *

О ты, предъ Богомъ предстоящій
Святый святыя Ольги внукъ,
Мольбы за россовъ приносящій,
Воззри на новый храмъ наукъ,
Въ томъ самомъ градѣ сотворенный,
Гдѣ твой престолъ стоялъ священный;
Се Николай, потомокъ твой,
Твоимъ названьемъ украшенъ,
Тебѣ его онъ посвящаетъ
Торжественно, святый герой!—

Сообщ. **В. Науменко.**

Библіографія.

Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изданный Императорскимъ варшавскимъ университетомъ къ 6-му апрѣля 1885 года подъ редакціеюордин. проф. А. Будиловича. Варшава. 1885 года.

Недавно минувшій праздникъ тысячелѣтней годовщины смерти св. Меѳодія вызвалъ обширную ученую литературу по вопросу о происхожденіи русской письменности и распространеніи христіанства среди славянъ, удвоившую предшествующія подобныя же работы въ Кирилловскій юбилей 1863 года. Названный нами сборникъ, не смотря на разновидность своего содержанія, нерѣдко несогласіе въ заключительныхъ выводахъ, занимаетъ въ ней весьма видное мѣсто, и мы считаемъ нужнымъ, хотя въ общихъ чертахъ, ознакомить съ нимъ нашихъ читателей.

Сборникъ заключаетъ въ себѣ шесть болѣе или менѣе объемистыхъ статей, въ общей сложности дающихъ собою солидную книгу свыше 400 страницъ. Статьи носятъ слѣдующія названія и идутъ въ такомъ порядкѣ: 1) Лавровскаго Н. А. *Кириллъ и Меѳодій и начало христіанства въ Россіи*, 2) Будиловича А. С. *Нѣсколько мыслей о греко славянскомъ характерѣ дѣятельности св. Кирилла*, 3) Первольфа О. О. *Словенскій языкъ и его судьбы у народовъ славянскихъ*, 4) Кулаковскаго П. А. *Очеркъ исторіи попытокъ рѣшенія вопроса объ единомъ литературномъ языкѣ у славянъ*, 5) Грота К. Я. *Взглядъ на подвигъ славянскихъ первоучителей съ точки зрѣнія греческаго ихъ происхожденія* и 6) Зигеля Ѳ. Ѳ. *Общественное значеніе дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія*.

Всѣ статьи, какъ видитъ читатель, вращаются около одного и тоже предмета, хотя касаются его съ различныхъ сторонъ и даютъ не всегда согласные между собою выводы; тѣмъ не менѣе всѣ онѣ содержатъ въ себѣ довольно новыхъ данныхъ, не мало мѣткихъ сужденій, остроумныхъ со-

ображеній и сближеній, болѣе или менѣе осмотрительныхъ предположеній и заключеній. Мы не будемъ касаться ни общаго ихъ содержанія, ни частностей, ибо все это удалено отъ программы нашего изданія. Остановимся лишь на одной изъ статей, своимъ содержаніемъ я выводами приближающейся къ затронутому въ нашемъ изданіи вопросу о началѣ письменности. Это замѣчательная по своей краткости и вмѣстѣ полнотѣ, ясности и убѣдительности статья Н. А. Лавровскаго: *Кириллъ и Меѳодій и начало христіанства въ Россіи*, занимающая по достоинству первое мѣсто въ «Меѳодіевскомъ сборникѣ». Уважаемый авторъ выходитъ изъ той извѣстной всѣмъ истины, что великія событія не совершаются внезапно, но что имъ обыкновенно предшествуетъ долгій и сложный подготовительный историческій процессъ, и они сами являются только окончательнымъ выраженіемъ послѣдняго. Указавъ на всенародный актъ крещенія Руси, который заслонилъ собою долгій предшествовавшій процессъ медленнаго и постепеннаго распространенія христіанства и неожиданно открываетъ предъ нами то быстрое развитіе у насъ христіанскаго просвѣщенія, которое выразилось, спустя съ небольшимъ полъ-вѣка, въ блестящемъ словѣ «о законѣ и благодати» перваго русскаго митрополита Иларіона, въ проповѣдяхъ Ѳеодосія печерскаго, Кирилла Туровскаго и въ «словѣ о полку Игоревѣ», г. Лавровскій, хотя вполнѣ раздѣляетъ недоумѣніе профессора Голубинскаго предъ этой быстротой книжнаго развитія, но не считаетъ этого явленія неразгаданнымъ и утверждаетъ, что наши предки задолго до Владиміра пріобщались христіанству и его просвѣщенію и что, слѣдовательно, начавшіе появляться съ половины XI вѣка самостоятельные литературные опыты, такъ удивляющіе насъ теперь, имѣли предъ собой гораздо болѣе продолжительную школу и могли развиться естественно и органически, начавшись еще въ половинѣ IX вѣка. Распространеніе христіанства среди южно-русскихъ славянскихъ племенъ, послѣ всѣхъ сдѣланныхъ до сихъ поръ изслѣдованій о христіанствѣ въ Россіи до Владиміра, авторъ признаетъ не подлежащимъ уже сомнѣнію. Что же касается до письменности, то, по словамъ автора, «процессъ приспособленія языка для выраженія народной жизни совершается не въ одинъ вѣкъ и должно полагать, что тотъ языкъ, на которомъ явились въ IX вѣкѣ наши священныя и богослужебныя книги, богатый, стройный и правильный, съ замѣчательно развитымъ синтаксисомъ, имѣлъ свою длинную, предшествовавшую этому его состоянію исторію. Невольно припоминаются тѣ русскія письмена, которыя нашелъ въ Корсуни св. Кириллъ въ 860 году и которыя, по всей вѣроятности, принадлежали русскимъ славянамъ, жившимъ въ Крыму и по сѣверному побережью Чернаго моря и нахо-

дившимся въ общеніи съ приднѣпровскою Русью. Образованіе и начало употребленія этихъ письменъ, продолжаетъ авторъ, безъ сомнѣнія относится къ далекому прошлому. Срезневскій еще въ 1869 году доказывалъ, что «уставное письмо въ древнѣйшихъ славянскихъ рукописяхъ не соотвѣтствуетъ греческимъ рукописямъ IX -X в., а соотвѣтствуетъ древнѣйшимъ памятникамъ VI–VII в, что въ эпоху дѣятельности первоучителей господствовали надстрочные знаки и правильное употребленіе знаковъ препинанія. чего нѣтъ въ древнѣйшихъ славянскихъ рукописяхъ». Не смотря однако на такое очевидное доказательство древности нашей письменности, осторожный авторъ не рѣшается относить начало оной раньше половины IX вѣка, мѣстомъ-же изобрѣтенія до кирилловской церковно-славянской азбуки и г. Лавровскій, на ряду съ другими, считаетъ Корсунь, чему вѣскія доказательства представлены въ рѣчи профессора Θ. Успенскаго, помѣщенной въ майской книжкѣ «Кіевской старины». Мнѣніе о томъ же профессора А. С. Будиловича примыкаетъ къ мнѣніямъ Н. А. Лавровскаго и Θ. М. Успенскаго.

Слѣдя частности, въ родѣ указанной нами, много любопытнаго можно бы указать и въ другихъ статьяхъ «Меѳодіевскаго сборника», въ особенности въ выдающейся статьѣ профессора Первольфа: «Славянскій языкъ и его судьба у народовъ славянскихъ», но, повторяемъ, мы должны держаться въ предѣлахъ программы изданія и ограничить нашу замѣтку о почтенномъ сборникѣ нашихъ варшавскихъ ученыхъ этими немногими словами.

И. Каманинъ.

Священникъ Климентъ Θоменко. Неразъясненный вопросъ въ древнихъ сказаніяхъ о преніяхъ славянскихъ первоучителей съ козарскими евреями. Кіевъ. 1885 года.

Его-же. Пещерные храмы въ Крыму. Кіевъ. 1884 года.

Къ числу изданій совершившагося юбилея относится также первая изъ названныхъ брошюръ. Она посвящена вопросу о томъ, кто были и гдѣ жили тѣ козарскіе евреи, съ которыми препирались о вѣрѣ свв. Кириллъ и Меѳодій, проповѣдники которыхъ предлагали потомъ кн. Владиміру свою вѣру, которыхъ упрекалъ и съ которыми спорилъ о Христѣ преподобный Ѳеодосій печерскій и которые наконецъ были настолько сильны въ Корсунѣ, что въ день св. Пасхи распяли на крестѣ преподобнаго Евстратія печерскаго. Вопросъ этотъ до сихъ поръ разрѣшался

какъ-то мимоходомъ и не подвергался спеціальной разработкѣ. Нельзя сказать, чтобы на этотъ разъ онъ былъ разрѣшенъ окончательно и вполнѣ основательно; тѣмъ не менѣе въ брошюрѣ о. Ѳоменка находится довольно любопытныхъ соображеній и выводовъ, о которыхъ мы и скажемъ нѣсколько словъ.

Сопоставляя свидѣтельства житія свв. Кирилла и Меѳодія и данныя Несторовой лѣтописи, авторъ находитъ, что если св. братья были приглашены козарами для огражденія ихъ, съ одной стороны, отъ евреевъ (слѣдовательно не отъ козарскихъ), а съ другой—отъ сарацинъ, усиливавшихся, какъ и тѣ, обратить ихъ въ свою вѣру, и если козарскіе евреи отвѣтили св. Владиміру, что отечество ихъ въ Іерусалимѣ, а сами они расточены по всей землѣ (чего не могли-бы сказать козары, вышедшіе изъ-за Каспійскаго моря), то это должны были быть туземные крымскіе евреи. Чтобы установить вѣроятную догадку о томъ, какіе это были евреи, т. е. іудеи или израильтяне, о. Ѳоменко слѣдитъ судьбу обоихъ народовъ: собственно іудеи окончили, какъ извѣстно, путь свой составленіемъ Талмуда, израильтяне-же приведены судьбой къ самарянскому расколу, завершившемуся потомъ протестомъ противъ «преданія старцевъ» и признанія одного лишь «писаннаго закона»; уцѣлѣвшимъ остаткомъ этого послѣдняго народа, этихъ протестантовъ въ еврействѣ является караимская секта въ Крыму. Авторъ старается утвердить то мнѣніе, что именно эту секту надо разумѣть во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ нашихъ лѣтописяхъ выступаютъ козарскіе евреи. Только она, эта отверженная горсть людей, не имѣвшая права успокоить свои кости на настоящей Іосафатовой долинѣ, но заброшенная судьбою на полуостровъ и пораженная сходствомъ Чуфутъ-Кале и его окрестностей съ Іерусалимомъ, только она, по мнѣнію автора, могла основать вторую Іосафатову долину въ Мертвомъ городѣ. Основываясь на сочиненіяхъ караимскихъ раввиновъ, о. Климентъ думаетъ, что остатки израильтянъ проникли въ Крымъ съ войсками Кира и Дарія Гистаспа. Но намъ кажется, что если можно еще допускать появленіе евреевъ въ Крыму съ Даріемъ, то отнесеніе этого факта ко времени Кира болѣе чѣмъ сомнительно, такъ какъ племена, въ борьбѣ съ которыми погибъ основатель персидскаго могущества, занимали окрестности Аральскаго моря. Вѣроятнѣе предполагать, что эмиграція караимовъ въ Крымъ началась въ эпоху римскаго владычества надъ Палестиной; тогда понятно будетъ, почему древнѣйшіе надписи, найденныя извѣстнымъ археологомъ-караимомъ А. Фирковичемъ, относятся лишь къ 8-му и 30-му году по Рождествѣ Христовомъ, и почему не встрѣчается памятниковъ болѣе ранняго времени. Такъ или иначе, но пребываніе караимовъ въ Крыму въ до-христіанское время

доказано авторомъ весьма убѣдительно и едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Но Крымъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мѣстомъ ссылки первыхъ христіанъ, а потому ученіе Христа, при своемъ распространеніи, должно было столкнуться съ закономъ Моисея и это столкновеніе выразилось въ попыткѣ караимовъ обратить въ свою вѣру козаръ, для огражденія которыхъ крымскіе христіане и вызвали свв. Кирилла и Меѳодія. Занятіе караимовъ торговлей весьма рано могло привести ихъ въ Кіевъ, гдѣ они и предлагали свою вѣру св. Владиміру а потомъ подвергались укорамъ со стороны препод. Ѳеодосія. Хотя это мнѣніе намъ кажется весьма правдоподобнымъ, но не лишено основанія и другое, по которому допускается, что въ Кіевъ могли проникнуть и евреи талмудисты вслѣдствіе частыхъ и несомнѣнныхъ сношеній южной Руси съ западомъ. Во всякомъ случаѣ, почтенный авторъ выдвигаетъ интересный вопросъ въ исторіи русскихъ евреевъ.

Говоря о евреяхъ и еврейской колоніи въ Кіевѣ, о. Климентъ высказываетъ догадку, что эта колонія и упоминаемыя лѣтописью жидовскія ворота находились у Днѣпра, близъ древняго села Берестова. Но въ пользу его догадки можетъ быть приведено доводомъ только хожденіе по ночамъ преподобнаго Ѳеодосія къ евреямъ для препій о вѣрѣ, между тѣмъ какъ и Закревскій и Максимовичъ согласно утверждаютъ, что жидовскія ворота это тѣ-же львовскія и находились за оградой софійскаго собора; мнѣніе этихъ двухъ ученыхъ кажется намъ болѣе вѣроятнымъ.

Не менѣе любопытное изслѣдованіе, хотя также основанное болѣе на предположеніяхъ, нежели на твердыхъ научныхъ данныхъ, представляетъ вторая выше названная брошюра того-же автора—о пещерныхъ храмахъ въ Крыму, которые о. Климентъ имѣлъ случай наблюдать на обратномъ пути своемъ изъ Іерусалима чрезъ Крымъ въ Кіевъ. Храмы эти, по словамъ одного путешественника XVII в., пронизываютъ горы, «подобно стрижамъ (гнѣздамъ ласточекъ), комора объ комору, высоко и низко, на полверсту и больше». Устройство ихъ во многомъ отличается отъ храмовъ позднѣйшаго времени, главное-же ихъ отличіе заключается въ устройствѣ алтарей. «Вмѣсто иконостаса здѣсь стоитъ каменная преграда во всю высоту пещернаго храма. Преграда эта изсѣчена въ самой скалѣ, а за нею далѣе изсѣченъ малый алтарь храма. Вмѣсто царскихъ вратъ въ преградѣ изсѣчены изъ монолита двѣ колонны во всю высоту пещернаго храма. Сѣверныхъ и южныхъ вратъ вовсе нѣтъ (такое-же устройство алтарной преграды авторъ видѣлъ и въ древнемъ коптскомъ храмѣ въ Каирѣ). На томъ мѣстѣ, гдѣ у насъ обыкновенно поставляются

мѣстныя иконы Спасителя и Богоматери, здѣсь въ монолитной преградѣ высѣчены два окна. Чрезъ правое окно можно было принимать исповѣдь кающихся, чрезъ лѣвое—поминовеніе на проскомидіи. Устройство престола имѣетъ ту выдающуюся особенность, что онъ непосредственно присоединенъ къ восточной стѣнѣ и есть небольшой камень, высѣченный въ самой скалѣ. Такъ устроены престолы во всѣхъ пещерныхъ храмахъ въ Крыму. По правую сторону престола, съ боку его, а не на горнемъ мѣстѣ, высѣчено изъ камня сѣдалище для священнослужащаго. Алтарь храма такъ малъ, что, сидя на этомъ сѣдалищѣ, священнодѣйствующій могъ принимать чрезъ правое оконко и исповѣдь». Въ этихъ храмахъ всегда устраивались усыпальницы и теперь въ нихъ постоянно находятъ черепы и другія части человѣческаго скелета. Надъ престоломъ выдалбливались ниши, служившія для мощей святыхъ. Многія изъ пещеръ украшены фресками, которыя авторъ относитъ къ тому-же времени, какъ и кіево-софійскія. Изъ этого описанія крымскихъ храмовъ нельзя, намъ кажется, не видѣть большаго сходства въ устройствѣ ихъ съ храмами въ римскихъ катакомбахъ, относящимися приблизительно къ тому-же времени, какъ и пещерные. Авторъ не ставитъ своей задачей этого сравненія, также какъ и разрѣшенія вопроса о томъ, составляютъ-ли пещерные храмы вторую ступень въ развитіи церковно-архитектурнаго искусства, или-же различіе между ними и храмами римскихъ катакомбъ зависитъ отъ условій мѣста и обстоятельствъ, въ которыя поставлены были ссыльные христіане на нашемъ полуостровѣ, но предоставляетъ это труду будущихъ изслѣдователей, людей, спеціально подготовленныхъ для этой цѣли; своей-же брошюрой онъ хотѣлъ только вызвать вниманіе послѣднихъ къ этимъ древнимъ святынямъ, и мы вполнѣ присоединяемся къ желанію автора, чтобы она достигла указаннаго назначенія и вызвала-бы всестороннее изученіе пещерныхъ храмовъ въ церковно-археологическомъ отношеніи [1]). Но брошюра имѣетъ и практическое значеніе, какъ руководство при ознакомленіи въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи съ моделями крымскихъ пещерныхъ поселеній и храмовъ. Въ этомъ музеѣ хранится довольно полная коллекція гипсовыхъ слѣпковъ съ крымскихъ древностей. Гипсовыя модели пещерныхъ жилищъ и храмовъ были сдѣланы художникомъ-археологомъ Струковымъ и пріобрѣтены императорскою академіею

---

[1]) Въ прошломъ году, на археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ, однимъ изъ членовъ его, протоіереемъ Чепурнымъ сдѣланъ былъ докладъ объ этихъ храмахъ, съ представленіемъ снимковъ стѣнной фресковой живописи.

художествъ, гдѣ они были помѣщены въ архитектурномъ музеѣ. Въ мартѣ 1882 года модели были пожалованы церковно-археологическому обществу при кіевской академіи августѣйшимъ покровителемъ этого общества великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ и составляютъ теперь одно изъ лучшихъ украшеній академическаго музея.

И. Каманинъ.

Межигорская старина. Кіевъ. 1885.

«Губернскія Вѣдомости» съ давнихъ поръ время отъ времени помѣщаютъ на своихъ страницахъ документы, касающіеся мѣстной исторіи. Подольскія «Губернскія Вѣдомости» съ нынѣшняго года открыли для этого у себя особый отдѣлъ и издаютъ акты въ видѣ приложеній; но объ этомъ скажемъ особо. Подобныя работы входятъ существенно въ програму «Губернскихъ Вѣдомостей» и можно лишь радоваться, если эти мѣстныя изданія приближаются и въ этомъ къ прямой своей задачѣ. Успѣхъ зависитъ отъ богатства мѣстныхъ архивовъ, отъ умѣнья сдѣлать надлежащій выборъ, хорошей группировки, равно отъ нѣкоторой обраоотки и освѣщенія печатаемаго матеріала.

Кіевскія «Губернскія Вѣдомости», въ теченіи 50-ти лѣтняго своего существованія, много разъ принимавшіяся за это дѣло, въ послѣдніе годы посвятили ему особенное вниманіе. Только что окончился въ нихъ печатаніемъ рядъ дѣлъ, касающихся древнѣйшаго въ южной Руси Кіевомежигорскаго монастыря, и отдѣльные оттиски ихъ дали брошюру, заглавіе которой мы выше привели. Брошюра заключаетъ въ себѣ 86 страницъ; въ ней помѣщено 11-ть дѣлъ въ извлеченіи и сокращеніи. Итакъ, мы имѣемъ еще одинъ сборничекъ матеріаловъ для исторіи Кіева и его окрестностей, въ частности одной изъ древнѣйшихъ нашихъ обителей.

Напечатанныя дѣла извлечены изъ обрывковъ стараго архива кіевскаго губернскаго правленія, о судьбѣ котораго намъ не разъ приходилось говорить. Одно можно повторить: напечатанное теперь погибло-бы, быть можетъ, завтра, если бы не было напечатано.

Все это дѣло рукъ того же редактора неофиціальной части Кіевскихъ «Губернскихъ Вѣдомостей», г. Андріевскаго, о нарочитыхъ выпускахъ подобныхъ матеріаловъ котораго столько уже разъ говорилось у насъ,—дѣло привычное, умѣлое, производимое скоро, безъ особыхъ хлопотъ и затратъ. Дѣйствительно, надо имѣть большую снаровку, чтобы справляться съ многосложными и многословными архивными дѣлами, не выходящими изъ ряда обыкновенныхъ текущихъ дѣлъ. Г. Андріевскій прибѣгаетъ въ

своихъ изданіяхъ въ сокращеніяхъ, притомъ двухъ родовъ: сокращаетъ отдѣльныя, постоянно повторяющіяся слова, каковы въ особенности названія разныхъ правительственныхъ учрежденій, обозначая ихъ нерѣдко одними начальными буквами, опускаетъ длинные титулы, вообще начало бумагъ и не менѣе длинные заключенія и подписи,—выпускаетъ и цѣлыя бумаги, служащія лишь переходомъ дѣла изъ одной инстанціи въ другую, обозначая кратко самый переходъ, судъ дѣла и его результаты. Съ такою экономіею отпечатанная, небольшая съ виду брошюрка даетъ много цѣннаго и весьма любопытнаго матеріала.

Въ напечатанныхъ 11-ти дѣлахъ давно уничтоженная древнѣйшая наша обитель проходитъ предъ нами на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ, какъ живой человѣкъ, со всѣми ея достатками, имуществомъ и учрежденіями, помѣщеніями и обстановкой, съ труждающимися въ ней людьми, живущими и умирающими, съ ея заботами, печалями и радостями, съ ея правами и привилегіями, то оспариваемыми, то утверждаемыми и въ общемъ очерчивающими ея судьбу въ теченіи вѣковъ,—съ ея наконецъ святымъ призваніемъ, подвигами и страданіями, и въ тоже время гнѣздившимися въ ней людскими пороками и слабостями.

Установилось въ южно-русской нашей исторіи мнѣніе, что межигорская обитель была метрополіею для Запорожья и что въ нее удалялись запорожцы на обѣтъ и послушаніе, для спасенія своей души. И что-же? первое изъ напечатанныхъ въ «Межигорской Старинѣ» дѣлъ, озаглавленное: «*Послушники межигорского монастыря запорожцы на рыбной ловлѣ въ дачахъ кіево печерского монастыря*, случайно выдвигаетъ главныхъ пять, а всѣхъ вообще 14 запорожцевъ, одновременно скопившихся въ Межигорьѣ на послушаніи. А читая кратко изложенное дѣло видишь въ этихъ послушникахъ истыхъ сѣчевиковъ. За плохимъ вѣроятно уловомъ рыбы на собственныхъ водахъ, эти послушники-сѣчевики, залечивавшіе въ обители свои боевыя раны, подъ начальствомъ то іеромонаха Ѳеодосія, то монаха Якова, быть можетъ также сѣчевиковъ, на трехъ дубахъ, съ неводомъ, ружьями и дубинами, день за днемъ, въ ночную пору, наѣзжають на лаврскія озера, какъ подъ стѣны Азова или Кизикирменя, и наловивъ рыбы, возвращаются въ свои келіи съ богатою добычею. Но не дремали и печеряне. На защиту лаврскаго добра сталъ полатный іеромонахъ Поликарпъ и 2 сентября 1739 г., вооруживъ болѣе 50 лаврскихъ подданныхъ, разбилъ отважныхъ межигорцевъ, и захвативъ пятерыхъ изъ нихъ въ плѣнъ, засадилъ ихъ въ лаврскую ткачню, а затѣмъ препроводилъ ихъ въ кіево-губернскую канцелярію. Результатомъ такого неудачнаго для межигорцевъ похода было то, что 14 изъ нихъ попросились въ дѣйствующую гр. Миниха армію, куда вѣроятно и были от-

правлены.—Въ томъ-же родѣ дѣло подъ № VII о защитѣ межигорскими монахами смежной съ ихъ монастыремъ лѣсной пущи, которую оспаривалъ у него кіевскій магистратъ и которую подвладные ему мѣщане кіевскихъ предмѣстій Куреневки и Пріорки стали вырубать. Тутъ храбро и отважно дѣйствуетъ полатный іеродіаконъ Іероѳей: въ мірскомъ платьѣ, съ пистолетами вокругъ всего пояса, съ 70-ю монастырскими слугами и подданными, вооруженными списами и дубинами, онъ, съ тактикою военною, зашелъ въ тылъ мѣщанамъ, рубившимъ пущу, напалъ на ихъ домы, разграбилъ ихъ имущество, нападалъ на ихъ хутора съ ожесточенною стрѣльбою и т. д.—Какой богатый матеріалъ для характеристики порядковъ, монастырскихъ и общественныхъ нравовъ того времени!—Производившееся по этому поводу между межигорскимъ монастыремъ и кіевскимъ магистратомъ исковое дѣло, проходившее много инстанцій и неоконченное еще и въ 1780 г., за 6-ть лѣтъ до упраздненія монастыря, воспроизводитъ длинную его исторію и даетъ множество свѣдѣній не только для нея, но вообще и для исторіи края.

Минуемъ другія, весьма интересныя въ томъ или другомъ отношеніи дѣла, помѣщенныя въ «Межигорской Старинѣ»; но не можемъ обойти молчаніемъ крайне характернаго дѣла подъ № X «о смертномъ убивствѣ кіево-межигорскаго монастыря подданными заграничнаго с. Карапышева шляхтича Адама Лясковскаго». Жена этого шляхтича, по неизвѣстнымъ причинамъ, бѣжала отъ него и скрывалась близъ монастыря межигорскаго въ с. Петровцахъ. Мужъ провѣдалъ о томъ и явился для розысковъ; но какъ село подвластно было монастырю, то надо было обратиться въ монастырь какъ за благословеніемъ архимандрита, такъ и за полученіемъ ближайшихъ свѣдѣній о бѣжавшей. Много водки и вишневки истрачено было шляхтичемъ Лясковскимъ на развѣдки, много мелкихъ чертъ внутренней жизни обители всплыло при этомъ. Лясковскій открылъ наконецъ убѣжище своей жены; въ захватѣ оной въ ночную пору взялись помочь ему монастырскіе послушники Иваницкій, гулящій дьячекъ изъ гетманщины, и б. запорожецъ Перехристъ. Но ихъ прельстили богатые пистолеты шляхтича и они зарѣзали его ночью въ лѣсу, на пути къ убѣжищу его жены. Условившись объ убійствѣ, они цѣловали крестъ, бывшій на шеѣ у Перехриста, что не станутъ другъ друга выдавать. Перехристъ былъ изъ жидовъ г. Збаража, въ 1732 г. попалъ въ плѣнъ къ запорожцамъ, ими крещенъ, грамотѣ обученъ и принятъ въ «товариство». Когда Иваницкій не соглашался на убійство, ради смертности сего грѣха, Перехристъ истинно по-запорожски убѣждалъ его: *за ляха-де грѣха не будетъ.*

Послѣднее, помѣщенное въ настоящемъ изданіи дѣло выдвигаетъ предъ нами давно знакомую намъ по исторіи кіевской академіи личность Анны Гулевичевой-Лозкиной, пожертвовавшей въ 1615 г. свой дворъ въ Кіевѣ на Подолѣ для кіево-братскаго монастыря и его школы, впослѣдствіи академіи. Теперь, въ 1651 г., она, подчашина кіевская, по 2-му мужу Козинская, находится во «всекрайнѣйшей нуждѣ», беретъ у межигорскаго игумена Варнавы Лебедевича въ займы 2 тысячи злотыхъ и въ залогъ и за проценты (7% со ста) отдаетъ монастырю свою слободку Красную Луку со всѣми ея доходами и желѣзною рудою впредь до выплаты долга.

К. Цыбульскій.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

МОЛДАВСКІЯ СВѢДѢНІЯ О МѢСТѢ ПОГРЕБЕНІЯ И МОГИЛѢ МАЗЕПЫ.

Послѣ бѣгства Карла XII изъ-подъ Полтавы въ турецкіе предѣлы, Мазепа умеръ въ лагерѣ шведскаго короля около Бендеръ, въ селѣ Варницѣ. Мѣсто его погребенія оставалось долго неизвѣстнымъ. Бантышъ-Каменскій, описавшій подробно похороны Мазепы на основаніи извѣстій, заимствованныхъ Энгелемъ изъ шведскихъ источниковъ, высказалъ предположеніе о мѣстѣ его погребенія въ слишкомъ положительной формѣ, утверждая, что «тѣло Мазепы предано въ землѣ въ Варницѣ близъ Бендеръ» [1]). Свѣдѣніе это повторилъ Николай Маркевичъ въ своей «Исторіи Малороссіи» еще въ болѣе положительной формѣ; описавъ похороны со словъ Бантышъ-Каменскаго, Маркевичъ заключаетъ разсказъ словами: «Онъ лежитъ въ Варницѣ близъ Бендеръ» [2]). Н. И. Костомаровъ въ первомъ изданіи своей монографіи о Мазепѣ повторилъ мнѣніе Бантышъ-Каменскаго о похоронахъ въ Варницѣ, но, нашедши въ шведскихъ источникахъ ошибочное свѣдѣніе о переносѣ тѣла гетмана въ Яссы, старался помирить оба извѣстія; вслѣдствіе этого онъ говоритъ: «Его (Мазепу) опустили въ землю недалеко отъ королевскаго стана въ Варницѣ, близъ Бендеръ, но, спустя немного времени,

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, т. III, стр. 124 и примѣч. 187.

[2]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т. II, стр. 505.

перевезли гробъ его въ Яссы и тамъ совершили торжественные похороны». Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе похоронъ по извѣстіямъ Энгеля, Бантыша и шведскихъ мемуаровъ [1]). Между тѣмъ мнѣніе, высказанное Бантышемъ, мало по малу распространилось среди публики; туристы заѣзжали по временамъ въ Варницу и разыскивали мѣсто погребенія Мазепы—таковымъ признали древній, дохристіанскій, полуосыпавшійся курганъ на берегу Днѣстра [2]) и на немъ предавались размышленіямъ о судьбѣ Мазепы и суетѣ земнаго величія.

Ошибка Бантыша первый разъ была обнаружена въ «Кіевской Старинѣ» 1883 года; здѣсь былъ напечатанъ допросъ, снятый съ одного изъ болѣе видныхъ сторонниковъ Мазепы—Григорія Павловича Герцыка, который въ 5 пунктѣ своего отвѣта показалъ, что послѣ смерти Мазепы племянникъ послѣдняго Войнаровскій посылалъ Герцыка съ двумя «челядниками» провожать тѣло Мазепы изъ Бендеръ въ Галацъ, «гдѣ тамошнимъ митрополитомъ тотъ трупъ тамо похороненъ» [3]). Въ виду этого извѣстія Н. И. Костомаровъ во второмъ изданіи «Мазепы» съ свойственною ему научною добросовѣстностью отстранилъ мнѣніе Бантыша о погребеніи въ Варницѣ и шведскія извѣстія о похоронномъ торжествѣ въ Яссахъ и призналъ Галацъ мѣстомъ погребенія умершаго гетмана [4]).

Такимъ образомъ былъ констатированъ фактъ погребенія Мазепы въ Галацѣ; гораздо болѣе подробный разсказъ объ этомъ фактѣ и о послѣдующей судьбѣ Мазепиной могилы мы нашли недавно въ румынскихъ источникахъ. Нѣсколько отрывковъ изъ молдавскихъ лѣтописей, или точнѣе мемуаровъ, относящихся къ исторіи первой четверти XVIII в., изданы были во французскомъ переводѣ маіоромъ Кагальничано въ Яссахъ въ 1845 году, подъ заглавіемъ: «Отрывки изъ молдавскихъ и валашскихъ хроникъ, какъ матеріалы для исторіи Петра Великаго, Карла XII, Станислава Лещинскаго, Димитрія Кантемира и Константина Бранкована» [5]). Во второмъ изъ отрыв-

[1]) Костомаровъ, Мазепа, изданіе 1883 г., стр. 438—439.

[2]) Аѳанасьевъ-Чужбинскій, Поѣздка въ южную Русь, т. II, стр. 388.

[3]) «Кіевская Старина», мартъ 1883 г., стр. 600.

[4]) Костомаровъ, Мазепа и мазепинцы, изданіе 1885 г, стр. 582.

[5]) Fragments, tirés des chroniques Moldaves et Valaques pour servir à l'histoire de Pierre le Grand, Charles XII, Stanislas Leszchyński,

ковъ, помѣщенныхъ въ этомъ изданіи, извлеченномъ изъ хроники Николая Костина, великаго логофета Молдавіи (1662—1711) находимъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія о смерти и погребеніи Мазепы:

«18 марта 1710 года умеръ въ Бендерахъ гетманъ Мазепа. Похоронный обрядъ былъ совершенъ въ приходской церкви села Варницы около Бендеръ, затѣмъ его тѣло отправлено въ Галацъ, гдѣ оно было похоронено въ монастырѣ св. Георгія; но даже въ могилѣ Мазепа не нашелъ спокойствія, которымъ не пользовался при жизни. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ похоронъ, во время прутской кампаніи, бывшей при господарѣ Дмитріѣ Кантемирѣ, турки заняли и разграбили городъ Галацъ; они отрыли тѣло Мазепы, разсчитывая найти большія сокровища въ его могилѣ и, какъ говорятъ, выбросили его кости на берегъ Дуная. Утверждаютъ, что послѣ его смерти у него нашли сумму въ 160,000 золотыхъ червонцевъ и, сверхъ того, значительное количество серебряной монеты; но изъ нихъ 40,000 червонцевъ взялъ Карлъ XII, остальное-же имущество досталось его племяннику Войнаровскому» [1]).

Заинтересованный этимъ извѣстіемъ издатель отрывковъ, г. Кагальничано, нарочно отправился въ Галацъ для провѣрки извѣстія на мѣстѣ и для собранія свѣдѣній о современномъ ему состояніи мазепиной могилы. Вотъ интересныя и подробныя свѣдѣнія, которыя ему удалось собрать въ Галацѣ о дальнѣйшей судьбѣ гробницы злополучнаго гетмана:

«Монастырь св. Георгія въ Галацѣ—старинное зданіе, расположенное въ прекрасной мѣстности на берегу Дуная; зданіе само построено генуэзцами еще раньше того времени, когда возникло молдавское господарство. Гетманъ Мазепа былъ похороненъ въ немъ на самой срединѣ церкви въ склепу, сложенномъ изъ кирпичей, надъ нимъ въ полу церкви положена была надгробная плита съ надписью и гербомъ Мазепы, на которомъ, между прочими эмблемами, былъ изображенъ одноглавый орелъ. Вѣроятно послѣ опустошенія Галаца турками гробница гетмана была возстановлена его приверженцами, ибо надгробная плита, хотя разбитая, до недавняго

Démètre Cantimir et Constantin Brancovan par le major M. Kagalnicean, Jassi, 1845.

[1]) Также, стр. 91—92.

еще времени находилась посреди церкви; надпись мало по малу истерлась отъ хожденія по ней, но изображеніе орла на гербѣ можно было ясно различить. Въ 1835 году греческіе монахи не знали уже имени лица, погребеннаго въ ихъ церкви; въ этомъ году они хотѣли похоронить среди церкви умершаго тогда бояра, называвшагося сердарь Димитрій Деректчи баша; приготовляя для него могилу, наткнулись на сводъ мазепинскаго склепа и открыли его; внутри оказался черепъ и скелетъ гетмана, монахи отодвинули въ сторону невѣдомые имъ останки и въ томъ-же склепу положили тѣло упомянутаго боярa. Нѣсколько лѣтъ спустя молдавское правительство издало указъ, воспрещавшій хоронить мертвыхъ внутри церковныхъ зданій; тогда родственники Деректчи-баши открыли гробницу его, вынули его останки, вмѣстѣ съ костями Мазепы и, отслуживъ панихиду, перенесли ихъ въ новую гробницу, приготовленную внѣ церкви на право отъ входа. Тогда-же снята была и старая разбитая надгробная плита и въ качествѣ историческаго памятника подарена Михаилу Гикѣ, брату бывшаго молдавскаго господаря, собиравшему историческій музей. Вѣроятно нынѣ она находится въ его дворѣ среди множества другихъ камней съ надписями и изваяніями, которые онъ собиралъ на пространствѣ всего молдавскаго княжества».

«Такъ какъ на старой надгробной плитѣ явственно можно было отличить орла, то родственники Деректчи-баши, заказавъ новую плиту изъ бѣлаго мрамора, приказали на ней вырѣзать такое-же изображеніе, въ воспоминаніе лица, случайно раздѣлившаго могилу близкаго имъ человѣка; но рѣзчикъ, не заботясь о геральдической точности, изобразилъ, вмѣсто прежняго двуглаваго, австрійскаго орла. Плиту эту можно видѣть нынѣ по правую сторону у входа въ церковь; я ее осматривалъ въ настоящемъ году (1845), когда ѣздилъ въ Галацъ съ цѣлью произвести на мѣстѣ разысканія относительно останковъ Мазепы»[1]).

Такимъ образомъ, благодаря научной пытливости г. Кагальничано, собраны на мѣстѣ свѣдѣнія о судьбѣ мазепиной гробницы до 1845 г. Мы не знаемъ, какая судьба постигла за истекшія 40 лѣтъ музей Михаила Гики и хранившуюся въ немъ плиту,—не знаемъ

[1]) Ibid., стр. 91—92 примѣчаніе.

также, есть-ли въ церковныхъ книгахъ монастыря св. Георгія современная происшествію запись о похоронахъ Мазепы; но, благодаря точнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Кагальничано, полагаемъ, что всякій путешественникъ, заинтересованный южно-русскою стариною, весьма легко можетъ собрать въ Яссахъ и Галацѣ недостающія намъ свѣдѣнія.

В А

СЕРБЫ ВЪ КІЕВѢ.

Подъ такимъ заглавіемъ была уже напечатана въ «Кіевской Старинѣ» (см. февральск. кн. 1885 г.) небольшая замѣтка, составленная на основаніи сообщенныхъ мною автору ея документовъ, характеризующихъ «нѣкоторыя стороны внутренней жизни будущихъ колонистовъ, ихъ взаимныя отношенія и самый способъ ихъ отправленія». Въ настоящее время я нашелъ нѣсколько документовъ, характеризующихъ до нѣкоторой степени отношенія переселявшихся въ Россію сербовъ къ мѣстному населенію во время пребыванія ихъ въ г. Кіевѣ. Эти-то отношенія, насколько онѣ сказываются въ найденныхъ мною документахъ, и служатъ предметомъ настоящей замѣтки.

Рѣчь идетъ о той колонизаціи австрійскими сербами сѣверной части Новороссіи, которая задумана была нашимъ правительствомъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, въ царствованіе императрицы Елисаветы. Послѣ обнародованія откровенныхъ записокъ одного изъ дѣятелей этой колонизаціи, Пишчевича, не остается уже никакого сомнѣнія въ томъ, что это была одна изъ неудачнѣйшихъ мѣръ правительства и что призванные, точнѣе принятые имъ тогда «братушки», облеченные у насъ полковничьими и генеральскими чинами, были не что иное, какъ ловкіе авантюристы, проще сказать, проходимцы, нарушившіе покой страны, наводнившіе ее невозможнымъ сбродомъ буйныхъ и преступныхъ людей разныхъ національностей, добившіеся незаслуженныхъ почестей и богатствъ и поглотившіе безъ пользы и нужды огромныя суммы государства.

Какъ кажется, сборнымъ пунктомъ для прибывавшихъ въ Россію сербовъ былъ назначенъ Кіевъ; здѣсь комплектовались и долгое время оставались команды генерала Хорвата и Шевича съ Прерадовичемъ.

Понятно, что переселявшіеся къ намъ «братушки» далеко не были пріятными гостями для мѣстнаго населенія; послѣднему прежде всего пришлось крѣпко потѣсниться для нихъ, довольно долго нести обременительную постойную повинность. Столкновенія изъ-за этого начались, можно сказать, съ первыхъ-же дней появленія сербовъ въ Кіевѣ и поселили между ними и кіевскими обывателями враждебныя чувства, выразившіяся вскорѣ въ нѣкоторомъ издѣвательствѣ послѣднихъ надъ своими гостьми.

Прибывъ въ Кіевъ въ октябрѣ 1751 года, сербы команды генерала Хорвата въ генварѣ 1752 г. формально жалуются генералъ-губернатору Леонтьеву на то, что-де «подольскіе обыватели и многіе студенты не малое посмѣятельство имъ чинятъ и съ великимъ поруганіемъ называютъ ихъ женъ цыганками, потому что они имѣютъ на головѣ уборъ, булавками заткнутой, и будто-бы пріѣхали сюда булавками торговать». Объ этихъ насмѣшкахъ заявляла и сама генеральша Хорватова, прося, чтобы «женской полъ отъ такого ругателного посмѣятелства защищенъ былъ». Согласно требованію Леонтьева, кіевскій магистратъ разослалъ по всѣмъ цехамъ и сотнямъ особыя «притвержденія», чтобы обыватели обходились съ сербами «по единовѣрію дружелюбно и ласково, а не грубіянски».

Но слишкомъ продолжительное пребываніе сербовъ не могло благопріятствовать развитію этого «дружелюбія» и магистратъ самъ въ теченіи трехъ лѣтъ посылалъ въ правительствующій Сенатъ нѣсколько разъ ходатайства объ освобожденіи города отъ безпокойныхъ квартирантовъ, которые-де «неудобь сносніе магистрату и мѣщанству обиды и озлобленія дѣлаютъ».

Въ маѣ мѣсяцѣ 1753 года магистратъ снарядилъ особую депутацію въ Петербургъ по своимъ дѣламъ и въ жалобѣ, поданной въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, которая вѣдала сербскихъ выходцевъ, настойчиво просилъ освободить городъ отъ сербовъ, «отъ которыхъ онъ поноситъ всякія нужды, разоренія, пакосты и крайнее поруганіе». Магистратъ заявлялъ, что сербы самовольно заняли и опустошили городскіе сѣнокосы, что для отопленія квартиръ сербовъ, въ виду бѣдности обывателей, на счетъ города выдавались дрова, что, вмѣсто всякой благодарности, магистратъ и мѣщанство встрѣчаетъ со стороны сербовъ и ихъ начальства однѣ обиды и разоренія.

Столкновенія между сербами и кіевлянами возникали постоянно въ массѣ ежедневныхъ, житейскихъ случайностей. Сербы чувствовали себя въ положеніи привилегированномъ и давали это чувствовать кіевскимъ обывателямъ; послѣдніе въ свою очередь не могли понять, за что обрушилось на нихъ столь продолжительное и тяжелое бремя, какъ постойная и другія повинности въ пользу сербовъ. Взаимное раздраженіе усиливалось значительно распущенностію и своеволіемъ сербской команды, въ большей части холостой.

Въ октябрѣ 1753 года какой-то сербскій гусаринъ поселился самовольно у кіевскаго мѣщанина Герасима Чикирденка. Этотъ гусаринъ, какъ жаловался на него Чикирденко, «напиваясь пьянъ, жену его, сосѣдокъ двохъ и наемницу дивчину силился потчовать горѣлкою и нѣкоторые оным по прихоти своей оказывалъ поступки». Хозяинъ попытался было воздержать своего квартиранта отъ нескромностей, разогнавшихъ со двора всѣхъ женщинъ; но тотъ, «обнажа шаблю и зъ обухомъ шатаясь, окна повыбивалъ, посуду побилъ и за нимъ, Герасимомъ, ганялся съ шаблею, почему и принужденъ гвалтъ кричать». Жалоба эта, вмѣстѣ съ обухомъ и обнаженною шаблею, представлена была уже изъ магистрата въ кіево-губернскую канцелярію съ просьбой «дать руку помощи» вообще противъ сербскихъ гусаръ, чтобы они «самоволствъ производить не дерзали».

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1754 года обнаружилось столкновеніе между сербами и однимъ изъ магистратскихъ чиновниковъ, по всей вѣроятности, подготовленное намѣренно и бывшее послѣдствіемъ возникшихъ раньше взаимныхъ обидъ.

Однажды вечеромъ сошлись на межигорской улицѣ, близъ церкви Воскресенія Христова, магистратскій инстигаторъ Яковъ Павловскій и мѣщанинъ Иванъ Лукавый; невдалекѣ отъ церкви, близъ «неуказного шинку» сотника кіевскаго Павла Гудима, они замѣтили какого-то человѣка, «зъ бородою притворною, зъ льна или клочча здѣланною, и на шіи зъ брижамы зъ нѣякогось рубинца обвѣшенными, зъ капелюшомъ распростертимъ, въ свиту одѣтого, вовся подобію жида». Инстигаторъ сталъ присматриваться, недоумѣвая, «что ето за позорище и кто онъ страннообразенъ», а мѣщанинъ Иванъ Лукавый подошелъ было уже поближе; но тутъ «оное бородатое позорище зъ нѣякимсь гусаромъ, напавъ на оного

Ивана, обваливъ на землю, били до полусмерти». Павловскій подбѣжалъ на выручку; тогда «бородатій», спявъ бороду и брижи, бросилъ ихъ на землю и накинулся на Павловскаго, для котораго теперь ясно стало, что онъ имѣетъ дѣло съ сербомъ. Между тѣмъ изъ сотницкаго шинка выбѣжалъ капитанъ Станкевичъ (также сербъ) и, «прискакивая зъ многимы навязкамы», схватилъ инстигатора за грудь и приказалъ гусару бить «по головѣ нещадно». На крикъ сбѣжалось «множество другихъ сербовъ съ фузіями» и, толкая Павловскаго въ спину дулами ружей, потащили его «гвалтомъ нахально» во дворъ генералъ-маіора Прерадовича. По дорогѣ, на крикъ Павловскаго и протестъ именемъ императорскаго величества, явились было для обороны гренадеры, стоявшіе на подольской гауптвахтѣ, но сербы не выпускали его изъ своихъ рукъ, отбиваясь и отъ гренадеръ и отъ сбѣжавшагося народа, охраненію котораго Павловскій и приписывалъ свое спасеніе отъ «всеконечной смерти». Тутъ-же на улицѣ встрѣтилъ эту процессію сынъ генерала Прерадовича, маіоръ Георгій Прерадовичъ и сталъ наносить Павловскому побои. Открылось, что молодой Прерадовичъ давно питалъ къ инстигатору злобу за то, что тотъ, по должности своей, часто являлся отъ имени магистрата и «смѣло выговаривалъ» по поводу разныхъ безобразій, чинимыхъ обывателямъ командою этого маіора. Павловскаго потащили во дворъ сербскаго генерала; молодой маіоръ и здѣсь всячески бранилъ его «своимъ нарѣчіемъ мерзостно и издѣваясь», называлъ его «гунствотомъ, канальею и шельмою», порывался бить его по щекамъ; но вышла генеральша и сдержала расходившагося сынка. На выручку инстигатора явился наконецъ караульный русской арміи офицеръ и взялъ его подъ свой караулъ.

Этимъ однако дѣло не ограничилось. Въ то время, когда сербы тащили инстигатора Павловскаго во дворъ своего генерала, одинъ изъ кіевскихъ мѣщанъ, нѣкто Алексѣй Нехайкевичъ, выйдя на крикъ изъ дому и возмущенный такимъ «крайнимъ кіевскому мѣщанству безчестіемъ и поругательствомъ», сталъ говорить, что-де «у насъ, когда возьмутъ кого подъ караулъ, хотя й би самого послѣднѣйшого, то уже подъ карауломъ бить не можна, а се человѣкъ также служивый и при магистрату ранговій, также денги по своему рангу казенніе получаетъ, якъ бы и офицеръ, и бить би его, ведучи подъ караулъ, не надобно». За этотъ невинный протестъ досталось и

Нехайкевичу: къ нему, по отводѣ инстигатора, вернулся меньшій сынъ генерала Прерадовича съ другимъ гусаромъ и нанесъ ему немалые побои, которые въ тотъ же день и освидѣтельствованы были «за столника правящимъ капитаномъ» Лбовымъ. «Точію того времени, писалъ черезъ нѣсколько дней въ своей жалобѣ Нехайкевичъ, з горячого часу, что ногу скалѣчили, той ножной болѣзни не чувствовалъ, а нынѣ съ того бою во все не могу ходить».

Возбужденныя этими исторіями жалобы и производившіяся по нимъ слѣдствія въ концѣ концовъ никакой «сатисфакціи» мѣщанству кіевскому не доставляли. Раздраженіе усиливалось и росло, пока наконецъ сербскія команды не двинулись на отведенную имъ землю. Поводомъ къ нему служило и то, что сербскіе командиры, затрудняясь, какъ мы знаемъ изъ записокъ Пишчевича, комплектованіемъ своихъ полковъ, которые они сформировать взялись, сманывали въ свою команду людей и часто мѣстной, такъ сказать, породы, выдавая ихъ за сербовъ, и эти то «нововписные сербы» представляли изъ себя, какъ видно, элементъ весьма безпокойный, готовый на всякія «шалости» по отношенію къ мирнымъ обывателямъ. Магистратъ кіевскій и жаловался, между прочимъ, на этотъ неблаговидный способъ пополненія сербскихъ командъ. Способъ этотъ практиковался, вѣроятно, и во время слѣдованія сербовъ на мѣста своего поселенія. Такъ жена полковаго эсаула Анастасія Лукашевичева жаловалась на генерала Прерадовича, что онъ во время стоянки своей въ Переяславѣ, принялъ кучера ея, человѣка «породы малороссійской», въ свою команду, въ число сербовъ. Кучеръ этотъ, получилъ слѣдуемую ему за годъ впередъ плату, сбѣжалъ отъ хозяевъ, предварительно ихъ обокравши, и былъ принятъ въ сербскую команду, «какъ иноземецъ». При этомъ, подъ предлогомъ взятія одежды этого «нововписного серба», Прерадовичъ прислалъ въ домъ Лукашевичевой человѣкъ семь гусаръ, которые «гвалтомъ» набѣжали во дворъ, отбивъ ворота, и «чинили немалые съ бранью крики и похвалялись самую Лукашевичеву да и слугъ вбить», такъ что для защиты ея потребовался особый караулъ отъ полковой канцеляріи.

Такъ или иначе сербы оставили наконецъ Кіевъ и двинулись къ Запорожью чрезъ Переяславъ, но и тутъ дали знать себя. Полковники переяславскій Сулима и лубенскій Апостолъ жаловались на причиненныя командою Прерадовича во время слѣдова-

нія ея чрезъ ихъ полки разнаго рода безчинства и разоренія. Нечего и говорить, что командиры нигдѣ не доплачивали слѣдуемыхъ за подводы прогоновъ, совсѣмъ не платили или не доплачивали за поставляемый имъ заблаговременно фуражъ.

Прибывъ въ августѣ 1754 года въ Переяславъ, сербы со своими командирами заняли квартиры «по своей волѣ», не обращая вниманія на «учиненную имъ квартиръ ассигнацію» мѣстною полковою старшиною, «вмѣсто добродѣтельнаго и ласковаго обхожденія, какъ имъ и поступать повелѣно, оказали себя недобропорядочно и поступали съ хозяевами неучтиво и съ явною обидою». Такъ писалъ въ генеральную войсковую канцелярію полковникъ переяславскій Сулима. А магистратъ переяславскій представилъ цѣлый реестръ обидъ, какія причинилъ ему и обывателямъ мѣщанамъ генералъ Прерадовичъ и его команда во время трехдневнаго своего пребыванія въ городѣ (съ 14 по 16 августа). Магистратъ, между прочимъ, не захотѣлъ выдать командѣ, при ея отходѣ, установленной квитанціи въ томъ, что она «никакихъ обидъ и налоговъ не причиняла». По этому поводу явился въ магистратъ сербскій прапорщикъ Дмитрій Марковичъ и, «не почитая онаго яко урядового приказного мѣста», сталъ шумѣть и бранить засѣдавшихъ въ магистратѣ урядниковъ, презрительно относясь къ самой ихъ «малороссійской породѣ». Когда же обиженные урядники спросили его, «въ чемъ тая о малороссійскихъ его рѣчь состоитъ и чѣмъ малороссійцы худы», то прапорщикъ призвалъ вооруженныхъ своихъ гусаръ и велѣлъ имъ поспѣшно забрать стоявшія въ магистратскомъ дворѣ подводы. Пошли было урядники жаловаться къ Прерадовичу, но тотъ никакой «сатисфакціи не учинилъ», подводы велѣлъ забрать и, явившись затѣмъ самъ въ магистратъ и «ходя въ шапкѣ по магистрату, съ крикомъ урядниковъ мерзкими рѣчами бранилъ и кидался бить». Урядники, въ виду такого насилія, «пришли въ немалый страхъ и смятеніе и принуждены были, оставя магистратъ, бѣжать и скрываться».

Въ Переяславѣ же имѣлъ мѣсто такой казусъ. Проживавшій здѣсь «польской націи отставной драгунъ», Казиміръ Тарасовскій въ числѣ «сербской націи», слѣдовавшей черезъ городъ съ генераломъ Прерадовичемъ, «опознáлъ собственную свою вѣнчанную жену Агафію Іосифовну», которую и хотѣлъ было задержать; но сербы

этого не допустили и скрывали ее на своихъ квартирахъ во все время пребыванія своего въ Переяславѣ. Тарасовскій обратился за содѣйствіемъ въ полковую канцелярію, но она оказалась въ этомъ дѣлѣ безсильною: только и могла она добиться отъ Прерадовича того, что онъ послалъ двухъ унтеръ-офицеровъ для охраненія квартиры Тарасовскаго, который, сидя подъ карауломъ, и не могъ, конечно, видѣть своей сбѣжавшей съ сербскими гусарами жены.

А. А—скій.

ЗАМѢТКА О ВРЕМЕНИ СМЕРТИ КН. КОНСТАНТИНА ОСТРОЖСКАГО.

Въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» сего 1885 года, въ статьѣ: «Очеркъ исторіи юго-западной Россіи», стр. 700-я, между прочимъ, говорится: «Русскій народъ видѣлъ себя оставленнымъ панами, въ особенности послѣ того, какъ со смертію князя Константина Острожскаго (1608 г.) погибла послѣдняя опора православной вѣры»...

Въ цитированномъ мѣстѣ авторъ категорически утверждаетъ, что годомъ смерти князя Острожскаго былъ упомянутый 1608 годъ. Тоже повторяютъ и другіе историки: М. А. Максимовичъ (Собр. соч., Кіевъ т. I, стр. 189) пишетъ, что князь К. К. Острожскій скончался 1608 года 13 февраля, въ субботу Ѳеодоровой недѣли, на 82-мъ году жизни.

Между тѣмъ въ архивѣ почаевской лавры находится книга, заключающая въ себѣ фундушевые документы бывшихъ дубенскихъ монастырей спасскаго и Честнаго-Креста, № 7/9. Однимъ изъ числа этихъ документовъ подтверждается пожертвованіе отъ предковъ князя спасскому монастырю грунтовъ «на парканю и за брамою луцкою, названное Волици», въ такихъ словахъ: «що разъ уже отдалы на офѣру Богу, такое наше наданіе не повинно нарушонное буты, що хотячы вѣчными часы мѣти, при печати нашой рукою княжою подписуемо во Острогу. Писанъ року Божого тысяча шестсотъ осьмого, мѣсяца декабря дня одинадцатого. Константинъ». Ясно, что князь Острожскій не могъ умереть въ началѣ 1608 года, когда въ самомъ его концѣ, собственноручно подтверждаетъ спасскому монастырю «наданіе» своихъ предковъ; да едва-ли и могъ онъ

умереть въ этомъ году, хотя и былъ въ это время въ глубокой старости. Понятно, что споръ монаховъ съ княжескою администраціею и управителями Дубна, касавшійся грунтовъ и подданныхъ цѣлаго пригороднаго предмѣстья, былъ не изъ пустячныхъ и не могъ миновать личнаго разбирательства князя и разсмотрѣнія имъ предковскихъ записей; но несомнѣнно и то, что, стоя на порогѣ гроба, никто не станетъ заниматься земными дѣлами и вникать въ имущественные интересы, и особенно такой благочестивый, истинный христіанинъ, какимъ былъ князь.

Такимъ образомъ князь Константинъ Константиновичъ Острожскій скончался послѣ 1608 г.; но когда именно—это задача, разрѣшеніе которой будетъ честью и заслугой предъ отечественной исторіей какого-нибудь труженика или счастливца.

Д. Гродецкій.

25 апрѣля 1885 г.
С.-Петербургъ.

ДАРСТВЕННАЯ ЗАПИСЬ СТАНИСЛАВА ПОТОЦКАГО ВЕРОНИКѢ КРЕПСЪ.

Предсѣдатель винницкаго съѣзда мировыхъ судей П. С. Гаевскій любезно сообщилъ мнѣ нижеслѣдующій актъ, не лишенный историческаго интереса.

Въ 1768 г. во время уманской рѣзни погибла почти вся семья уманскаго губернатора Младановича. Спасенная малолѣтняя дочь его Вероника вышла впослѣдствіи замужъ за шляхтича Яна Крепсъ; будучи уже въ замужествѣ, составила она записки о пережитыхъ ею ужасныхъ дняхъ, полныхъ кровавыхъ сценъ. Записки эти до сихъ поръ составляютъ цѣнный матеріалъ для исторіи этихъ событій. Судьба самой Крепсъ мало извѣстна. Изъ предлагаемаго документа видно, что мужъ ея находился на службѣ у владѣтеля Умани Потоцкаго, который счелъ нужнымъ даже наградить его за особыя заслуги, предоставивъ ему и его женѣ въ 1780 году въ полную собственность участокъ земли въ г. Тульчинѣ на предмѣстьи Володовка. Крепсы однако не долго удержали усадьбу въ своихъ рукахъ и въ 1791 году переуступили ее французскому генералу Іосифу-Антону де Ферраръ графу де-Понмартенъ, который черезъ

полтора года продалъ ее графу Адаму Мощинскому.—Приводимъ текстъ этого акта въ переводѣ съ польскаго оригинала на русскій языкъ.

Я Станиславъ на Кристинополѣ, Тартаковѣ, Тульчинѣ, Могилевѣ, Браиловѣ и Умани Потоцкій, белзскій, сокальскій, грубешовскій etc. староста и орденовъ Бѣлаго Орла и св. Станислава кавалеръ.

Всѣмъ вообще и каждому въ особенности, кому-бы о томъ вѣдать надлежало, а именно ихъ милостямъ панамъ комиссарамъ, экономамъ, губернаторамъ и всякихъ названій управителямъ въ моихъ украинскихъ имѣніяхъ, нынѣшнимъ и будущимъ, извѣстнымъ дѣлаю, что, во вниманіе къ заслугамъ вельможнаго пана Крепса, дарю ему и женѣ его плацъ на дворъ въ родовомъ моемъ имѣніи, г. Тульчинѣ, находящійся на предмѣстьѣ Воловодовцѣ, близъ тамошняго пруда и мельницы расположенный, начиная въ ширь отъ рѣчки при греблѣ до усадьбы Федька Хворостяного, а въ длину отъ дороги, идущей отъ Войтовки чрезъ всю леваду и до саду Красницкаго и Максима Тесля,—даю на вѣчныя времена, освобождая ихъ и ихъ наслѣдниковъ отъ всякихъ податей какъ городскихъ, такъ и экономическихъ, кромѣ общественныхъ, и предоставляя имъ право продать или подарить кому тотъ плацъ; а чтобы это право ни въ чемъ не было нарушено, о томъ объявляю моимъ управителямъ и, съ приложеніемъ моей печати, подписомъ моей руки утверждаю. Данъ въ тульчинскомъ замкѣ 28 февраля 1780 г.

Станиславъ Потоцкій.

На этомъ-же актѣ находится урядовая помѣта о вписаніи онаго въ книги воеводства брацлавскаго, а также передаточныя надписи о переуступкѣ плаца Крепсами графу де-Понмартену, а этимъ послѣднимъ графу Мощинскому.

Приведенный актъ, кромѣ интереса, возбуждаемаго участвовавшими въ немъ личностями, служитъ также иллюстраціей для вопроса объ образованіи частной мелкой собственности въ владѣльческихъ городахъ.

Подаренная Крепсамъ усадьба, переходившая между графами изъ рукъ въ руки и доставшаяся въ концѣ концовъ супругѣ г. Гаев-

скаго въ настоящее время обнимаетъ пространство около 8 десятинъ, лежитъ почти въ центрѣ мѣстечка и составляетъ единственный тамъ участокъ, принадлежащій владѣлицѣ на правѣ собственности, тогда какъ все мѣстечко поселено на чиншевомъ правѣ.

Ц. Г. Нейманъ.

ПОЛЬСКОЕ ПРИВѢТСТВІЕ НАПОЛЕОНУ I ОТЪ ЛИЦА БѢЛОРУССІИ.

Всѣмъ хорошо извѣстны тѣ вожделѣнія, какія возъимѣла, при приближеніи Наполеона 1-го, шляхта не только польскихъ областей, но и областей искони русскихъ, по волею судебъ входившихъ нѣкогда въ черту границъ Рѣчи Посполитой.

Отовсюду стекаются депутаціи людей забывшихъ свою народность, людей говорящихъ рѣчи не отъ имени нѣкогда славнаго и могучаго южно-русскимъ духомъ политическаго организма Великаго Княжества Литовскаго. Нѣтъ, они говорятъ отъ имени народности, погубившей ихъ самостоятельное существованіе, произносятъ рѣчи отъ имени Польши, и въ духѣ вражды и ненависти къ кореннымъ обывателямъ западно-русскаго края, которыхъ не могли не возмущать посягательства шляхты на этнографическое цѣлое ихъ родины.

Въ фамильныхъ нашихъ бумагахъ сохранилась одна изъ такихъ рѣчей, сказанныхъ Наполеону въ Смоленскѣ,—который на дняхъ отпраздновалъ мирное національно-русское торжество постановкой памятника творцу русской оперы. Рѣчь написана и произнесена на французскомъ языкѣ. Она носитъ слѣдующее заглавіе:

«Императору Наполеону депутатовъ могилевской губерніи; произнесено въ Смоленскѣ обоэнымъ Литовскимъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ, Прозоромъ, обывателемъ могилевской губерніи».

Передаемъ текстъ этой рѣчи въ русскомъ переводѣ того времени.

«Государь! Неудобопонятныя произшествія, съ удивительной стремительностью послѣдовавшія, достигли сей искони свободной земли, коея обыватели, удручаемые сороколѣтнимъ тиранствомъ сосѣдей, нѣкогда своихъ данниковъ, не преставали устремлять очей, преисполненныхъ слезъ, на погибель ихъ отечества. Таково было положеніе Бѣлоруссіи, коея часть составляла могилевская губернія,

препоручившая намъ повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества дань своея вѣрности и преданности.

Благоволи, Государь, развернуть метрики нашего отечества, и на всякой страницѣ твое Величество узритъ кровавымъ почеркомъ напечатлѣнную ненависть противъ нашихъ хищниковъ. Долговременная цѣпь злополучія, обременявшая сію землю, преисполнила одними печальными воспоминаніями сердца жителей, восхищающихся днесь при возсіявшей для нихъ надеждѣ. Провидѣніе, внемля преданію нашему и раскаянію о миновавшихъ упущеніяхъ, удивило на насъ милость свою, ниспосылая героя всѣхъ временъ, держащаго твердою рукою вѣсы, на коихъ зыблется судьба народовъ. Государь! Сія книга судебъ предъ тобою отверзта: благоволи внѣдрить въ оную имя отечества нашего. Уже непобѣдимое твое воинство достигло къ крайнимъ предѣламъ постепенно раздираемой Польши, уже подъ преслѣдующею ихъ и мздовоздающею десницею преклоняются виновныя и высокомѣрныя ихъ выи, коихъ надмѣнность кичилась презрѣніемъ и дерзостію питалась; разсѣянныя ихъ силы распространяютъ даже въ собственныхъ ихъ столицахъ ужасъ и трепетъ. Желанія всѣхъ жителей древней Польши нераздѣльны, и вся ихъ надежда на тебя, Великій Монархъ!

Исполняемъ волю соотечественниковъ нашихъ, которые обязали насъ удостовѣрить въ семъ Ваше Императорское Величество, и клянемся именемъ ихъ, клянемся прахомъ предковъ нашихъ, кои обагряли многократно кровію то мѣсто, гдѣ Ваше Величество воздвигли высочайшій и удивительнѣйшій памятникъ побѣдъ, каковыхъ упомнить не могутъ бытописанія; клянемся, говорю, что вся кровь, имущество и собственность наша посвящены будутъ на то, дабы исполнять повелѣнія Ваши, оправдать высокую довѣренность и даже превзойти чаянія Вашего Императорскаго Величества. Почему благоволи, Государь, милостиво принять жертву нашей признательности. Сердца наши, преизбыточествуя чувствами живѣйшей признательности за величайшія благодѣянія, коими Ваше Величество насъ оживотворяете, руководствуясь стремительнымъ влеченіемъ, которое Вашему Императорскому Величеству благоугодно было внушить, предадутъ оное своему потомству, а сіе изъ рода въ родъ не престанетъ благословлять и призывать на помощь Великаго Наполеона».

1812 г.
августа 8-го.

Сообщ. С. Н. Н.

МАЛОРУССКІЯ ПѢСНИ ПО ЛАТЫНИ.

Въ «Русскомъ Архивѣ» 1885 г., кн. I, говорится, что «Бодянскій съ Гоголемъ распѣвали у Аксаковыхъ малороссійскія пѣсни и что Бодянскій перевелъ будто на латинскій языкъ извѣстную пѣсню: «И шумить, и гуде» и т. д., причемъ приложены и начальные стихи этого перевода, которые выкрикалъ Бодянскій съ припляськваньемъ. Мы вѣримъ автору разсказа и въ возможности самаго факта, и въ томъ, что выкрикиванье и выплясыванье солиднаго ученаго, при его фигурѣ, выходило особенно смѣшно. Вотъ эти начальные стихи:

Et tonat, et bromat,
Coelum pluvium dat.
Quis me, quis me juventulam
Usque domum reducat?
Respondebat ei miles,
Dulcem melem bibens (стр. 140—141).

Можемъ однако съ увѣренностію сказать, что этотъ переводъ не принадлежитъ Осипу Максимовичу лично, что онъ коллективнаго происхожденія, какъ и сама народная пѣсня, и вышелъ отъ кіевскихъ академистовъ стараго времени, Бодянскому-же сталъ извѣстенъ въ Полтавщинѣ, куда ему весьма легко было зайти черезъ посредство переяславской семинаріи или тѣхъ-же академистовъ, зачастую пускавшихся странствовать для исполненія обязанности причетниковъ, школьныхъ или домашнихъ учителей, регентовъ хора и т. под. (Ср. между прочимъ въ «Кіевской Старинѣ» 1885 г., февраль, стр. 318—332: Автобіографія южно-русскаго священника XVIII в.). Въ этомъ мнѣніи утверждаютъ насъ два обстоятельства: во-первыхъ, переводъ «И шумить», съ нѣкоторыми только отличіями отъ напечатаннаго въ «Архивѣ», извѣстенъ былъ въ Кіевѣ и распѣвался въ особенности кіевскими семинаристами 40-хъ и послѣдующихъ годовъ, а во-вторыхъ онъ не единственный въ своемъ родѣ. По-кіевски, и до конца пѣсни, я слышалъ его въ пятидесятыхъ годахъ буквально такъ:

«И шумить, и гуде,	«Et sonat, et tonat,
«Дрибный дощикъ иде:	«Pluviumque coelum dat:
«Ой хто-жъ мене молодую	«Quivis vellit, me puellam
«Та до дому проведе?»	«Domum meum reducat».

Обизвався козакъ	Revocatur miles,
На солодкимъ меду:	Vinum dulce bibens:
«Гуляй, гуляй, моя мыла,	«Lude, lude, mea cara,
«Я до дому проведу!»	«Ego domum reducam».
—Ой прошу-жъ я тебе,	—Rogo te, rogo te,
Не веды-жъ ты мене.	Ne reduce tute me:
Бо лыхого мужа маю,—	Malum virum habeo,
Буде быты, добре знаю.	Juveabit, bene scio.

А вотъ и другой подобный переводъ, очевидно общаго происхожденія съ первымъ:

Ой дивчына-горлыця,	Virgo, tanquam turtur,
До козака горнетьця:	Ad militem fertur;
А козакъ якъ орелъ,	Miles vero, ut aquila,
Якъ побачивъ, такъ и вмеръ.	Moriturus, videns illam.

Ив. Новицкій.

ДВѢ ГАЛИЦКІЯ ПѢСНИ.

Нѣкто Михаилъ Загайскій изъ Скалатскаго уѣзда въ восточной Галиціи прислалъ мнѣ для моего сборника народныхъ пѣсенъ двѣ пѣсни, которыя поетъ народъ надъ р. Збручемъ. Г. Загайскій утверждаетъ, что эти пѣсни имѣютъ историческое значеніе. Первая изъ нихъ (про ягничку) идетъ будто бы отъ тѣхъ временъ, когда на Украйнѣ появились ксендзы-миссіонары, которые, живя въ роскоши у польскихъ пановъ, допускали разныя безчинства. О нихъ пишетъ Георгій Конисскій: «духовенство римское, разъѣхавшееся съ тріумфомъ по Малой Россіи для надсмотра и понужденія къ уніатству, вожено было отъ церкви до церкви людьми, запряженными по двѣнадцати и болѣе человѣкъ въ цугъ» [1]). Вѣроятно и ксендзъ, упоминаемый въ пѣсни, былъ одинъ изъ того же римскаго духовенства.

Вторая пѣсня *про сойку*, по народному преданію, распѣваема была на Украйнѣ во время возстанія Богдана Хмельницкаго и кровавой расправы съ ляхами. Князь Цертелевъ, а за нимъ М. Максимовичъ утверждаютъ, что пѣсня:

[1]) Исторія Руссовъ. Москва, 1884 г., стр. 40.

Ой бѣда, бѣда чайцѣ небозѣ,
Що вывела дѣтки при битой дорозѣ,

представляетъ иносказательно, подъ видомъ *чайки*, Малороссію и что эта пѣсня сочинена Богданомъ Хмѣльницкимъ [1]). На подобіе того можно предполагать, что подъ видомъ *сойки* подразумѣвается *Польша* и что пѣсня *про сойку* также иносказательна, и то съ большимъ еще правомъ, такъ какъ въ послѣдующихъ строфахъ приводится и объясненіе аллегоріи. Самую же пѣсню скорѣе можно приписать времени Колівищины, или возстанія, произведеннаго Желѣзнякомъ и Гонтою. Варіанты одной и другой пѣсни должны быть извѣстны и въ Украйнѣ, откуда безъ сомнѣнія происходятъ и самыя пѣсни.

Я. Г.

I. Пѣсня про ягничку.

Ой погнала дѣвчинонька
Ягнятонько въ поле,
Загубила ягнятонько,
Несчаслива доле!
Ой пиду я гукаючи,
Ягнатонька шукаючи,
Чей же го знайду,
До дому приведу.

***

Надыбала дѣвчинонька
Ксендзя молодого:
Чи-сь не видѣвъ, мосци-ксенже,
Ягнятонька мого?...
Ой не видѣвъ, дѣвчинонько,
Ой не видѣвъ, голубонько,
Ягнятонька твого,
Ани жадного.

***

[1]) См. Пѣсни малороссійскія, изд. М. Максимовичемъ. Москва, 1827 г. примѣч. IX.

А якъ зійшли на долину,
Сѣли спочивати:
Чи не можна, мосця-панно,
Трошки жартовати?
Жартуй, жартуй, господине,
Нехай твоя журба гине;
Весели будьмо,
Весели будьмо!

* * *

А якъ стали жартовати,
Стало вечерѣти;
Часъ бы менѣ, мосци-ксенже,
До домоньку пойти.
Пропавъ баранъ и ягниця,
А я стала молодиця,
Съ ксендзомъ молоденькимъ,
Съ ксендзомъ молодымъ.

* * *

Ой ты суко, моя доню,
Щожъ ты учинила;
Та чому ты псу-попови
Зубовъ не выбила?!
Ніякъ було, матусенько,
Коли просивъ хорошенько,
Щобы ему дати
Лишь пожартовати.

* * *

Ой погоди, попе-хлопе,
То за тую биду,
Я на тебе попе-хлопе,
До бискупа пиду.
Не страшъ мене владыкою,
Я ся владыки не бою,
Нехай знае донька твоя,
Що то парафія моя,
Ксендза молодого
И пробоща твого!...

II. Пѣсня про сойку.

Пошовъ тато до гаю,
Найшовъ сойку на яю;
Гей сойка, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже намъ сойки не видати,
Гей сойка, гей!

***

Пошовъ тато по степу,
Настигъ ляховъ на краю;
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вражихъ ляховъ сдоганяти,
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ свѣта не видати,
Гей ляшки, гей!

***

Ловивъ тато сойку,
Ловила мама сойку,
Ловила мама, ловили дѣти,
Вже вамъ сойки не видѣти,
Гей сойка, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ сойки не видати;
Гей сойка, гей!

***

Ловивъ тато ляховъ,
Ловила мама ляховъ,
Ловила мама, ловили дѣти,
Вже вамъ Польши не видѣти,
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ Польши не видати,
Гей ляшки, гей!

***

Вязавъ тато сойку,
Вязала мама сойку,
Вязала мама, вязали дѣти,
Вже вамъ сойки не видѣти,
Гей сойка, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже намъ сойки не видати,
Гей сойка, гей!

*
* *

Вязавъ тато ляховъ,
Вязала мама ляховъ,
Вязала мама, вязали дѣти,
Вже вамъ Польши не видѣти,
Гей ляшки, гей!
Рѣзавъ тато сойку,
Рѣзала мама сойку,
Рѣзала мама, рѣзали дѣти,
Вже вамъ сойки не видѣти,
Гей сойка, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ сойки не видати,
Гей сойка, гей!

*
* *

Рѣзавъ тато ляховъ,
Рѣзала мама ляховъ,
Рѣзала мама, рѣзали дѣти,
Вже вамъ Польши не видѣти,
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ Польши не видати,
Гей ляшки, гей!

*
* *

Паривъ тато сойку,
Парила мама сойку,
Парила мама, парили дѣти,
Вже вамъ сойки не видѣти,
Гей сойка, гей!

Гей намъ погуляти,
Вже намъ сойки не видати,
Гей сойка, гей!

* * *

Паривъ тато ляховъ,
Парила мама ляховъ,
Парила мама, парили дѣти
Вже вамъ Польши не видѣти,
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ Польши не видати,
Гей ляшки, гей!

* * *

Скубавъ тато сойку,
Скубала мама сойку,
Скубала мама, скубали дѣти,
Вже вамъ сойки не видѣти,
Гей сойка, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже намъ сойки не видати,
Гей сойка, гей!

* * *

Скубавъ тато ляховъ,
Скубала мама ляховъ,
Скубала мама, скубали дѣти,
Вже вамъ Польши не видѣти,
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ Польши не видати,
Гей ляшки, гей!

* * *

Варивъ тато сойку,
Варила мама сойку,
Варила мама, варили дѣти,
Вже намъ сойки не видѣти,
Гей сойка, гей!

Гей намъ погуляти,
Вже намъ сойки не видати,
Гей сойка, гей!

* * *

Варивъ тато ляховъ,
Варила мама ляховъ,
Варила мама, варили дѣти,
Вже вамъ Польши не видѣти,
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вжемъ вамъ Польши не видати,
Гей ляшки, гей!

* * *

Жаривъ тато сойку,
Жарила мама сойку,
Жарила мама, жарили дѣти,
Вже намъ сойки не видѣти,
Гей сойка, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже намъ сойки не видати,
Гей сойка, гей!

* * *

Жаривъ тато ляховъ,
Жарила мама, ляховъ
Жарила мама, жарили дѣти,
Вже вамъ Польши не видѣти,
Гей ляшки, гей!
Гей намъ погуляти,
Вже вамъ Польши не видати,
Гей ляшки, гей!

КЪ ПОРТРЕТУ Д. С. БОРТНЯНСКАГО.

(1751 † 1825).

Прилагаемый къ настоящей книжкѣ портретъ Бортнянскаго представляетъ въ мастерскомъ исполненіи оттискъ съ гравюры *à l'eau forte*, сдѣланной на мѣди высокоталантливымъ академикомъ Викт. Алекс. Бобровымъ и воспроизводитъ предъ нами незабвенныя черты Дмитрія Степановича, оставленныя потомству чудною рукою знаменитаго русскаго портретиста Боровиковскаго. Къ сожалѣнію въ предлагаемой нами біографической замѣткѣ о жизни и дѣятельности Бортнянскаго, мы не можемъ дать такого художественнаго очерка его духовнаго облика, который сколько нибудь соотвѣтствовалъ-бы портрету, написанному истиннымъ артистомъ. Крайняя скудость готовыхъ печатныхъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности нашего великаго композитора и совершенное отсутствіе какихъ либо новыхъ данныхъ, заставляетъ насъ отказаться отъ самой попытки такого рода. Мы знаемъ Бортнянскаго какъ устроителя придворнаго хора, творца многочисленныхъ произведеній церковной музыки, не перестающихъ доселѣ умилять и восхищать насъ и ничего почти не знаемъ о немъ, какъ о человѣкѣ, не имѣемъ свѣдѣній о его дѣтствѣ, о той средѣ, въ которой онъ родился и получилъ первыя впечатлѣнія и стремленія, о томъ, какъ шло его образованіе и развитіе въ придворномъ хорѣ, даже о самомъ этомъ хорѣ, объ условіяхъ жизни и воспитанія малолѣтнихъ пѣвчихъ въ этомъ учрежденіи; знаемъ готоваго, сложившагося композитора, вполнѣ раскрывшійся дивный талантъ и не можемъ съ подробностію и обстоятельностію прослѣдить путь и самый процессъ, которымъ онъ достигъ этого. Мы хорошо знаемъ, какъ велико было на него вліяніе музыки италіанской и можемъ отличить въ его произведеніяхъ этотъ весьма замѣтный элементъ, но мало или ничего не можемъ сказать о томъ, на сколько въ нихъ отразился его личный и національный духъ, духъ тѣхъ мелодій, которыя онъ въ дѣтствѣ зналъ и которыя впослѣдствіи вводилъ въ свои произведенія. Намъ наконецъ пріятно и даже необходимо было-бы знать его частную, личную жизнь, помимо его спеціальной дѣятельности, качества его души, особенности его характера, мелочи даже его будничной жизни, и все это мы мало или почти вовсе не знаемъ. Авторъ не

большой брошюры: «Березовскій и Бортнянскій, какъ композиторы церковнаго пѣнія». Спб. 1882 г., г. Лебедевъ говоритъ: «пѣвчіе и любители поютъ ихъ сочиненія и произносятъ ихъ фамиліи, а не знаютъ, кто они были, какой они мѣстности принадлежатъ по рожденію, въ какое время родились и умерли, что они написали... Да даже въ мѣстахъ ихъ родины имъ не поставлено памятниковъ, а между тѣмъ Березовскій и Бортнянскій были русскіе маэстро церковнаго пѣнія». Мы не мечтаемъ о памятникѣ, но съ грустію замѣчаемъ, что даже сколько нибудь сносной біографіи отца нашей церковной музыки мы не имѣемъ и имѣть пока не можемъ. По необходимости и мы должны ограничиться здѣсь передачею тѣхъ немногихъ свѣдѣній о Д. Ст. Бортнянскомъ, какія имѣются въ печати.

Бортнянскій родился въ г. Глуховѣ въ 1751 г., какъ и его товарищъ по композиціи духовнаго пѣнія Михаилъ Созонтовичъ Березовскій (1745—1777 г.). Это обстоятельство имѣетъ не маловажное значеніе въ опредѣленіи таланта Бортнянскаго и характера его произведеній. Малороссія издавна славилась не только голосами, но и высокимъ развитіемъ въ ней церковнаго пѣнія и выработкою того особаго напѣва, въ которомъ отразилась вся ея судьба, вся душа и вся жизнь ея народа. Приведемъ любопытное свидѣтельство Гербинія—иностранца, бывшаго въ Кіевѣ, въ половинѣ XVII вѣка. «Греко-россіяне, говоритъ онъ, святѣе и изящнѣе славятъ Бога, чѣмъ римскіе католики. Псалмы и другіе священные гимны, гдѣ слышны: дискантъ, альтъ, теноръ и басъ въ пріятнѣйшей и явственной гармоніи, поются въ ихъ церквахъ на ихъ языкѣ и по правиламъ искуства, ежедневно. У нихъ простой народъ понимаетъ то, что священникъ поетъ или говоритъ на природномъ славянскомъ языкѣ. Всѣ міряне, соединяясь съ священникомъ, поютъ такъ гармонически и благоговѣйно, что слушая ихъ, я пришелъ въ упоеніе (экстазъ) и думалъ, что я, въ Іерусалимѣ, присутствую духу и образу первоначальныхъ христіанскихъ церквей, и прославляя Сына Божія, я прослезился подъ вліяніемъ простаго русскаго богослуженія и воскликнулъ съ св. Амвросіемъ и Августиномъ: полны небо и земля величіемъ славы твоея!» Съ присоединеніемъ Малороссіи къ московскому государству, вмѣстѣ съ малорусскими учеными потянулись на Москву и малорусскіе пѣвцы, которые еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ никоновскую реформу, успѣли

многое сдѣлать для введенія въ московскихъ церквахъ искуснаго гармоническаго пѣнія. Царь Θедоръ Алексѣевичъ питалъ особую склонность къ южно-русскому пѣнію и вводилъ оное по церквамъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ вся русская жизнь желѣзною волею Петра Великаго перестроена была на иноземный ладъ, и церковная наша музыка подчинилась западному вліянію. Съ царствованія Елисаветы и до конца почти прошлаго столѣтія мы видимъ у себя полное господство западно-европейской, собственно италіанской музыки и переходившихъ къ намъ ея представителей, какъ Галупии, Керцелли, Сарти и др.

Въ эту-то эпоху преобладанія у насъ вкуса къ италіанской музыкѣ и пѣнію и суждено было выступить на жизненное и въ частности пѣвческо-музыкальное поприще нашему блестящему потомъ композитору. Бортнянскій съ дѣтства былъ пѣвчимъ въ придворномъ хорѣ; а въ 1768 г., по изволенію императрицы Екатерины II, посланъ былъ, для усовершенствованія въ музыкѣ и пѣвческомъ искусствѣ, въ Италію, и обучался въ Венеціи у славнаго въ то время капельмейстера при соборѣ св. Марка—Галупии.

Въ доказательство успѣховъ своихъ, онъ сочинилъ тамъ двѣ оперы и нѣсколько ораторій, которыя были приняты знатоками съ похвалою. По окончаніи курса своего ученія, онъ путешествовалъ въ разные города Италіи, а въ отечество свое возвратился въ исходѣ 1779 г. Опыты его сочиненій съ самаго начала были приняты *съ отмѣннымъ уваженіемъ* и императрица опредѣлила его композиторомъ придворнаго пѣвческаго хора, а государь Павелъ I регентомъ на мѣсто Полторацкаго, умершаго въ 1795 г.

О значеніи Бортнянскаго какъ музыканта въ лексиконѣ Плюшара Θедоръ Львовъ говоритъ слѣдующее:

Объѣхавъ Флоренцію, Болонью, Римъ и Неаполь, Бортнянскій изучалъ красоты знаменитыхъ музыкальныхъ произведеній, собиралъ опыты, которые указали ему путь къ сердцу людей, знающихъ цѣну гармоніи. Въ 1779 г. онъ возвратился въ Россію съ заслуженнымъ именемъ истиннаго артиста. Высокая благотворительница, удостоившая его всемилостивѣйшаго своего вниманія, взлелѣявшая и возрастившая его геній, повелѣла ему быть капельмейстеромъ придворнаго церковнаго хора, а въ 1796 г., ввѣрила ему и самое управленіе придворною пѣвческою капеллою, съ званіемъ директора.

Тутъ открылось ему обширное поприще, но также и нѣкоторыя неудобства, затруднявшія полетъ его генія, силы котораго, вѣроятно, онъ самъ не могъ еще оцѣнить. Во-первыхъ: исполнителемъ его геніальныхъ идей былъ хоръ шумный, украшенный отличными голосами; но въ этомъ хорѣ верхніе голоса, по правиламъ греко-россійской церкви, наполняли пѣвчіе малолѣтніе, не достигающіе сердечнаго выраженія; и все достоинство хора заключалось тогда въ громогласныхъ выраженіяхъ, безъ одушевляющихъ тѣней и свѣта. Во-вторыхъ, Бортнянскій не могъ употреблять никакого оркестра для сопровожденія и поддержанія этого хора: оставались одни обнаженные голоса, въ которыхъ малѣйшая невѣрность была весьма чувствительна. Въ третьихъ, церковное пѣніе, при высочайшемъ дворѣ, тогда украшалось разными болѣе концертными убранствами, нежели молитвеннымъ выраженіемъ. Это произвели иностранные капельмейстеры, которыхъ призывали ко двору для театра, именно: Керцелли, Галуппи, Сарти и проч. Хотя тогдашній придворный хоръ сильно выражалъ ихъ искуственныя красоты, и гласностью обращалъ на себя вниманіе, но между тѣмъ Бортнянскій чувствовалъ, что наше церковное пѣніе клонилось къ западу, и постепенно удалялось отъ высокой простоты сердечной. Остановить это стремленіе было тѣмъ труднѣе, что согласная многозвучность, поражая слухъ и разсыпаясь въ церквахъ, пристрастила къ себѣ общій вкусъ.

Такимъ образомъ Бортнянскій обязанъ былъ недостатки въ произношеніи пѣнія замѣнить простотою чистаго дѣтскаго голоса, а хорное пѣніе одушевить правильнымъ выраженіемъ; недостатокъ вспомогательнаго оркестра наполнить силою и вѣрностью хора; высокопарный концертный слогъ церковнаго пѣнія обратить въ слогъ простой, убѣдительный, для всѣхъ ясный, какой исключительно приличенъ православной греко-россійской церкви. Въ этихъ трудахъ геній Бортнянскаго является уже въ полномъ блескѣ.

Высокія достоинства его музыкальныхъ произведеній неоспоримо открываются въ томъ, что сочиненія его весьма близко изображаютъ слова и духъ молитвы; при изображеніи молитвенныхъ словъ на языкѣ гармоніи, Бортнянскій избѣгалъ такихъ сплетеній аккордовъ, которыя, кромѣ разнообразной звучности, ничего не изображаютъ и изобрѣтаются какъ будто для показанія тщетной учености сочинителя; ни одной строгой фуги не допустилъ

Бортнянскій въ своихъ священныхъ пѣсняхъ, и слѣдовательно нигдѣ не развлекалъ богомольца нѣмыми звуками, и не предпочиталъ бездушнаго наслажденія слуха наслажденію сердца, внимающаго пѣнію говорящему. Бортнянскій сливаетъ хоръ въ одно господствующее чувство, въ одну господствующую мысль, и хотя передаетъ ихъ то однимъ голосомъ, то другимъ, но заключаетъ обыкновенно пѣснь свою общимъ единодушіемъ въ молитвѣ. Вообще весь составъ пѣнія въ сочиненіяхъ Бортнянскаго принаровленъ къ силѣ и способностямъ огромнаго придворнаго хора, который, по его наставленіямъ, приведенъ въ невѣроятное согласіе, точность и въ равновѣсіе голосовъ, и изображаетъ какой-то одушевленный органъ, который качествомъ тоновъ превосходитъ всякій другой органъ. Безспорно, превосходное пѣніе въ сочиненіяхъ Бортнянскаго могло бы сдѣлаться еще проще для хоровъ не столь исправныхъ и богатыхъ, каковъ хоръ придворный, но вспомнимъ, что Бортнянскій долженъ былъ отклонить слушателей отъ витіеватыхъ украшеній, какими иностранные артисты одѣвали нашу церковную музыку, чудесныя очарованія слуха замѣнить однимъ наслажденіемъ сердечнымъ, и слѣдовательно, вмѣсто пышной роскоши концертной услаждать сердца и возбуждать чувство простымъ и чистымъ пѣніемъ; этой перемѣны нельзя было произвесть вдругъ и потому, что иноземную роскошь вообще тогда уже полюбили и съ нею сдружились, и потому что простота въ музыкальномъ исполненіи требуетъ совершенства. Въ его сочиненіяхъ отдѣльное пѣніе, solo, принадлежащее высокимъ голосамъ, соразмѣряется съ тою силою и умѣньемъ, какія доступны малолѣтнимъ пѣвчимъ, а то, какое принадлежитъ голосамъ взрослыхъ, соразмѣряетъ онъ опять съ тѣми ограниченными свѣдѣніями въ музыкѣ, какія часто приноситъ съ собой большой пѣвчій, вступающій въ придворный хоръ по одному только достоинству природнаго голоса. Потому-ли, что никакой геній не можетъ подражать другимъ и творенія свои знаменуетъ неизгладимою печатью, или по другимъ причинамъ, Бортнянскій не пошелъ по слѣдамъ ни Скарлати, ни Дуранте, ни Генделя, ни Іомелли, ни Гайдена, ни Моцарта. Сюжеты произведеній этихъ великихъ композиторовъ и цѣль ихъ, кажется, были совершенно отличны отъ тѣхъ, какіе одушевляли Бортнянскаго. Они не только удивляли слушателя и переселяли его въ другой міръ, но прибѣгали къ

власти и силѣ музыкальной науки и изъ ея источниковъ почерпали великолѣпіе и блескъ концертныхъ произведеній; оттого въ священной музыкѣ всегда употребляли богатыя и трудныя украшенія, понятныя только знатокамъ, и не щадили ничего, что только могло занимать и поражать слухъ; у Бортнянскаго, напротивъ того, въ предметѣ была одна смиренная и теплая молитва, изображеніемъ которой онъ разогрѣваетъ сердце и часто извлекаетъ сладостныя слезы! Словомъ: Бортнянскій у насъ и вездѣ одинъ, и навсегда останется единственнымъ образцомъ той рѣдкой и высокой изящности, которая одною гармоніею голосовъ возбуждаетъ въ слушателѣ глубокое набожное чувство и располагаетъ его къ искренней молитвѣ!

Приводя отзывъ о Бортнянскомъ высокоталантливаго продолжателя дѣла его, дѣла устроенія церковнаго нашего пѣнія, не можемъ не замѣтить, что этотъ отзывъ страдаетъ нѣкоторою отвлеченностію и односторонностію, отсутствіемъ реально-историческаго анализа и оцѣнки произведеній великаго композитора: указываются несомнѣнно присущія его произведеніямъ высокія техническія и такъ сказать идейныя качества—высокая, изящная простота, духъ смиренной, теплой молитвы и т. д., но не уясняются источникъ, происхожденіе и развитіе этихъ качествъ какъ въ общемъ процессѣ воспитанія, такъ и въ ходѣ музыкальнаго образованія Бортнянскаго. Безъ сомнѣнія, главнѣйшія достоинства его произведеній должно приписать его великому таланту и высокому музыкальному образованію, но многое въ нихъ связано съ его происхожденіемъ, впечатлѣніями дѣтства, семейною и вообще мѣстною средою и тѣмъ церковно и народно-пѣсеннымъ матеріаломъ, которымъ не могъ не располагать великій нашъ маэстро, какъ не могъ не пользоваться имъ, особливо въ такъ называемыхъ переложеніяхъ. Отдѣлить одно отъ другаго, опредѣлить и уяснить то и другое—задача спеціалистовъ, мы-же скажемъ, что величайшая заслуга Бортнянскаго состоитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что онъ силою своего таланта задержалъ неестественный гнетъ чуждой намъ по всему италіанской музыки надъ нашимъ церковнымъ пѣніемъ и не допустилъ послѣдняго до совершеннаго претворенія по иноземному образцу и утраты молитвеннаго церковнаго характера, но возвысилъ оное до степени искусства, отвѣчающаго и духу нашей церкви и общимъ требова-

ніямъ эстетическаго слуха и вкуса. Съ него начинается поворотъ въ устроеніи церковнаго нашего пѣнія къ тѣмъ типамъ исторически-образовавшихся нашихъ напѣвовъ, которые сохранили для насъ въ неприкосновенной чистотѣ синодскія изданія пяти нотныхъ книгъ, подъ названіями: *Обиходъ церковный*, *Ирмологій*, *Октоихъ*, *Праздники* и *Обиходъ сокращенный для начальнаго обученія*, повторяющіяся печатаніемъ со 2-й половины XVIII ст. Поворотъ этотъ идетъ правда весьма медленными шагами и, не смотря на протекшее полустолѣтіе, далъ немного еще положительныхъ результатовъ въ дѣлѣ исторической разработки и собиранія памятниковъ нашей національно-духовной музыки; но и то, что достигнуто въ этомъ отношеніи трудами Ундольскаго, Сахарова, Стасова, кн. Одоевскаго, прот. Д. Разумовскаго, Потулова и Ламакина составляетъ значительное пріобрѣтеніе, которое было-бы невозможно безъ рѣшительнаго шага, сдѣланнаго Бортнянскимъ.

Бортнянскій написалъ 35 концертовъ и множество піэсъ, общее число которыхъ простирается до 118. Перечисленіе этихъ произведеній для знатоковъ церковной музыки было-бы излишне, а для незнакомыхъ и мало интересующихся ею и просто скучно. Чтобы однимъ указаніемъ какого-либо изъ произведеній нашего безсмертнаго композитора дать наглядное, такъ сказать, представленіе о его музыкѣ, напомнимъ изъ собственно церковныхъ пѣснопѣній его неподражаемую, такъ называемую царскую херувимскую, № 7-й, а изъ произведеній нецерковныхъ—умилительно-торжественный, всякому близко извѣстный и постоянно слышимый гимнъ: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ!»

И. Божеряновъ.

Юдиновъ зъ включенными въ немъ оперою и феерверкомъ, при коронаціи въ Москвѣ отправованными, посланы чрезъ Антонія Ботарского, сего числа по обѣдѣ отехавшого. Дана дѣлатись шапка срефроглавая для жены шапочнику Семену. Павлу Дембовскому чрезъ хлопця его посланы 30 к. Получилъ писмо отъ старости зъ дому и при ономъ прислано гусей 10, курей 30, цибулѣ и меду.

14. За роботу кунтуша красного суконного и канавацовой черкески, подшитой сѣбѣрками, кравцю Недѣлченку 90 к. даны. Писалъ къ женѣ и къ старостѣ о домовыхъ дѣлахъ и послано чрезъ Юденка шесть кожицъ бараних и плахта, да писалъ же до писаря судового стародубовского Косача о требуемыхъ теперь повторе на летные мѣсяца 60 порціяхъ и о протчемъ.

15. Обѣдали у мене архимандритъ новгородскій Варнава, ігуменъ глуховскій Никифоръ Грибовскій, ігуменъ рябцевскій Товія Сморжевскій, соборный печерскій Варнава Старицкій и другіе отъ духовного чина и сидѣли до позна, а ввечеру у мене-жъ были бунчучный Оболонскій и совѣтникъ Безобразовъ.

16. Золотаръ Албрихъ принесъ 6 ложокъ здѣланныхъ и 6 кубковъ Александра Корецкого вызолоченыхъ; отъ ложокъ-же дано ему за роботу 2 р. 84 к., а отъ кубковъ 1 р. 35 к., да еще ему-жъ дано срѣбра робить ложку болшую столовую и нашого срѣбра далось 33 золотника, а репту свою онъ приложить имѣетъ. Табакерку малую янтаровую до оправи въ срѣбро зъ шернеромъ и печать железную на вибиванье цѣны вирѣзать, что все здѣлать онъ отъ сего числа за двѣ недѣлѣ обѣщалъ.

17. Обѣдали у мене всѣ мірскіе персоны коммисіи перевода и свода книгъ правныхъ и до вечера просидѣли, зъ между которыхъ, ради домашной необходимой нужды, отпущенъ въ домъ свой 15 ноеврія—бурмистръ чернѣговскій Стефанъ Россовскій.

18. За цегли паленой и непаленой 460 заплачено 1 р. 18 к. Взято у Пуховича матеріи срѣброглавой полъ-локтя до кунтуша красного за 2 р.; да у другой крамарки мамсу для Грицка Дмитренка за 90 к. Посланъ Грицко зъ подводами и теслями въ Кочерги.

19. Прибылъ зъ Москви судія енералный Якимъ Горленко.

20. Въ 10-мъ часу предъ полуднемъ прибыла въ Глуховъ госпожа Розумовская, Алексія Григоріевича матушка, для которой

пріезду былъ у генерала публичной обѣдъ, где и мы зъ протчими обѣдали. Сего-жъ числа прибыли десять подводъ зъ разными запасами.

21. Господинъ генералъ Бибиковъ зъ госпожею Розумовскою былъ воспріемникомъ сину бунчучного енералного г. Оболонского Демяну отъ крещенія, и для того у него-жъ бунчучного былъ крестинный столъ и гуляли даже до вечера, а ввечеру провожали госпожу Розумовскую на ся квартеру, где доволно отъ сотника глуховского трактованы, потомъ былъ и у писара енералного г. Безбородка и уже позно пріехалъ въ домъ шуменъ.

22. Ради вчорашного шумства не віездилъ зъ дому никуда, а госпожа Розумовская, отобѣдавъ у сотника глуховского, отехала зъ Глухова въ путь свой, а мимоездомъ была у асаула енералного господина Якубовича; съ нею въ асистенціи отехали полковникъ кіевскій Михайло Танскій и братъ его Іосифъ, да полковника нѣжинского Божича синъ и Афендикъ, тако-жъ обозный полковый кіевскій Алексій Подвисоцкій и протчіе.

23. Привезенъ зъ Городища нѣкоторій домовый запасъ и чрезъ того-жъ подводчика писалъ къ женѣ и до Федора Ширая, зъ прилогомъ писемъ зъ Москви полученныхъ отъ Павла Скорупны, тако-жъ и до старости въ Перегонъ. Писалъ къ полковнику полтавскому г. Кочубею, противъ его ко мнѣ писма.

24. Золотарю Матяшу за зроблене креста до церкви городиской данъ 1 р. Писалъ къ Якову Марковичу въ Москву, зъ посилкою пакета на имя г. брегадира Федора Стефановича Вишневского, зъ писмомъ къ нему-жъ, отъ 23 сего теченія надписанного, и зъ включенными въ ономъ отъ Івана Гамаліи 4 писмами.

25. Отправлены въ домъ мой два компанѣйци надворной короговы и чрезъ оныхъ писма до жены и до старости перегонского. По писму старости товкачовского Іліи Паленского о насланной туда горѣлцѣ для шинку зъ дому судіи енералного Горленка, писалъ къ нему судіи Горленку, зъ сообщеніемъ копіи писма старостиного, а къ старостѣ о томъ-же и о футорѣ продажномъ Данила Савина. Писалъ и къ Максиму Турковскому сторони 300 балясъ, подряженныхъ въ Мглинщинѣ дѣлать до будинку нашего въ Городище. Грицку на крашенину, на сѣрякъ и полотно дано 96 к. Вечеромъ былъ у асаула енералного Якубовича.

26. Писалъ къ старостѣ товкачовскому противъ его писма, чрезъ подводчиковъ присланного, и квіты индуктарскіе отъ его-жъ присланные къ нему обратно включены. Получилъ писмо отъ полковника полтавского чрезъ писаря его полкового Руповского. Обѣдалъ у асаула енералного г. Якубовича зъ полковникомъ Челищевымъ и женою его, зъ Валкевичемъ и Федоромъ Чуйкевичемъ; а по обѣдѣ пріехали туда-жъ бунчучный Оболонскій зъ тещею своею Родзянкиною и зъ дочкою еи, що за Лазоровичемъ; ввечеру-же прибыли туда-же посланные для дѣланія межи между Великою и Малою Россіею, Василій Силичъ Поляковъ и секретарь той-же коммисіи князь зъ грузиновъ.

27. Былъ у мене сотникъ воленскій Василій Максимовичъ и войтъ новгородскій зъ мѣщанами тамошными, прибывшими сюда просить о виключеніи города ихъ отъ вѣдомства коммисіи економіи. Подводы товкачовскіе отпущены и чрезъ оные послано до старости писмо.

28. Писано писмо до полковника лубенского Апостола о Василю Григоровичу, бывшему писару лохвицкому, въ обидахъ ему отъ сотника тамошнего дѣючихся. Прибыли зъ Москвы въ Глуховъ обозный полковый чернѣговскій Мулявка и сотникъ яготинскій Филипъ Купчинскій.

29. Прибылъ въ Глуховъ подскарбій енералный г. Скоропадскій, поворотясь зъ Хомутця. Пришли подводы зъ нѣкоторыми харчевыми вещми зъ Городинца, при которыхъ привезена и господиня Ганна зъ двома дочками, нанятая на годъ за 2 р. 50 к. зъ нашею одежою; и чрезъ тые-жъ подводы писано до Кавра́йского о домовыхъ дѣлахъ.

30. Гончару, которій дѣлалъ печь въ лазнѣ и передѣловалъ въ свѣтлицѣ и въ людской, дано 80 к.

31. На викупъ кухаревого кожуха въ Есманѣ дано 62 к. Кравцю за позументъ 50 к. За греблю 15 к. Обѣдалъ у мене асаулъ полковый нѣжинскій Андрей Володковскій.

Ноеврій.

1. Писма мои до Якова Марковича въ Москву и до брегадира Федора Стефановича Вишневского вручены для пересылки Роману Яненку, індуктару глуховскому.

2. Онъ-же Яненко прислалъ писмо до індуктара написанное, чтобъ отъ горѣлки нашей по ярмаркамъ не брано индукты. Обѣдали у мене сотникъ лохвицкій Василій Стефановичъ и млинскій Василь Лисаневичъ. Іосифъ, отца Івана синъ, за его проступство наказанъ. Пришла вѣдомость въ Глуховъ, что ясневелможная госпожа гетманша Іуліана Іскрицковна Апостолова прошлого октоврія 29 пополуночи въ 3 часу преставилась въ Хомутцѣ.

3. Маляру Петру Свидѣрскому въ отроботокъ позиченъ 1 р. Пришло въ Глуховъ извѣстіе, что полковникова полтавская Василіева Кочубеева Марфа Івановна преставилась октоврія 29 съ дѣторожденія.

4. Получилъ писма зъ Москви отъ Андрея Горленка. Началъ писецъ гадяцкого полку переписовать книгу Розговоровъ въ царствіи мертвыхъ Кароля 12, короля шведского, зъ герцогомъ голштейнъ готторпскимъ Фридрихомъ.

5. Писару енералному Безбородку и старшому канцеляристѣ Холодовичу отказано отъ правленія дѣлъ канцелярскихъ, а поручено править писару полковому полтавскому Руновскому [204]).

6. Жена пріехала въ Глуховъ.

7. Рано бувъ у писара енералного Безбородка и слушали обѣднѣ въ церквѣ святыхъ Анастасій. Обѣдалъ въ домѣ.

8. Отправлены конѣ одны зъ Грицкомъ въ Товкачовку и теслѣ туда-жъ отпущены, другіе зъ Лескомъ въ Перегонъ, при писмѣ до Кавряйского. Былъ публичный столъ у подскарбія енералного г. Скоропадского [205]), при которомъ кушали генералъ и протчіе господа великороссійскіе и малороссійскіе, въ томъ числѣ и я, и були шумны. Жена заболѣла на голову.

9. Ради шумства вчорашного весь день пробылъ въ домѣ.

10. Первый разъ былъ въ коммисіи, переведенной въ домъ гетманскій, и обѣдалъ у мене п. Савицкій. Кровь пущала жена банками.

11. Послалъ при писмѣ до Александра Корецкого кубковъ его визолоченныхъ 6 и печатку чрезъ Петра, старосту п. Федора Корецкого, за которыхъ позолоту заплачено 1 р. 35 к. Подано

---

[204]) Вслѣдствіе доноса яготинскаго сотника Купчинскаго.

[205]) По случаю смерти гетманши Апостоловой, тещи Скоропадскаго.

доношеніе енералу о забранныхъ Зарѣцкимъ, слугою Зубковского, 13 лошадяхъ. Обѣдали у насъ писаръ суда енералного Пиковецъ зъ женою своею и Федоръ Чуйкевичъ; а потомъ была и судіина енералная Лисенкова.

12. Писалъ въ Москву къ Якову Марковичу, къ Андрею Горленку и до п. Скорупиы, и оные писма отпущены чрезъ маіора гварнѣзону глуховского Якова Любимовича Полянского, къ Москвѣ отправившогося.

13. Енералъ зъ протчими господами велико и малороссійскими, въ томъ числѣ и я, кушали у судіи енералного г. Лисенка и до вечера гуляли.

14. Обѣдалъ у мене Стефанъ Савіцкій, а вечерялъ Василь Стефановичъ, сотникъ лохвицкій.

15. Вечеромъ посѣщали жену мою болную енералного писаря Безбородка и асаула Якубовича жены, а при томъ-же посѣщалъ и подскарбій енералный г. Скоропадскій.

16. Послѣ полдня былъ я у г. Скоропадского и тамъ перве зъ нимъ одымъ, а потомъ и зъ Валкевичемъ доволный розговоръ имѣлъ о дѣлѣ взглядомъ роздѣлу о Рубановскихъ добрахъ.

17. Сего числа рано прибылъ изъ Москви гвардіи преображенского полку поруччикъ Іванъ Шубинъ зъ указомъ изъ сената и зъ печатными манѣфестами и присягами о учиненномъ ея імператорского величества опредѣленіи наслѣдникомъ россійского престола его королевского высочества государя Петра, владѣлного герцога Шлезвизъ-Голштейнского, сына ея імператорского высочества, государини цесаревны Анны Петровны, сестрицы ея імператорского величества; и потому, по отправленной въ соборѣ литургіи, была оныхъ указу и манѣфесту публикація, которые читалъ за писаря енералного управляющый писаръ полтавскій Андрей Руновскій. Послѣ отправованъ благодарственный молебенъ при трекратной изъ 51 пушки и гварнѣзонного глуховского полку бѣглымъ огнемъ палбѣ, а по молебствіи въ той-же церквѣ, по формѣ оной печатной присяги, учинили присягу на содержаніе оного ея імператорского величества опредѣленія въ наслѣдники высокоупомянутого ея величества племянника, его імператорского высочества государя Петра Федоровича. Потомъ были у генерала, токмо не обѣдали, а по обѣдѣ въ 5 часу пополудни, какъ сехались всѣ велико и малорос-

сійскіе господа къ генералу, то былъ банкетъ и много пили при многократной пушечной палбѣ даже до полуночи.

18. Ради вчорашного шумства не віездилъ я зъ дому весь день; присиланный-же ко мнѣ приговоръ, отъ енералной старшины зъ бунчуковими учиненный, о дачи прибывшому изъ Москви помянутому гвардіи поруччику Шубину тисячи рублей, и я закрѣпилъ. Сотникъ полковый прилуцкій Стефанъ Лукомскій зъ женою своею были у насъ для посѣщенія болной жены моей и у насъ-же обѣдали.

20. Прибылъ въ Глуховъ генералъ-маіоръ Даревскій и обѣдалъ у генерала Бибикова. Отправлено въ домъ писмо козакомъ глуховскимъ въ Шатрищи, а оттоль тамошнымъ о романисѣ водцѣ.

21. Обѣдали у мене Федоръ Чуйкевичъ и сотники полковъ стародубовского, мглинскій Лисаневичъ, чернѣговского Бѣлоусскій Малинскій. Рано подана генералу челобитная стороны дѣла зъ Соколовскимъ. Надвечери прибыли зъ Товкачовки Качановскій и Грицко, приведшые 3 коней нашыхъ, и привезли разного збору денегъ 82 р.

22. Писаны разные писма: 1—въ домъ къ старостѣ и къ Кавpайскому, о всякихъ домовыхъ дѣлахъ; 2—въ Лотоки до Федора Пригари, зъ сообщеніемъ поданного намъ доношенія отъ тамошного слюсара нашого Савки о пропаломъ купленномъ его конѣ, чтобъ розискалъ; 3—до Афанаса Сковпня, стороны пограбленныхъ у него ляхами 13 коней; 4—до полковника стародубовского Максимовича о томъ-же дѣлѣ, чтобъ нарочного послалъ за границю къ шляхтичу Яну Зубковскому зъ енералскимъ писмомъ, о томъ къ нему писаннымъ, о чемъ ему полковнику и указомъ зъ енералной канцеляріи предложено; 5—до писаря судового Косача стороны расположенія чиненного на прошлые лѣтные мѣсяцы порцій, а теперь на вінтерквартеру порцій и рацій чинитись имѣючого; 6—до намѣстника чолнскаго монастыря, Варлаама Уманця, о позволеніи дрова возить зъ пущи монастырской.

23. Зъ оными въ домъ и до намѣстника чолнского надлежащими писмами отправленъ Василь Мовчаненко, а въ Лотоки мужикъ слободы Імшицкой, пріездившый сюда нарочно. Вчорашного числа іродіаконъ монастыря новгородского Серапіонъ Годунъ, по писму ко мнѣ отъ намѣстника тамошнего Авксентія, отобралъ надлежащые Стефану Жолдаку муровщику, который дѣлалъ въ Горо-

лище комены, денги осталые 2 р., самъ-же онъ Жолдакъ передъ симъ забралъ 7 р. Писалъ къ старостѣ товкачовскому Паленскому, что привезены денги 82 р. и чтобъ Качановскому нѣкоторого огороддя пустовского и кунтуша не боронилъ и ему-жъ бы далъ жита полусмакъ, ячменя и гречки по четверику, да отцу Івану, брату, отправилъ-бы всякой пашнѣ двѣ подводы, по первомъ зимномъ пути. Закрѣпили въ коммисіи доношеніе объ отпуску сотника полкового прилуцкого въ домъ до сроку прійдучого праздника Богоявленія Господня.

24. Вручены писма до полковника стародубовского Максимовича, зъ указомъ и писмомъ до Яна Зубковского о пограбленныхъ Зарѣцкимъ у Сковпня 13 коняхъ, до писаря судового Косача о расположеніи порцій и рацій, и до войта стародубовского Коменка о покупки вина лагонского бочки. За дзигармистра заплачено кравцю Якубовичевому 1 р. 50 к. Полковникъ нѣжинскій Божичъ пріехалъ зъ Москви и енералъ-маіоръ Стояновъ.

25. Ради праздненства возшествія ея імператорского величества на престолъ, по службѣ Божой было благодарственное молебствіе при трократной изъ 51 пушки и отъ гварнѣзонного солдацкого полку и козаковъ бѣглымъ огнемъ палбѣ; а потомъ у генерала былъ публичный столъ и банкетъ при пушечной палбѣ. Играли въ лотъ, почему я и проигралъ одинъ рубъ.

26. Присланъ указъ изъ суда енералного по дѣлу Соколовского, почему первей былъ я въ судѣ енералномъ, потомъ у генерала и представлялъ, что оное дѣло должно быть разсмотрено въ войсковой енералной канцеляріи.

27. Привезены де-которые вещи зъ дому и писма зъ объявленіемъ о домашнемъ поведеніи и о протчемъ. Жена була рано въ монастырѣ, а потомъ у бригадирши Іллѣной.

28. Рано была жена у генералши, потомъ обое были у бунчучного, а обѣдали у писаря суда енералного Івана Піковця; а по обѣдѣ были у насъ молодые пп. Скоропадскій зъ учителемъ Юнгансомъ. Полковникъ Божичъ отехалъ. Писалъ въ домъ о разныхъ домовыхъ дѣлахъ и до Андрея Миклашевского о утекшомъ служителю передъ симъ, а ныне въ домѣ его обрѣтаючомся Іллѣ; якое писмо, такожъ и отъ Максима Чернявского писмо до попа Алексія Хелбидоцкого, включено отъ мене въ писмо до писаря судового Косача.

29. Оные писма въ домъ чрезъ Іосифа Булахова, а въ Стародубъ чрезъ сторожа полкового отправлены.

30. По службѣ Божой въ церквѣ соборной читано описаніе печатное той церемоніи, якая была сего ноября 7 дня въ Москвѣ въ придворной императорской церквѣ при публѣкаціи манѣфеста о опредѣленіи наслѣдникомъ россійского престола его императорского высочества, великого князя государя Петра Өеодоровича и при восприятіи-жъ его высочествомъ благочестивія греко-россійскія вѣры, потомъ было молебствіе, ради дня кавалеровъ святого Андрея, апостола первозванного.

Декабрь.

1. Прибыли зъ дому зъ писмами и обратно отправленъ подводчикъ зъ писмами-же, чрезъ которого и лѣбра паперу послана. Жена ездила до асаулши енералной Якубовичевой и тамъ долго забавилась.

2. Рано повернулъся Іванъ Кравець зъ Новгородка и привезъ мало купленной рыбы. По обѣдѣ посѣщалъ я господина Безобразова, а потомъ былъ въ судѣ енералномъ и крайную сентенцію обявили въ дѣлѣ Бергеровомъ зъ Козляницею. Полковникъ полтавскій пріездилъ въ Глуховъ.

3. Пришолъ указъ зъ сената о бытіи бригадиру Іллѣну первымъ членомъ въ судѣ енералномъ, да по немъ Безобразову и Алексію Федоровичу Семенову, а Постелникову подскарбіемъ енералнымъ.

4. Получилъ писмо зъ Москвы отъ Скорупцы и къ отцу его другое, которое при своемъ писмѣ до его и отправилъ въ Стародубъ. Посѣщалъ я полковника полтавского на его квартерѣ.

5. Рано просилъ енерала и протчихъ господъ велико и малороссійскихъ на завтрешный день кушать у мене ради моего-жъ тезоименитства. Привезено рибы зъ Новгородка купленной, а зъ Клевенѣ отъ Федора Мануйловича въ даръ присланной, неболшое число.

6. Коло обѣденъ привезено зъ Стародуба вина бочку лагонского, войтомъ Коменкомъ за 38 р. купленную. По набоженствѣ кушали у мене генералъ зъ генералшою, брегадиръ Іллѣнъ, полковникъ Челищевъ зъ женами да полковникъ Тютчевъ и протчіе великороссійскіе и наши, и до позна ночь забавлялись.

7. Отпущены подводы въ домъ, чрезъ которые и писма посланы до Григорія Скорупцы отъ сина его Павла и отъ мене, до

войта Коменка о винѣ и пенцѣ, да до старости и до Каврайского о домовыхъ дѣлахъ. Банкетъ былъ у брегадира Іллина, но я на ономъ не былъ за вчорашнымъ шумствомъ.

8. Получилъ писмо зъ Москви отъ учителя его імператорского высочества, отца Симона Тодорскаго. Взяли у Мандзенка для панеи штофу 15 локотъ по 1 р. 20 к., да сукна 5 локотъ по 58 копѣекъ, итого на 20 р. 90 к.

9. Кушалъ у мене сотникъ минскій Лисаневичъ, а вечеромъ былъ у мене-жъ зъ Шептаковъ Фіалковскій. Прибылъ отъ Федора Ширая служитель зъ писмомъ ко мнѣ и зъ доношеніемъ въ енералную канцелярію, чтобъ ему не ехать въ Глуховъ.

10. Отданъ указъ зъ суда енералного, писанный подъ числомъ сего теченія 8-мъ, до Івановой Миклашевской и до сина еи Павла, о отдачѣ женѣ моей 200 рублей за материзну и 12 р. за убытки надлежащыхъ.

11. Писаны писма въ Москву до Якова Марковича, до Павла Скорупы зъ сообщеніемъ писма отъ Федора Корецкого, до архимандрита богоявленского монастыря Герасима о покупки разной посуды оловяной и мѣдной, да до отца Симона Тодорского, учителя великого князя Петра Феодоровича, и оные вручены Тодорскому сотнику для подачи въ Москву, кому надлежитъ, по подписямъ. Писалъ къ писарю судовому Косачу стороны колодника Сидора Мантулника, содержачогося въ секвестрѣ стародубовскомъ.

12. Оный сотникъ Тодорскій отехалъ къ Москвѣ. Данъ інстанціалный листъ до полковника нѣжинского Божича за канцеляристомъ войсковымъ Іваномъ Михайловскимъ о опредѣленіи его въ писари судовые. За попа Алексія Халкидоцкого, что онъ взялъ у Максима Чернявского хомутъ, заплачено ему 1 р. 10 к.

13. Призиванъ въ судъ енералный по дѣлу Соколовского и тамъ пересмотровалъ дѣла и много зъ судіями и зъ самимъ тимъ клеветникомъ имѣлъ розговоръ.

14. Прислана копія челобитной Соколовского и опредѣленіе въ судѣ енералномъ состоявшоеся, чтобъ мнѣ безъ сроку 7 дней по формѣ суда слушать улики его и говорить оправданіе, противъ чего для отвѣтствія сыскалъ я повѣренного Ілію Квитницкого.

15. О окончаніи перевода и свода книгъ правныхъ, также о отпускѣ на праздникъ коммисіалныхъ персонъ, подано генералу

доношеніе. Описалъ къ Федору Шираю, что ему до праздника въ Глуховъ пріездить не надобно, а на якое-жъ число ему показано будетъ пріездить, о томъ къ нему пришлется указъ, и зъ тимъ писмомъ отпущеному слугѣ его даны 10 к., да сторожу Алексіевѣ на его нужды 20 к.

16. Чиненъ порахунокъ (разсчетъ) зъ сидѣлцами въ коморахъ нашихъ и по порахунку взяли у нихъ доплатки (кромѣ Павломъ Скорупною забранныхъ) 26 р. 72 к. Подана челобитная по дѣлу клеветномъ на мене отъ Соколовского.

17. Былъ въ судѣ енералномъ и подписали приговоръ въ дѣлѣ нѣмца Геера зъ Козляницею, а ввечерѣ слушали дѣла-жъ Демченковъ. Писано писмо до сотника золотоношского зъ пріобщеніемъ писемъ, отъ Каврайского присланныхъ.

18. Каоанъ новый атласовый красный пошитъ, за которого пошите и за кунтуша жениного дано 1 р. 35 к. По службѣ Божой было благодарственное молебствіе ради рожденія ея імператорского величества при пушечной палбѣ зъ 51 пушки и бѣглымъ огнемъ отъ гварнізонного полку и отъ козаковъ сотнѣ глуховской при трократномъ залпѣ, потомъ былъ банкетъ у генерала и до позна доволно гуляли.

19. Заплачено за роботу ложки и табакерки нѣмцу Албриху 4 р. Посѣщали насъ въ вечеру писарь и бунчуковый енералные, да паніи судіини Лисенкова, асаулина Якубовичева и бунчучная Оболонская, а потомъ полковниця Тютчева и писарка судовая Пиковцева. Попу стародубовскому старо-николаевскому Стефану Злотникову позичены 10 р. Писано къ сотнику лохвицкому, чтобъ Тимофію Логвинову позволилъ на нашомъ плацу строитись.

20. Полковникъ полтавскій г. Кочубей и ігуменъ петропавловскій Никифоръ Грибовскій были у мене зрана и полковнику-жъ позычены 3 р., книги Уложенье Воинскихъ Уставовъ и книга печатныхъ указовъ, и отданы опять. Вечеромъ пришли зъ дому конѣ зъ поездомъ зимнымъ. Отданъ хлопецъ Василь Шаповалъ на пять лѣтъ слюсару глуховскому Степану Борисову Почепцю, который для роботи ему своей поступилъ въ одномъ году суботу; намъ-же давать-бы ему хлопцю чрезъ всѣ годы одежу. Просилъ позволенія у генерала отехать въ домъ на праздникъ и вечеромъ былъ у г. Скоропадского, а зъ женою былъ у писаря енералного Безбородка.

21. Дѣло Демченковъ зъ Стефаномъ Миклашевскимъ рѣшили. Я отклонился генералу и зъ другими простилъся при отездѣ, а для отвѣту противъ Соколовского оставилъ повѣренного Ілію Квитницкого, которому и всѣ документы отдалъ, да ему-жъ даны ad interim 2 р̃. Въ 4-мъ часу пополудни віехалъ зъ Глухова и прибылъ до Шатрищъ въ 9-мъ и тутъ ночовалъ у Лукашевича.

22. Рано поехавши прибыли въ Мехедовку, где у Богуславского пообѣдавъ и попасъ коней, потомъ поехавъ прибыли въ Городище въ 10 часу по полдни.

23. Отослалъ указъ къ Федору Шираю зъ енералной канцеляріи, да писалъ до Курковичъ къ Роману, чтобъ горѣлку посиѣшно и добрую робыли.

24. Посвящали хоромы заднѣе, двѣ свѣтлицы, салю, сѣнцѣ и кладовую, а по обѣднѣ, позно уже отправленной, святый сегоденный вечеръ целебровали токмо зъ своими домашними.

25. Въ сей Рождества Господня день по всенощномъ и утреномъ пѣніи, такожъ по службѣ Божой, были у насъ священники зъ церковниками съ поздравленіемъ праздникомъ, и отецъ Михайло зъ нами обѣдъ кушалъ, а по обѣдѣ былъ-же у насъ сотникъ бакланскій Василь Косачъ и долго посидѣвъ, отехалъ уже позно.

26. Войты всѣхъ селъ зъ громадами приходили къ намъ зъ поздравленіемъ праздникомъ, такожъ суворовскій прикажчикъ Самойло Семеновъ Поповичъ, которій и писмо принесъ зъ Глухова отъ г. Скоропадского, въ дѣлѣ ихъ суворовцевъ о грунта заводномъ.

27. Учинена росплатка зъ москалемъ Митрофаномъ Ісаевымъ, которому дано было прежде 2 р. денегъ, чвертку жита и 2 четверички крупъ, а теперь еще доплачено 6 р., двѣ чвертки жита, четверичокъ крупъ, 40 квартъ горѣлки, осьмъ квартъ олію, три безмѣна сала, 16 фунтовъ солы; сдѣлалъ-же онъ намъ дубовыхъ дверей 8 одинакихъ и двойныхъ, а одни липовые, да еще взялъ одны дѣлать двери дубовые простые, да поднялся здѣлать столикъ дубовый-же.

28. Отехали до Козелца племѣнники Іосифъ и Михайло, чрезъ которыхъ писалъ до обозного полкового кіевского Федора Ханенка, дядка, и до отца Іоанна, брата, да и пашпортъ имъ-же на проездъ далъ, а взяли они зъ собою коня сивого, одѣгало старое и санѣ лубяные да 50 копѣекъ.

29. Писалъ въ Глуховъ до г. Скоропадского и до Іліи Квитницкого, повѣренного, чрезъ Грицка, которого зъ 6 подводами туда-жъ до Глухова для возки сѣна и дровъ отправлено, и даны ему на дорогу 20 к.

30. Зрана прибылъ до насъ Федоръ Ширай, а потомъ Федоръ Корецкій зъ своею женою и обѣдали у насъ; вечеромъ-же Ширай отехалъ обратно въ домъ свой, а Корецкій у насъ и ночовалъ.

31. Прибылъ къ намъ-же и попъ Алексій Хелкидоцкій, чрезъ которого дана карта до Гришки Литвяка о прибытіи его къ намъ въ Городище; по обѣдѣ-же Корецкій и оный попъ отъ насъ отехали, а Кочержинскій у насъ вечерялъ и ночовалъ.

1743 годъ.

Мѣсяцъ генварь.

1. Получилъ писма отъ Максима Турковского сторони балясъ и отъ сотника тамошнего Лисаневича, зъ обсилкою птицами и зайцами, да отъ себе писалъ въ Лотоки къ Федору Пригарѣ о слюсару Савцѣ, взглядомъ пропалого коня его и чтобъ купилъ для насъ меду пудъ зъ десять, и до Сковиня, чтобъ присилалъ всячину въ здешный дворъ. Писалъ къ обозному полковому стародубовскому Юркевичу, поздравляючи и его новымъ годомъ и требуючи объ отпускѣ якого слюсара къ намъ для приправы замковъ до дверей.

2. Писалъ къ Івану Бороздѣ въ Медведовъ о присилки Микиты склара для докончения роботы имъ зачатой, до свято-михайловского священника Димитрія Зубрицкого, чтобъ представлялъ Івановой Міклашевской и сину ей Павлу о заплатѣ должныхъ женѣ моей 212 рублей денегъ. Зъ Стефаномъ Кочержинскимъ роздѣлка учинена въ долгу, отъ него намъ надлежащомъ, въ 10 р. 30 к., за которій приняли у него жита $6^1/_2$ осмачки, а ему облигъ отдали. Зборщикамъ прошлого 1742 году за сентябрскую треть показанщина отъ двохъ василювскихъ, да отъ двохъ городискихъ казановъ 4 р. заплачена и квитанція у нихъ взята.

3. Ездилъ въ Гриневъ до Федора Ширая, где купно зъ Григоріемъ Скоруппою и женою его, зъ Василемъ Завадовскимъ молодымъ, зъ молодымъ Скоруппою, Павломъ, и Іваномъ Малішевскимъ,

обѣдали и весь день пробавили; а въ вечеру туда-жъ прибыли маіоръ Іванъ Василіевъ Труновъ и капитанъ Шараповъ зъ женою своею, и я зъ Павломъ Скоруппою отехалъ въ Городище.

4. Онъ же обѣдалъ у мене, а по обѣдѣ отехалъ, а потомъ прибыли до насъ въ Городище Григорій Скорупа зъ женою и обозный полковый Юркевичъ и у насъ ночовали.

5. Рано оные гостѣ отехали. Куплены двѣ шкури чиненные, яловичая и шкапиная (лошадиная), за которые даны 2 р. 55 к. Семенъ Тищенко, значный мѣщанинъ стародубовскій, преставилься въ Стародубѣ.

6. Передъ службою Божіею прибылъ къ намъ въ Городище Григорій Гамалѣя холопецкій (изъ с. Холопца) зъ женою и зъ нами жъ обще были на набоженствѣ, а по обѣдѣ мало позабавившись, отехали. Сего жъ числа зъ Петромъ Романовымъ, который мешкаетъ въ дворѣ нашемъ стародубовскомъ, противъ важницѣ, рощотъ здѣланъ за два 1741 и 1742 годы, за наемъ двора, и дана ему квѣтанція. Ему жъ дано 2 р. 10 к. на покупку двохъ пудъ лою.

7. Былъ у насъ изъ Стародуба Антонъ Донъ и оттоль, тако жъ зъ Глухова получены писма отъ Андрея Лышия съ извѣстіемъ, что указомъ сенатскимъ повелѣно раздѣленные передъ симъ сотни совокупить [206]) и что зятя Лисенкового Кузмѣнского пожаловано сотникомъ менскимъ.

8. Пріездилъ къ намъ въ Городище войтъ стародубовскій Антонъ Коменокъ и отобѣдавъ зъ нами, учиненъ договоръ на пенку безъ браку по 7 р. берковецъ.

9. Рано синъ Василь ездилъ въ Борщевъ до Григоріевой Гамаліиной, а я по обѣдѣ до Чаусъ ездилъ же и, прибывъ въ домъ, засталъ тутъ старого отца Іоанна Святодуховского стародубовского и сина его-жъ Іоанна-жъ діакона Подолскихъ.

10 Писалъ писма къ преосвященному епископу чернѣговскому Амвросію Дубневичу: 1—зъ поздравленіемъ нового года и восприятіемъ престола, 2—за оными отцемъ и синомъ Подолскими, зъ

---

[206]) Это распоряженіе было сдѣлано вслѣдствіе доноса Купчинскаго, который обвинялъ Безбородка, что послѣдній, желая увеличить число сотничьихъ урядовъ, за замѣщеніе которыхъ онъ будто-бы бралъ взятки,—убѣдилъ Румянцева (А. И.) подѣлить нѣкоторыя сотни пополамъ.

инстанціею о неоставленіи ихъ въ нуждахъ ихъ, которые писма имъ и вручены, и они-жъ отехали.

11. Послѣ полдня отехалъ я къ Курковичамъ и въ Андрейковичахъ у вдовы Івановой Хромченковой ночовалъ, где и зятя еи Потапа Богинского засталъ.

12. Прибылъ рано въ Курковичи и отобѣдавъ, ездилъ на футоръ свой, где заводъ винничный. Вечеромъ были у мене отецъ протопопъ погарскій Петръ Кибалчицъ и нашъ городискій священникъ отецъ Михайло, едучій въ Чернѣговъ, потомъ—Мойсей и Іванъ Ломаки.

13. Дякъ бывшій курковскій Федоръ Карповъ затиралъ горѣлку въ нашемъ винничномъ заводѣ. Писаны писма въ Глуховъ къ г. Скоропадскому, г. ассесору Динисову, къ Андрею Лишню и Іліи Квитницкому, которые посланы въ Новгородокъ чрезъ козака курковского Артема Стукаленка при писмѣ къ сотнику, чтобъ оттоль нарочнымъ отправилъ до Глухова.

14. Припровадилъ къ заводу нашему курковскому Уласъ Усикъ, житель семіоновскій, винника Клима Гаврилова, сосѣда Швеева зъ Семіоновки, которого умовили на нашой харчи по 8 к. отъ стану.

15. Віехавъ рано зъ Курковичъ, попасовалъ коней въ Кистрѣ у Семенихи Аршуковой и тамъ-же кушалъ, а потомъ въ превеликую метелицю прибылъ до Городища.

16. Понеже службы въ Городищѣ у насъ не было, то ездилъ я зъ Василкомъ до Борщова и тамъ отобѣдалъ у Григоревой Гамаліиной, купно зъ Павломъ Миклашевскимъ, который и денегъ 100 р., женѣ моей надлежащихъ, отдалъ мнѣ тамъ-же; оттоль прибывши, засталъ въ Городищѣ въ домѣ нашемъ сотника погарского Соболевского зъ женою, войта и писара Турка и Барлуя, пріездившихъ къ намъ зъ поздравленіемъ нового году.

17. На писмо панеи бунчучной Галецкой писалъ отвѣтъ сторони здохлой заграбленной клячи, да до обозного и асаула полковыхъ полку часникового о присилки 4 компанѣйцовъ въ мое владѣніе для полученія здесь порцій и рацій послалъ писмо чрезъ комисара полкового стародубовского Семена Круковского [207]).

---

[207]) Компанейскій полкъ Часныка стоялъ въ это время квартирами въ Стародубщинѣ.

18. Писалъ въ Лотоки къ Афанасу Сковиню о присилки пенки, дегтю и всего того, о чемъ прежде къ нему-жъ писано, да послана вѣдомость, сколко оттоль за порціи ежемѣсячно денгами платитись надлежитъ. Сего числа, будучому мнѣ рано у Перегонѣ, приключилась жестокая болѣзнь въ поперску и ледво оттоль пріехавъ, занемогъ жестоко, такъ что ни сидѣть, ни ходить, ниже самъ зъ боку на бокъ обернуться не могъ, чего для хотя и мазали спиритусомъ и парили въ коритѣ, однакожъ никакой ползы не учинилось, почему принуждены посилать по лѣкаря Копса въ Стародубъ.

19. Рано пріехалы въ Городище Федоръ Ширай и Павелъ Скорупна, которіи и обѣдали у насъ, да уже вечеромъ отехали, простуючи до Глухова. Сегожъ дня прибылъ и лекарь Копсъ и мазалъ мнѣ поперекъ нѣкоторымъ унgвентомъ и прошокъ красный въ чаю давалъ.

20. Оный-же лекарь весь день-же у насъ пробавилъ и такожде мене мазалъ онымъ унgвентомъ, но ползи мало здѣлалось.

21. Лекаря Копса отправили къ Стародубу, давъ ему за визиту 3 р., и хлѣба, а именно: осмачку жита, осмачку овса, чвертку пшеници, станъ горѣлки, 4 гусей и 6 курей ему послали.

22. Возвратилъся зъ Копсомъ посиланный Грицко и привезъ отъ него лѣкарства—мнѣ спиритусъ и лаксативумъ, а женѣ для ползы во время рожденія.

23 и 24. Тая-жъ болѣзнь въ поперску продолжалась.

25. Андрей Ноздра посланъ зъ Барановскимъ въ Лотоки. Сего-жъ числа былъ у насъ въ Городищѣ священникъ погарскій отецъ Павелъ, которому и полусмакъ жита данъ.

26. Отпущены товкачовскіе подводы, на которыхъ привезено сиръ, масло, соль и протчіе дробязки, а на тѣхъ-же подводахъ отпущено въ Товкачовку двѣ куфы горѣлки—одну зъ Василювки не повную, въ которую долили въ Городищѣ полстана, а въ оной мѣры полдесята стана, другую зъ Городища, въ которой мѣры становъ 8 и квартъ 10. Прибыли компанѣйци. Сего-жъ числа синъ нашъ Василь отправленъ до Глухова зъ Іваномъ Кравцемъ и чрезъ него посланы писма до г. Скоропадского, до Юnghанса, до Федора Чуйкевича, до доктора Бока, до Квитницкого, до Іосифа, до Якова Маркевича, а въ дѣлѣ Кравцевомъ писалъ до нѣкоторого Брипцева. Кухаръ бѣжалъ.

27 и 28. Пробавили еще въ Городищѣ, а 29 начали перевозитись оттоль въ Перегонъ.

30. И сами въ Перегонъ переехали.

31. Сей день въ Перегонѣ уже пробавили.

Февраль.

1. Послѣ обѣда отехали зъ Перегону до Левенки и туда прибывши въ вечеру, стали у Александра Корецкого и тамъ застали на весѣля; женилъ онъ своего служителя перекреста Юрія.

2. Жена зъ Федора Корецкого женою ездила до Стародуба къ образу баликинскому [206]); а за поворотомъ ихъ оттоль обѣдали мы тамъ-же въ Левенцѣ, где еще привезъ отъ Павла Миклашевского староста его Новѣцкій 14 р., кромѣ тѣхъ 77 р., которые зъ конми привезлъ прежде въ Перегонъ; а по обѣдѣ отехали мы къ дому и прибыли позно уже въ Перегонъ. Тамъ-же въ Левенцѣ розочлись зъ Александромъ Корецкимъ о 47 червонныхъ, которые отъ него принявши въ 100 р., доплатили ему 3 р. 40 копѣекъ. Сего-жъ 2 числа ездилъ староста зъ Грицкомъ и Дмитромъ компанѣйцами въ Бугаевку и взявъ тамъ бѣжавшую зъ Лукина зъ дѣтми жонку, вдову Бондариху Анну Іваниху, и зъ меншимъ си624номъ ей, тако-жъ зъ трома лошадми, припровадили ей въ Перегонъ, изъ которыхъ лошадей отдани кобила чалая лѣтъ 14—Корнѣю Лопазненку, цѣною въ пяти копахъ, а кобилку вороную, лѣтами противъ третого, въ пяти-жъ копахъ; коня-жъ рижого, лѣтъ билшъ 20, для прокорму взялъ Василь Здроченокъ.

3. Оная жонка Бондариха бѣжала, а кухаръ зъ Глухова при писмѣ отъ Василя присланъ. Сего-жъ числа были у насъ въ Перегонѣ ревѣзоры: значковый товаришъ Василій Хомѣнскій и асаулъ сотенный погарскій Іванъ Перегонецъ. Писмо получилъ отъ сотника погарского о бѣглыхъ.

4. Онымъ ревѣзорамъ отданы именные списки людей посполитыхъ деревень: Перегону, Демковичъ, Чубарова и Курова, да на скупляхъ жіючихъ въ Лукинѣ и въ Чаусахъ.

5. Курилу виннику заплачено за 10 становъ 60 к.

---

[206]) Объ иконѣ Божіей Матери, называемой Балыкинскою (с. Балыкинъ стародубскаго уѣзда) см. Описаніе черниговской епархіи, т. VII, стр. 61.